Москва 20 мая 1899 г.

Дорогая мамочка,

еслибъ ты знала, какъ я обрадовался,
получивъ твое письмо! Я даже бро-
силъ заниматься: такъ пріятно
получить извѣстіе отъ тебя. Мама,
когда-то мы наконецъ пріѣдемъ къ
вамъ! У васъ такъ хорошо. Въ
...сквѣ пыль и духота.

...слава Богу, здоровъ. Коляша
...здорова. Пока экзамены
...ъ хорошо; удачные чины я
...далъ; по греческому имѣю „4",
...нѣмецкому „4", по исторіи „5", по
...русскому „5", по физикѣ „5", по
...графіи „5", по арифметикѣ
...ри „5", по геометріи „5", по
...метріи „5", а латинско-
...письменно „3"

«Люблю Тебя нежно...»

Письма Андрея Белого к матери

1899–1922

Москва • Река Времен • 2013

УДК 929
ББК 84(2Рос)
Л 93

Составление, предисловие, вступительная статья,
подготовка текста и комментарии
С.Д. Воронин

Рецензент
Т.А. Лобашкова, кандидат исторических наук

Художник
О.В. Калашникова

ISBN 978-5-85319-070-2

Предисловие

Полагаю, что читателю, который заинтересуется этой книгой не стоит долго представлять человека, вошедшего в русскую и мировую литературу под псевдонимом Андрей Белый. Как хорошо известно, Борис Николаевич Бугаев (А. Белый) родился 14 октября 1880 г. (ст. ст., 26 октября н. ст.) в доме Рахманова, расположенного на углу Арбата и Денежного переулка в семье известного математика, профессора Московского университета Николая Васильевича Бугаева. В своих известных мемуарах и неопубликованных автобиографиях писатель особо подчеркивал тот факт, что его отцом был профессор математики. В автобиографии, которую он написал в 1932 г. мы читаем: « Я родился в 1880 году, мой отец — профессор математики Н.В.Бугаев (1837–1903) ...»[1] Интересно отметить, что это обстоятельство в его жизни все биографы писателя с его слов транслируют слово в слово и никто из них не пишет о том, что Андрей Белый происходил из дворянской семьи. Между тем, когда пишут о А.А. Блоке его дворянское происхождение непременно подчеркивается.

А ведь и Борис Николаевич Бугаев происходил также из дворянской фамилии. Свидетельством тому служит документ, который еще нигде не публиковался: «Свидетельство. Московское Дворянское Собрание на основании ст. 276. Т. IX. Св. Зак. Изд. 1976 г. сим удостоверяет, что Борис Бугаев, родившийся четырнадцатого Октября тысяча восемьсот восьмидесятого года есть сын Действительного Статского Советника Николая Васильевича Бугаева и что он определением Собрания, состоявшемся 27 дня Ноября 1886 г., причислен к роду, который внесен в третью часть родословной книги и об утверждении онаго в дворянском достоинстве из Правительствующего Сената последовал Указ 8 Августа 1860 года за № 6993. Гербовый сбор оплачен. Москва 3 декабря 1860 года. Московский Губернский Предводитель Дворянства...»[2]. По вполне понятным причинам он об этом в своих известных мемуарах и автобиографических записях не писал. В то время и речи о дворянском происхождении быть не могло. Постоянно он делал акцент на том, что он сын известного профессора Московского университета Н.В.Бугаева. Один из первых основательных исследователей жизни и творчества писателя К.Мочульский не очень ут-

руждает себя выяснением родословной писателя. В его работе «Андрей Белый» мы читаем: «Борис Николаевич Бугаев родился в Москве 14 октября 1880 года; Александр Блок, с которым так сложно и таинственно была соединена его судьба, моложе всего на один месяц. Отец его — знаменитый математик, профессор Московского университета, Николай Васильевич Бугаев»[3].

Будущий писатель растет в интеллектуальной атмосфере Арбата, в улицах, переулках, подворотнях домов Москвы, о которых он потом напишет в своих «Симфониях» и романах о Москве. В его романах, автобиографиях, письмах, которые он писал к близким и далеким ему людям мы можем увидеть совершенно разного Андрея Белого. Хорошо известно, что интеллектуальный импульс, будущему гению русской литературы дала семья выдающегося нашего историка С.М. Соловьева. Сын знаменитого историка М.С. Соловьев и его жена Ольга из гимназиста Бориса Бугаева в один миг сделали Андрея Белого, который вошел под этим псевдонимом в литературный мир.

Помимо этого нельзя забыть и о том, в какой московской гимназии наш будущий писатель обучался. Это была известная на всю Москву гимназия Л.И.Поливанова. Его частная гимназия располагалась на Пречистенке, недалеко от дома нашего замечательного гусара и поэта Дениса Давыдова.

На Пречистенке, недалеко от Зубовской площади стоит этот дом под № 32 — мимо которого москвичи проходят почти каждый день. В гимназии Льва Ивановича Поливанова был культ нашего поэтического гения Александра Сергеевича Пушкина. О чем говорит сочинение гимназиста Б.Бугаева, которое было опубликовано в одном из сборников ЦГАЛИ «Встречи с прошлым» М.В.Рыбиным. «Частная гимназия, существовавшая здесь, называлась Поливановской, по имени ее создателя и директора Льва Ивановича Поливанова (1838–1899), одного из замечательных деятелей русского просвещения. Закончив историко-филологический факультет Московского университета в 1861 году он работал учителем российской словесности в Мариино-Ермолаевском училище, позже работал в 3-й и 4-й гимназиях...»[4]. А.Белый позднее написал: «... скажу с гордостью: я ученик класса словесности Поливанова, и как воспитанник «Бугаев», и как «Андрей Белый»[5]. В этой связи интересно и письмо гимназиста Б.Бугаева, которое мы приводим в нашей публикации « Был сегодня на пушкинском празднике; мы с Алексеевым возложили венок от нашей гимназии; наш венок был очень художествен он выделялся из всех учебных заведений...»[6] В этом же году происходит еще одно важное событие в жизни Бориса Бугаева — им был сдан последний гимназический экзамен. Не желая обижать отца, который хотел, чтобы его сын стал ученым,

он подает прошение на естественный факультет Московского университета. Несмотря на то, что занятия в университете много отнимают у него времени и сил он не оставляет своих литературных занятий. В 1901-м году он становится автором оригинального произведения «Симфония» под псевдонимом Андрей Белый. Этот псевдоним, как известно, был придуман в кругу семьи Соловьевых. Боря Бугаев решает, что А.Белый его судьба. Постепенно расширяется и круг его литературных связей. Он завязывает переписку с известными петербургскими литераторами — Д.С.Мережковским и З.П. Гиппиус. Знакомится с лидером московских символистов Валерием Брюсовым. Вокруг него складывается группа людей, которые назвали себя «аргонавтами». Эти люди сыграли в его жизни очень заметную роль. «Среди создателей и воплотителей «аргонавтического мифа» — лишь три писателя, творчество которых стало достоянием истории русской литературы: Андрей Белый, Эллис, С.М.Соловьев»[7].

Университетские дела отходят на второй план, и только в мае 1903 г. А. Белый вспоминает, что он все еще студент университета и ему предстоит сдавать экзамены. Молодому поэту приходится на время забыть о литературе и сесть за учебники. 24 мая 1903 г. его мама Александра Дмитриевна, отдыхавшая в это время в имении «Серебряный колодезь», получает долгожданное известие: «Просто не верится. Что кончил университет. Все-таки это большой шаг чувствовать себя официально получившем высшее образование...»[8]

Прошло несколько дней и Александра Дмитриевна получает печальное известие: 29 мая скончался ее муж — Николай Васильевич Бугаев. После похорон мать и сын уезжают в имение «Серебряный колодезь», где и проводят вместе все лето. Здесь поэт пишет ряд стихотворений, которые позднее вошли в его первый стихотворный сборник стихов «Золото в лазури». Скоро А.Белый становится заметной фигурой в литературном мире. Он выступает с докладами и лекциями в литературно-философских кружках, печатается в журналах Москвы и Петербурга. Укрепляются его связи с миром писателей. «Вижу разных писателей. Все ко мне очень расположены...» — пишет он матери в одном из писем. Белый становится заметной фигурой в литературно-художественной среде Петербурга, о чем свидетельствует тот факт, известный художник Л.Бакст пишет его портрет, о чем он сообщает матери: «... не могу приехать в Москву еще и потому, что с завтрашнего дня меня опять пишет Бакст во весь рост для «Золотого Руна» Этот портрет пойдет на выставку в Париж. Первый портрет выставлен в Петербурге на выставке «Мир искусства»[9]. Но не только Бакст удерживал его в Петербурге. Взаимоотношения А.Белого, Л.Д.Блок и А.А.Блока в период 1906 — 1907 гг. давно стали фактом не только их биографики, но и фактом литературы. Одним из первых «летописцев» этой

драматической истории был сам А.Белый, который начал анализировать эту ситуацию в письмах к Любовь Дмитриевне Блок и продолжил это дело в своих мемуарах. В воспоминаниях «О Блоке» (1922 г.) он одну из маленьких главок, посвященных семи месяцам 1906 г., называет «Горячка». «Не было мне ни покоя, — пишет он в 1922 г., — ни отдыха; и я бросался в Москву; и оттуда обратно; попал невзначай раз к себе в имение да и застрял там дней на двадцать. <...> Помнится очень — пивные московские, где беседовал с почтарями, с извозчиками, с забулдыгами просто на тему, что лучше погибнуть нам всем, чем так жить; те же самые кабачки и пивные явились у Блока: в стихах, в драматическом перле его, в "Незнакомке"»[10].

Письма Андрея Белого к матери и ее ответные письма за 1906-1907 гг. позволяют думать, что А.Д. Бугаева была в курсе отношений сына с Л.Д. Блок, но не была посвящена во все их нюансы.

В июне 1906 г. А.Д. Бугаева уезжает за границу, откуда пишет сыну восторженные письма. В отличие от своего сына, она очень аккуратно проставляет каждую дату на письмах по старому и новому стилю. В письме 4 (18) июля из Мюнхена она сообщает: <...>Вот уже другая неделя как я в Мюнхене. Письмо Твое мне переслали сюда. Я написала из Францесбадена Василию Васильевичу *(это друг писателя по университету, художник — С.В)*, что собираюсь в Мюнхен и он встретил меня на вокзале. Всюду меня сопровождает, показывает мне все картинные галереи. Я попала в Мюнхен в очень веселое время. Здесь празднуется праздник стрелков, который бывает в 20 лет раз. Улицы все задрапированы художниками. Чудно красиво! Шла по всем улицам процессия в средневековых костюмах. Я была в его Atelier. Он угощал меня чаем по-русски, т.е. с самоваром. Сам его и ставил. Он часто также заходит ко мне вечеров гулять. Много говорим о Тебе, и о всех близких его друзьях»[11]. В июне того же года А.Д. Бугаева совершила поездку по Италии, которую очень живо описала в одном из писем к сыну: « Вчера я вернулась в Мюнхен. Я проехала много по Италии. Была В Венеции, Генуе, на Yacidi-Camo, Laci-Lougano, потом проехала по Швейцарии, через Сан-Гатард и отдохнула несколько дней в Fbiehlen, где местечко настоящий рай. Это на Фарвальдштетском озере. В Венеции меня все поражало своей оригинальной красотой. <...> Съездили несколько раз на море, рейд, где плавают огромные гондолы, за которыми плывут десятки маленьких гондол с публикой и слушают, плавая по морю, серенады. Это так волшебно хорошо, что трудно в письме что-нибудь передать.. Всюду на гондолах, где звучат серенады, где звучат бубны, музыка, и поют такие дивные голоса, что всякая опера перед этим пропадает. При этом берег, освещенной луной, Венеция, дворец Дожей, собор Св. Марка, все это вместе, и думаешь, что видишь волшебный сон»[12].

В июле А. Белый покидает свое имение и переезжает к своему другу С.М. Соловьеву в Дедово, о чем он извещает в одном из писем маму от 21 июля 1906 года : « Я переехал в Дедово[13]. Мотивы переезда: 1) слух о всеобщей забастовке, 2) роспуск Думы; я дал себе слово, что в момент роспуска я не буду за себя ручаться; я на все способен...»[14] Полицию староста не вызвал, но однако земскому начальнику о речах против правительства барина написал. Во избежании неприятностей Белый уехал в Москву.

В начале августа 1906 г. А.Д. Бугаева возвращается в Москву. А. Белый, поссорившись в Дедово на политической почве с Н.М. Коваленским (сын детской писательницы — А.Г.Коваленской), уезжает домой. В Москве он прожил до конца августа и 2 сентября уезжает в Петербург. «Сентябрь. Еду в Петербург; но Л.Д. меня не принимает. <...> Наконец Блоки принимают меня : у нас происходит разговор после которого я решаю покончить с жизнью, но Л.Д. присылает записку, просит меня приехать, еду: после объяснения решаем дружески расстаться на год; возвращаюсь в Москву, собираюсь в Мюнхен»[15]. Все детали любовной истории этих людей описаны в нашей литературе много раз, поэтому вряд ли уместно здесь более подробно говорить на эту тему.

После мучительных разговоров с Л.Д. Блок он уезжает за границу. 21 сентября он приехал в Мюнхен. Почему выбор пал именно на это город? Дело в том, что здесь уже длительное время жил и учился в Академии Художеств его близкий друг, участник кружка «аргонавтов» Василий Васильевич Владимиров, с которым он познакомился в 1906 г. В одном из писем к нему в феврале 1906 г. А. Белый интересовался условиями поступления в университет Мюнхена. «Я обещал Вам сообщить, — пишет В.В. Владимиров Белому, — условия поступления в здешний университет. Дело очень простое, весенний семестр начинается, в апреле — зимний в сентябре. Ваш университетский диплом придется засвидетельствовать у консула.

Вот и все <...> приезжайте если даже не сюда в Мюнхен — то вообще из России — подальше — только теперь понял, как необходимо мне было уехать, думаю и Вам тоже. Здесь все приспособлено к настоящей работе. Единственно, в чем придется терпеть недостаток — это в людях. Таких людей как, как у нас в России здесь кажется, нет.

Немецкая молодежь, и говорить нечего, ужасно некультурная. В русской колонии или вернее еврейской интересы очень узкие — партийные — да еще к тому же людей, стоящих совершенно далеко от дела. <...> Я сразу понял, после того как посмотрел на эту публику, что все время придется быть одному, если поедете сюда рассчитывайте на это <...> О художниках здешних (русские конечно) нечего и говорить — совершенно безнадежны. Дело в том, что Мюнхен не только культурный и художественный центр,

но еще пожалуй, в большей степени пивной — это для многих здесь гибельно <...> Жизнь дешевая (на 50 руб. в месяц можно устроиться с комфортом) удобная, уютная. Хорошая все-таки Европа. Я всю жизнь буду любить Россию — всю жизнь проживу в ней. Но здесь необходимо пожить немного, может быть даже для того, чтобы еще больше понять, оценить и полюбить Россию»[16].

В Мюнхене А. Белый поселился в центре города. Вместе с В. Владимировым они становятся постоянными посетителями известного художественного музея «Пинакотека», где изучают полотна нидерландских и немецких мастеров эпохи Возрождения. Вечера он проводит кабачке «Simplicissimus», где знакомиться с польским драматургом Б.Грибовским, немецким писателем Ф. Ведекиндом, еврейским писателем Шоломом Ашем, который познакомил его с известным польским писателем Станиславом Пшибышевским. Постепенно его круг знакомств все более расширяется.

Возможно, была и другая причина, которая способствовала выбору именно этого города, в котором он решил остановится. Из этого города лежал самый короткий путь в Италию, где перед отъездом за границу он договорился встретить Л.Д. Блок.

Размеренная жизнь в Мюнхене подействовала на А. Белого успокаивающе. Здесь он закачивает вторую часть 4-й симфонии «Кубок метелей», но его душевное равновесие было внезапно нарушено письмом Л.Д. Блок по поводу его рассказа, опубликованного в журнале «Золотое Руно». В начале октября этого года он получил возмущенное письмо от Л.Д. Блок, которая восприняла этот рассказ как личное оскорбление. Белый же отвергал эти, по его мнению, необоснованные упреки, и в письме к Александру Блоку, и в мемуарах описывает этот инцидент и его последствия таким образом: «Я писал с упоением, все мечтая увидится с Метнером: с ним поделиться заданием: — вдруг! ... письмо (имеется в виду Л.Д. Блок) Щ., — я «бесчестен», свой «Куст» напечатав в «Руне»; а — Щ, нарушила слово свое; слово свое; в этом жалком рассказе заря — не заря, огородница — не огородница; некий «Иванушка», ее любя, бьются насмерть с «кустом»-ведуном, полонившем ее (образ сказок); бой подан в усилиях слова к былинному ладу; и все!» Так писатель описывает это событие в своих мемуарах. Между тем, выходит очередной номер «Руна» с рассказом «Куст»; «рассказ этот бесит Л.Д.; она присылает мне письмо, в котором отказывается от знакомства со мною за напечатание мною «Куста»; в «Кусте» высмеян Ал. Ал. Блок. Разрыв с Л.Д. опять повергает меня в дикое отчаяние; я бросаюсь, было в Россию, но вспоминаю, что дал слово Блокам не видеться с ними ровно год; скрепя сердце, перемогаю свое одиночество, но — схожу с ума от внутренней боли; — и начинаю пить...»[17]

В таком взвинченном состоянии Белый уезжает 30 ноября в Париж, где с февраля 1906 г. живут Д.С.Мережковский, его жена З. Н.Гиппиус, их друг Д.В. Философов. Будучи в Париже они не теряли связи с ним. Писали ему и в Москву и в Мюнхен. В письме от 8 ноября 1906 г. Д.С. Мережковский предлагает ему свою помощь и участие: « Боря, мальчик мой родной, любимый, как бы хотелось, чтобы Вы приехали к нам в Париж. Если сейчас нельзя, том потом, через несколько месяцев»[18]. Белый уехал из Мюнхена и приехал в Париж, где и поселился в пансионе на улице Ранелак, недалеко от Булонского леса. Здесь он продолжает работу над своими стихами, очередной «Симфонией», знакомится с достопримечательностями Парижа. У Мережковских встречается со старыми знакомыми и заводит новые связи. В то время здесь жили К.Д. Бальмонт, Н.М. Минский со своей женой, А.Н. Бенуа с семейством, И.И. Щукин, впервые он встретил здесь молодого Н.С. Гумилева.

Но одно знакомство оставило в его памяти неизгладимый след — это встреча с видным деятелем социалистического движения Франции Жаном Жоресом. Белый познакомился с ним случайно в кафе при пансионе, где он снимал комнату. Так он вспоминает в одном из своих очерков, подготовленных им к печальному юбилею со дня гибели Жана Жореса: «А вот посмотрите: мосье Жорес идет к нам. Я поднял глаза за окно, и увидел, как там промелькнула поспешно сравнительно невысокого роста фигура, какая-то плотная, коренастая, в черном осеннем и наспех надетом пальто, из кармана которого пренелепо торчал пук бумажный; и проплясал как-то набок надетый, смешной котелок, поправляемый очень короткой рукою, другая рука размахалася зонтиком. Вот звук отворяем ой двери: в столовую кто-то вошел и направился к вешалке несколько подпрыгивающей походкой; то был коренастый, широкоплечий мужчина лет около 48»[19].

В декабрьском в письме к матери он не без гордости сообщает, что за одним с ним столом завтракает сам Жан Жорес. К письму Белый приложил пять небольших рисунков, где попытался нарисовать известного француза. Каждый рисунок сопровождает текст. Рис.1« Жорес, идущий к нам завтракать.» Рис.2 « Жорес на ораторской трибуне перед 6000 толпой кричит благородстве России, свергающей насилие». Рис.3 «Жорес за завтраком выслушивает рассказ о всеобщей забастовке». Рис. 4. «Жорес умиляется перед русскими революционерами». Рис.5 «Жорес рассказывает о сообразительности котов и псов за завтраком»[20]. Память об этом человеке Белый сохранил на всю жизнь. Он неоднократно писал о нем в своих очерках и воспоминаниях. Определенно, что между парижскими письмами 1906–1907 гг. и последующими очерками, посвященными Жоресу, и воспоминаниями, где речь идет о выдающемся французском социалисте, существует генетическая связь.

В Париже Белый продолжает работать над «Симфонией», осматривает музеи города. Пишет статью «Социал-демократия и религия» для сборника «LeTzaretlarevolution», который готовили к изданию Д.С.Мережковский, З.Д.Гиппиус и Д.В.Философов. Он ведет размеренный образ жизни. Каждый день у него начинается с прогулки в Булонском лесу. До завтрака работает над симфонией; к 4 часам идет к Мережковским на чай; вечером снова работа или театр.

Эта размеренная и благополучная жизнь была неожиданно прервана серьезной болезнью. Подробности той сложной ситуации мы узнаем из письма Зинаиды Гиппиус к А.Д.Бугаевой: «Сначала Боря перемогался и уверял, что доктор, у которого он бывает, находит болезнь его пустяком. Но затем страдания его сделались такими острыми, что мы оставили его у себя на ночь и затем немедленно послали за доктором. Признана была необходимость операции, и мы тотчас же, в сопровождении доктора, перевезли его в рекомендованную частную лечебницу. И на другой день утром ему сделали операцию под хлороформом. Он перенес ее очень хорошо, только вчера еще был слаб и в полузабытьи. У него флегмона (внутренний нарыв) на очень болезненном месте, — на ишиасном мускуле.

Сегодня он, сравнительно, молодцом, жар меньше. Ему только лежать трудно, а нужна полная неподвижность, благодаря бинтам, наложенным на два разреза. Уход за ним очень хороший, толковый, — сестер-католичек. <…> Он очень подготовил свою болезнь ненормальным образом жизни, которую вел перед этим. Он бывал у нас днем, постоянно — и последнее время мы упрашивали его раньше ложиться; но он говорил, что уже неделю не спит, до утра сидит, пьет чай и курит. Нервы расшатал себе до такой степени, что вид у него был прямо ужасный. У него слишком слабая воля, чтобы взять себя в руки, и с этой стороны я даже рада, он проведет несколько времени в больнице, под строгим режимом. Это очень успокоит его нервы»[21].

Получив это письма от З.Н.Гиппиус и сына, А.Д.Бугаева в ответном письме пишет: "Сегодня получила письмо З.Н. и Твое дорогой мой, бедный мальчик, мой Боря. Помоги Тебе Господь скорей поправиться и вернуться ко мне здоровым. З.Н. пишет, что болезнь Твоя не опасна, только нужен безусловный покой <…> О деньгах не беспокойся, на этих днях я вышлю Тебе 500 р. Если же понадобиться, чтобы Ты не один возвращался домой, я сама приеду к Тебе. Не беспокойся, все устроим, только береги себя. Разве мама не приедет, если Тебе это будет нужно, конечно приеду. Все брошу и примчу к Тебе <…>"[22]

Однако, после ободряющих писем, полученных от сына и З.Н.Гиппиус, она решила дожидаться его в Москве: «Ты спрашиваешь для Тебя ли бы я поехала в Париж? Конечно, и только для Тебя! Раньше того, как я

не знала о Твоей болезни, мне и в голову не приходила эта поездка! Но теперь, после телеграмм и Твоих успокоительных писем, я осталась дома и буду с нетерпением поджидать Тебя в Москву. Вчера я получила письмо от Зинаиды Николаевны Мережковской. Передай ей мой привет и благодарность за ее внимание»[23]. Не последнюю роль в ее решении не ехать в Париж сыграл финансовый вопрос. Практичная Александра Дмитриевна понимала, что это путешествие влетит ей в копеечку.

По счастью А.Белый быстро поправлялся и уже 22 февраля 1907 г. смог прочитать лекцию в пользу Парижской эмигрантской кассы на тему «Социал-демократия и религия». Билеты в зал «Alcazraed'Italie», где предполагалось его выступление, стоили от 1,5 до 2 франков. Реакция на выступление Белого была весьма бурной, о чем свидетельствует статья в газете «Утро», написанная в очень ироническом тоне М.Я.Семеновым: « <...> наблюдалось нечто траги-курьезное: референт к ним всей душой, а они к нему спиной. Выразилось это отношение в том, что социал-демократы беспощадно расправились с референтом, довольно грубо отвернувшись о протянутой им товарищеской руки»[24].

Другое публичное выступление А.Белого в Париже состоялось 5 марта 1907г. в «Salled'Orient», где он выступил в качестве оппонента Д.С.Мережковского. Белый уезжал из Парижа в марте, когда в Булонском лесу расцвели первые цветы. Впереди его ждала заснеженная Россия. «Вороны с заборов московских, — писал он позже, — встречая закаркали из сине-серого мрачно-клокастого неба. Арбат: колоколенка розовая: — "Боря, сын мой, — объятия матери"»[25].

После приезда А. Белого в Москву, наступает новый этап в его жизни. Период с момента его возвращения в Россию и до нового отъезда заграницу в декабре 1910 г. окрашен в разные тона и отмечен многими событиями и перипетиями в этот отрезок времени. Он первое время очень остро переживает неожиданное известие, о том что Л.Д. находится в в связи с Г.И.Ч.[26]

Вполне возможно, что его душевные страдания послужили сильным импульсом для его необычайно бурной и плодотворной литературной, лекционной и общественной деятельности в это время.

В эти годы он встречается со многими известными деятелями русской культуры рубежа веков. Но самая важная встреча в личном плане Белого происходит в 1909 г. В этом году он встретил свою будущую жену Анну Алексеевну Тургеневу. « *Март.* <...> возвращаюсь в Москву встречаюсь с Асей; Ася пишет мой портрет. *Апрель.* Возникающая любовь между мной и Асей; пишу 2-ую главу "Серебряного Голубя" и пишу статью "Гоголь", которую читаю в "Эстетике". Поездка в "Звенигород" (я, Ася, Наташа, Поццо, Петровский); мы с Асей сговариваемся, что должны узнать

друг друга. <...> *Июль.* С первых чисел еду через Киев в Луцк, к Кампиони, (*отчим сестер Тургеневых, служил в тех местах лесничим — С.В.*) где встречаюсь с Асей Тургеневой, и где окончательно вырешается наша судьба; живу в домике, за лесом от Боголюб, где живут Кампиони и Тургеневы; поздней ночью, с фонариком хожу через гущу к себе домой. Леса, охота на вепрей Кампиони; дикая, веселая, странная жизнь, на фоне которой происходит мое сближение с Асей и решение уехать в Италию осенью»[27] Ася согласилась стать женой Андрея Белого. Но твердо заявила, что венчаться церковным браком не будет. В ту пору невесте писателя было 19 лет.

Осень проходит в напряженной работе, в поиске денег для задуманного путешествия: «Усиленная редакционная деятельность в "Мусагете", ритмический кружок, ряд заседаний <...> приезд Тургеневых и С.Н.Кампиони (*мать Аси — С.В.*) в Москву; я, так сказать, водворяю их на квартире, тяжелые разговоры с Метнером о деньгах на поездку и с мамой о том, что с мамой я уже не буду жить»[28].

В биографических материалах А.Белый почти ничего не пишет о том, как складывались взаимоотношения А.Д.Бугаевой с ее невесткой. Но судя по нескольким скупым фразам, можно предположить, что выстраивались они довольно сложно и Александра Дмитриевна долгое время не могла принять ее как жену своего сына. « Ноябрь. Близится отъезд. Но все выглядит катастрофично: 1) трагедии с мамой, 2) трагедии с Асей, 3) Подозрения о Кожебаткине, (*Кожебаткин А.М., в то время секретарь издательства "Мусагет" — С.В.*) 4) Пишу брошюру "Трагедия творчества", которая, кажется, есть вскрик мой о моей ситуации больше, чем рассказ о Толстом и Достоевском »[29]. Тем не менее, финансовый вопрос был решен. Издательство "Мусагет" авансировал писателя на сумму в три тысячи рублей, но с условием, что деньги будут присылаться за границу порциями по двести-триста рублей. Порочность этого решения А.Белый остро ощутил на себе гораздо позже, будучи уже в Африке.

Наконец, день отъезда пришел, и 26 ноября : « <...> мы поехали на вокзал из Штатного переулка, где жили Тургеневы с нашими матерями, ближайшими друзьями и родственниками Тургеневых; но на перрон неожиданно явились многие "мусагетцы" и даже "почтенные" личности из независимых: маленький, клокочущий, дружески возбужденный М.О.Гершензон, в барашковой шапочке, и Н.А.Бердяев с пуком красных роз, поднесенных Асе, проводили нас, как новобрачных»[30].

В дорогу Белый взял с собой "Итальянское путешествие" Гёте. Спустя много лет он напишет : «Итальянские впечатления Гёте ввели меня в Италию и Сицилию...Через него я своими глазами увидел Сицилию»[31]. Без сомнения, он знал о знаменитых соотечественниках, посетивших Италию задолго до него в XIX в. Его предшественниками были Ф.И.Тютчев,

Н.В.Гоголь, Е.А.Боратынский, и И.С.Тургенев, Ал. Иванов и др., но Белый, и это очевидно, предпочитает иную культурную традицию, ведущую к Гёте.

У Белого не было определенного маршрута путешествия по Италии, но была конечная цель — городок Палермо на Сицилии. Предполагалось, что здесь в тишине и уединении он проживет длительное время и будет работать над второй частью романа “Серебряный Голубь”. Один за другим, как в кинематографе, промелькнули города: Варшава, Вена, Венеция, Рим, Неаполь. Только в Венеции путешественники задержались на сутки. «Помню, как встала из моря Венеция стаями дальних- домов, открывающих пунцовые и золотые огромные очи; на нас поглядела очами; и к нам приплывала домами; втянула в вокзал, переполненный гомоном, рыком и свистом “Facchino” (*носильщик — С.В.*). И он появился, схватив наши вещи; мы мчались куда-то за ним сквозь вокзал, мимо касс, обвисающих черными, петушиными перьями бравых жандармов с такими усами, что — ооо!»[32] На осмотр других городов были отведены считанные часы. Сицилия влекла их неудержимо.

Добравшись до Палермо, А.Белый с женой останавливаются в “HoteldesPalmas”, хозяин которого, месье Рагуза был знаком с Рихардом Вагнером и Ги де Мопассаном, которые жили в свое время в этой гостинице. Однако жизнь в отеле оказалось довольно дорогой, и молодая чета решила перебраться в Монреале небольшой городок на вершине острова, известный своим собором. В маленьком старинном сицилийском городке Монреале писатель приступает к работе над первыми путевыми очерками (*в ту пору их называли фельетонами — С.В.*): “Венеция”, “От Венеции до Палермо” и “Палермо”. Но и в Монреале Белый с Асей прожили всего две недели. На редкость дождливая и холодная погода заставляет их покинуть Сицилию и устремиться в поисках солнца и тепла на побережье Северной Африки в Тунис.

Столица этой страны превзошла все ожидания. «Tunis la blanche!». Та надпись мне кидалась из всех витрин Туниса; и белые пятна кидаются вновь, когда я вспоминаю Тунис; и я не умею еще осознать впечатление морока дней; я единственно знаю, что — белые дни, и что белый Тунис; да, он внутренне белый для внешнего взора. Таким он впервые возник; и таким он стоит предо мной»[33].

Поселившись неподалеку от столицы, в небольшой арабской деревне Радес, А. Белый и Ася Тургенева совершают поездки по окрестностям, наблюдая нравы и быт местного населения. Из каждой поездки он посылает подробные послания маме, письма и открытки. своим друзьям и знакомым. Андрей Белый в восторге от Туниса. После каждой поездки, он посылает Александре Дмитриевне письма и открытки с живописными

видами Туниса. Надо сказать, что А.Д.Бугаева поначалу не разделяла восторгов своего сына, судя по ее ответным письмам: «Эти места интересны, бесспорно, но только проехать и посмотреть на них и самое большее отдать этому неделю, не более. Но жить два месяца, среди чужих людей, не зная языка, мне не понятно. <…> Переезжай в Тунис. Там все-таки город и ближе к цивилизации. Как эти арабы не благородны, все же это деревенские жители и чужие Вам по языку, по обычаям.

Я не завидую Вам, у нас в Москве лучше и веселее. Вот на днях будет вечер литераторов, где будут участвовать все твои сотоварищи, приедет и Ремизов. Думаю попасть, мне хочется. Сегодня заехала в Мусагет, мне надо было узнать адрес Сережи. Там нашла Твою открытку ему и я ее отвезла Сереже»[34].

Получив от сына открытки с видами Туниса и арабов, А.Д.Бугаева смягчает свой тон и пишет следующий текст: « Сейчас получила все Твои четыре открытки <…> Я могу теперь приблизительно представить себе то место, людей, природу, в которой Вы теперь живете. А фламинго розовый, какая же это прелесть видеть его, и на свободе! Арабы тоже, в своих бурнусах, — как это должно быть красиво и стильно <…> Что Тебе написать о Москве. Софья Андреевна Толстая вступила в ожесточенную борьбу с дочерью Александрой Львовной и Чертковым (*Чертков В.Г. — руководитель издательства "Посредник"*) и дело доходит кажется до суда! Не странно ли, что самые близкие люди к нему, ко Льву Николаевичу, тому, который так хотел всем людям любви и братства; вступают в спор из-за денег. Странная ирония судьбы!»[35]. В ответном письме Белый относительно ситуации, связанной с С.А.Толстой и её дочерью ничего не написал.

В конце февраля 1911 г. Он и Ася покидают уютный Радес и морем направляются в Египет. По пути была сделана остановка на Мальте. Современный Каир не понравился А.Белому, более того вызвал сильное раздражение и желание поскорей покинуть египетскую столицу. Такое настроение усиливало и то обстоятельство, что в Каире он оказался почти без денег: « Милый, милый Алеша, — писал Белый своему доброму другу А.С.Петровскому, — все-то Тебе пишу, прости за брань и ворчанье на путаницу; но из Каира, действительно, было много причин ругаться; во-первых, мы задыхались в жаре; во-вторых; нас съедали блохи; в окрестностях Каира мы увидели уже все самое главное в течение 8 дней; просидели же около 4-х недель; мама очень обидно написала; "Мусагет" прислал порцию; в результате 12–14 лишних дней ожидания 200 рублей съели 200 рублей; от всего даже разболелся: начались приливы к голове от нервной напряженности, каирского безобразия, пекла и огорчения кончилось колоссальном флюсом; выдернули зуб; на это ушло 1,05 фунта, не меньше. Наконец выбрались "фуксом" (т.е. хитростью [*нем.*]); не дождавшись перевода (из лю-

безности выдали нам деньги), удрали; если бы не любезность Банка, просидели бы около 5 недель в Каире...»[36] Путешествие по Востоку оказалось дорогостоящим предприятием, размеры которого в денежном измерении Белый, пускаясь в эту авантюру, как и в другие в своей жизни, просчитать он был не в состоянии. Расчет на публикацию в газетах путевых очерков не оправдался. Из 19 очерков было опубликовано лишь несколько. Как показала жизнь им была уготована другая участь. Они послужили основой для книги путевых очерков. В 1922 г он под разными названиями ("Офейра" и "Путевые заметки") опубликовал лишь первую часть задуманной им книги[37].

Белый и Ася решили поехать в Иерусалим, куда они приехали 10-го апреля. На Святой Земле Белый и Ася встретили Святую Пасху. Александра Дмитриевна получила пару[1] открыток с поздравлениями.

В «Материалах к дневнику...» Белый так описывает этот период пребывания за границей: «Впечатление от Иерусалима. Опять «Москва» со своими неприятностями; я смотрю на неизбежность возвращения в Москву, как на ничем не прикрытый, меня ожидающий ужас: мои тревоги за Асю (ее не принимает Москва).

Между тем и в Иерусалиме приходится выносить трудности от двусмысленности нашего положения с Асей; её подчеркнутый ультиматом «я не — не жена тебе» создает мне ряд неприятностей, вплоть до демонстрации против меня фешенебельных русских отеля «Сергиевского Подворья», где выясняется, что Ася мне «не жена» <...>

Май. Плавание вдоль азиатского побережья. Константинополь, Одесса, Киев, Боголюбы. Мой спешный отъезд в Москву: ряд встреч, трудных разговоров; лишь формальная ликвидация ссоры с Метнером; я вижу, что до ... следующей ссоры; впечатление от «Мусагета»: моль съела кресла; но я вижу: «моль» съела все фикции мои о работе с друзьями. <...> Десятидневная жизнь в Москве кончается роем недоразумений с мамой, не желающей денежно мне помочь (между тем как я ей отдал когда-то все деньги, оставшиеся от папы, и ей же пошли деньги от продажи имения); у меня 3000 долга «Мусагету», плюс нежелание «Мусагета» печатать уже напечатанные и исчерпанные книги, а денег — никаких: а надо поставить осенью жизнь с Асей в Москве; мама же жестко бросает мне, что я желаю ее обобрать, тогда как я прошу по человечеству лишь 1000 рублей на устройство жизни с Асей в Москве; тут бросается мне: Тургеневы эксплуатируют меня; Ася — интриганка.

Отъезд в Боголюбы есть ссора с мамой, страх перед ставшей мне чуждой Москвой. <...> С этого времени начинается кочевая жизнь писателя. Он много ездит по России. Изредка Белый приезжает в Москву. Несмотря на неустроенный быт он много пишет, читает рефераты, выступает с лекциями. В марте 1912 г. он приезжает в Москву.

«Март. Возвращаюсь в Москву. Продаю "Петербург" Некрасову; обязуюсь написать книгу о Фете, достаю деньги; кажется, в этот месяц пишу статью "Лев Толстой и культура" в самом конце марта выезжаем с Асей за границу»[38].

Очередной отъезд за границу привел Белого к еще одному повороту в непростой судьбе писателя. В начале мая 1912 г. он и Ася приехали в Кёльн, чтобы послушать лекцию модного в то время среди европейской и русской интеллигенции основателя антропософского учения и религиозного мыслителя — Рудольфа Штейнера. На следующий день, а точнее 7-го числа, состоялась их личная встреча. С этого момента начинается его и Асино увлечение антропософским учением и решение вступить в общество «антропософов», которым руководил доктор — Рудольф Штейнер.

Уже 10-го мая в письме к матери Белый пишет о своем личном знакомстве с ним. К этому времени А.Д.Бугаева уже знала о существовании Рудольфа Штейнера. Это и понятно. В декабре 1908 г. А.Белый и его ближайший друг Алексей Петровский в Москве встречаются с А.Р.Минцловой *(по всей вероятности это была обыкновенная шизофреничка — С.В.)*, которая объявила себя посланницей от тайных европейских обществ и занималась распространением антропософских идей Штейнера. Еще до основания теософского общества в Петербурге в 1908 г. и русского антропософского общества в Москве в 1912 г. в духовной атмосфере двух столиц уже чувствовалось некоторое влечение к фигуре Р.Штейнера и его идеям. Не обошло увлечение идеями антропософии и матушку писателя. В одном из писем 1912 г. она сообщает сыну: «Кружок я посещаю каждую пятницу, и Борис Павлович Григоров мне ужасно нравится. Такой умный, тактичный и выдержанный <...> Мы проходим теософию в переводе Минцловой <...> Я этим и раньше давно интересовалась и конечно в этом направлении я теперь сознательно развиваюсь»[39]. А.Д.Бугаева решила что в этом направлении она достигла высокого уровня и может поехать в Дорнах (это в Швейцарии), где к тому времени обосновалась община антропософов.

А.Д.Бугаева таки приехала в Базель, где они встретились с сыном в гостинице, здесь же по его воспоминаниям произошел разговор, о котором он вспоминал потом с болью: « и тут же обнаружилось ее враждебное отношение к Асе; мама приехала меня спасать от моего якобы безумия; ей хотелось отвезти меня в Москву; и как кажется развести меня с Асей; разумеется она наткнулась на сильнейшее сопротивление — мое и Асино; тогда она всю вину моего якобы отдаления от нее и от России взвалила на Асю; выяснилось в первые же дни ее приезда в Дорнах. Что ей здесь просто нечего делать; кроме того: Дорнахом она тяготилась; с антропософами (с немцами) ей было не о чем говорить»[40].

Некоторое время А.Д.Бугаева сдерживала свое неприятие к Асе, но по приезде в Мюнхен в конце марта, где Штейнер должен был прочитать свой курс лекций, между дорогими ему людьми произошла очередная ссора: «главное впечатление от Мюнхена: ужасная ссора Аси с мамой, в которой Ася была ни в чем не виновата, а мама была вопиюще несправедлива к Асе; в мое отсутствие она наговорила таких вещей, что Ася была вынуждена ей указать на дверь; я конечно, принял сторону Аси»[41]. На Пасху 7-го апреля все простили друг друга и А.Д.Бугаева уехала в Москву.

Первую мировую войну А. Белый встретил в Швейцарии в Дорнахе. Ситуация в обществе антропософов складывалось довольно сложным образом, о чем говорят его письма к матери и Иванову-Разумнику в это время. Призванный в 1916 г. на военную службу, А.Белый покидает Дорнах и уезжает в Россию. Ася отказалась последовать за ним. Для него это была трагедия.

А.Белый, как и многие из числа русской интеллигенции, ничего не имел против социальной революции, которая воспринималась им как "революция духа", "огневая стихия", "Мессия грядущего дня", возможность творить "новые формы жизни" и, естественно, новую культуру. Деятельность Временного правительства и политическая ситуация в то время в стране, не импонируют писателю. Весь период с февраля до октября 1917 года проходит у него между Москвой и Петроградом, в острых спорах со старыми и новыми друзьями. Об этом времени он позднее напишет: « Ёще большее полевение; беседа с Вольским (тогда большевиком), наша левая непримиримость с Гершензоном; (*видимо это было написано для тех, кто будет у него изымать у него дневник — С.В.)* < ...> хождение по митингам, бурное объяснение с Бердяевым; нас с Гершензоном оглашают "большевиками". Июнь месяц сметений, споров, растерянности досады на Временное правительство мне уже ясен социальный переворот; и весь жест — скорее бы <...> Октябрь связан мне тою же милой жизнью с Раз[умником] Вас[ильевичем]. И ожиданием уже ясно наметившегося Окт[ябрьского] переворота <...> слушаю гул октября; кислейшая и последняя встреча с Мережковскими; ясно, что они меня проклянут»[42].

Процитированные выше записи были сделаны писателем в 1930-е годы, поэтому воспринимать их следует, мягко говоря, с некоторой поправкой на время, в которое этот текст был написан. Белый прекрасно понимал, что все поверяемое им бумаге, может быть использовано против него и его близких. Даже когда он пишет о событиях 1917 г., он называет Петроград Ленинградом, Царское Село в скобках обозначает Детским селом. В этой связи интересно сравнить текст "Ракурса" с текстом автобиографии, написанной Белым в ноябре 1932 г.: «Резкое отрицание войны вызвало сочувствие к социальной революции; двойственность политики Временного Прави-

тельства с мая 1917 года определила сочувствие к программе Ленина; октябрьская революция отразилась переменой фронта культурной работы- (*он такого слова и не знал раньше — С.В.)* <…> Жизнь в далеких этапах внеклассового общества ликвидирует "писателя" в старом смысле; его роль в будущем — действовать не пером, а всем существом, строя в себе и в других "человека", высвобождая в жизнь новы творческие энергии; писатель должен стать искрой к взрыву этих энергий»[43].

И в "Ракурсе…", написанном им для "внутреннего" употребления, и в "Автобиографии", для кого-то советского чиновника, Белый явно старается убедить советскую власть в своей лояльности. На самом деле, серьезно говорить о какой-то "левизне", а тем более "большевизации" писателя, вряд ли имеет смысл. Стоит только вспомнить его статью "Революция и культура", написанную в июле 1917 года.: «Подлинно революционеры и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс и Маркс <…> И нам ясно: лежащие в будущем формы общественной жизни, осуществленные революцией-собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь "большевистской" культуры, а — вечносущее, скрытое под формальной вуалью искусств»[44].

О его человеческом и писательском отношении к событиям октября 1917 г. свидетельствует и письмо, написанное им к Асе 4 ноября 1917 г.: <…> 24-го я вернулся из Петрограда, а 25-го начались события нашей жизни, столь потрясшие нас. В Петрограде я и не замечал надвигавшегося: я работал, как всегда над своей "Поэмой о звуке" <…> В день отъезда <…> Мережковские по телефону сказали, что начался переворот, и я уехал в Москву, не зная что происходит. В пятницу 27-го октября началась стрельба, <…> и вот: с субботы до пятницы; т.е. целую неделю мы; т.е. наш дом, был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить. Наш тихий арбатский район оказался неожиданно одним из центров военных действий <…> жизнь такова, что нельзя уже передвигаться, ни сноситья с людьми, ни сносно (элементарно) есть <…> голодаешь, холодаешь, необеспечен, живешь кое-как, в обношенном виде (ходишь обтрепанным) и т.д., работаешь, как вол, чувствуешь себя одиноким без Тебя (в вечной тоске), получаешь за работу менее рабочего на фабрике. Кому нужны теперь писатели, философы, поэты: мы роскошь для России; нас надо ликвидировать <…> Милая, за последние месяцы у меня какой-то ужас к политике; и более всего у меня у меня развивается какое-то толстовское миросозерцание <…> Право: если бы я знал, что меня будут зря год таскать на осмотр, чтобы освободить от военной службы по болезни, я бы ни за что не тащился бы в Россию <…> все более и более себя ощущаю толстовцем в вопросе о войне и отношусь с ужасом ко всякой партийной распре: берите у меня все (у меня и нет ничего, кроме ли-

тературного таланта и желания посильно работать в моей области) — берите у меня все, но душу мою оставьте свободной и независимой; и это право по-своему глядеть на события жизни и мира никакая партия (ни монархисты, ни кадеты, ни эс-эры, ни эс-деки) не смеют отнять у меня; есть что-то оскорбительное сейчас для меня в нашей русской жизни: самые противоположные течения тащат Тебя насильно к себе, или наклеивают на Тебя ярлычки <...> чтобы не потерять равновесия духа читал статьи по физике "О принципе относительности времени" (замечательная теория Эйнштейна). Было странно: читать трактат по физике, закупорившись в ванной от пуль; вдруг, трах! Стекла разбиты: пуля пронизала кабинет...Вот такая жизнь!»[45].

В эти страшные дни октября в Москве, по свидетельствам современников, погибло от 5 до 7 тысяч человек. Андрей Белый не мог не знать об этих страшных жертвах, но постепенно шок от пережитого прошел, и он снова воспрянул духом. Конец 1917 г. он провожает в приподнятом настроении: «Радостный период жизни, окрашенный 1) встречею с К[лавдией] Н[иколаевной] (К.Н.Васильева — вторая жена писателя — *С.В.*) 2) верой в революцию и Россию 3) надеждою на нашу А[нтропософского] О[бщества] деятельность»[46].

К середине лета 1918 г. радостное настроение души покидает писателя. Он понимает, что в Советской России прожить литературным трудом нельзя. Со всей остротой встал вопрос о поиске средств к существованию. По совету друзей 28 июля 1918 г. писатель подал заявление на имя управляющего Московским архивом Комиссариата юстиции Д.В.Цветаева (брат основателя Музея изящных искусств в Москве И.В.Цветаева, дядя поэта М.И.Цветаевой) и был он принят на работу в качестве помощника архивариуса с окладом в 500 рублей. « Июль. Москва. Впервые сериозный перелом от розовой романтики в отношении к революции к исканию чисто реалистического самоопределения в ней; террористические акты, ответный красный террор, смерть Мирбаха, восстание левых эсеров <...> поступаю на службу в "Русский Архив" к середине месяца; разбираю Архив "Воронежской судебной палаты", регистрирую дела и извлекаю дела, имеющие архивный интерес для проф. Ардашева»[47].

Служба на благо новой власти была непродолжительной. Причина увольнения Белого с работы заключалась в том, что он не был утвержден в должности штатного сотрудника Д.Б.Рязановым, который в то время руководил архивным делом в РСФСР: «Август. Работа в "Архиве". Профессор Ардашев мною очень доволен, как служащим; проф. Цветаев — тоже, но Рязанов меня не утверждает в "Архиве", мотивируя, что я — профессор Социалистической Академии, как я уже послал отказ от профессуры; мне лень объяснять "quiproquo", потому что ясно: против рожна (Ря-

занова) попрешь; Ардашев предлагает мне в спешном порядке пройти Археологический институт, обещаясь оставить при себе (по кафедре "Древней Дипломатики"), но мне уже трудно на старости лет эдакий подвиг, и я ухожу из "Архива"[48].

После неудачной попытки сотрудничества с государственным учреждением Белый в конце сентября 1918 г. поступает на службу в Пролеткульт. Несмотря на то, что это была общественная организация, ее руководители (П.И.Лебедев-Полянский, Ф.И.Калинин, А.А.Богданов, В.В.Косиор и др.) считали себя силой, равной партии и профсоюзам. Если партия — это организация политическая, профсоюзы — экономическая, то себя Пролеткульт считал культурно-творческой организацией пролетариата, призванной организовать чисто пролетарскую культуру. Уговорили Андрея Белого пойти туда работать М.П.Герасимов и Н.А.Павлович. « Мои обязанности: 1) курс лекций, 2) семинарий, 3) читка присылаемых в Пролеткульт рукописей и доклад о них (разборка формы), 4) прием поэтов и разбор приносимых ими произведений»[49].

Кроме курса лекций по ритмике стиха, А. Белый ведет семинары, читает лекции в Студии стиховедения. В октябре — ноябре в составе группы из Всероссийского союза поэтов он участвует в ряде встреч с А.В.Луначарским, на которых обсуждаются вопросы, связанные с организацией литературного отделения (ЛИТО) Наркомпроса. Белый поддержал идею Луначарского относительно организации литературного отдела и даже разрабатывал проекты для ее реализации. Можно допустить, что беседы с Луначарским и острая нужда в деньгах заставили его в то время поступить на службу в Театральный отдел (ТЕО) Наркомата просвещения, который в то время возглавляла известная в то время партийная дама О. Д.Каменева (жена Л.Б.Каменева, сестра Троцкого). А.Белому пришлось работать с человеком, который считал единственным правильным мнением свое собственное. Каменева была убеждена, что талант, художественный дар — это досужая выдумка буржуев и из каждого рабочего при его желании и с хорошими учителями можно сработать поэта, художника, философа. Белый назначается заведующим научно-теоретической секцией отдела. Он получает пропуск в Кремль, куда приходит для бесед с Ольгой Довидовной по поводу разработки стратегической линии в научной деятельности ТЕО. Ему было поручено разработать проект программы Театрального университета и Белый с энтузиазмом, присущим "розовому" периоду восприятия революции, быстро выполняет это задание. Этот проект, разработанный писателем, был одобрен, но, как и многие прожекты того времени, не был реализован. Помимо службы в Пролеткульте и ТЕО Белый много пишет, участвует в заседаниях Союза поэтов и Союза писателей, читает лекции в Антропософском обществе и ведет работу в его кружках. В декабре 1919 г. он уходит

из ТЕО Наркомпроса. Основная причина ухода — О.Д.Каменева. Ее жесткая политика администрирования, нежелание считаться с мнением оппонентов не могли не вызвать у него чувства протеста. Белый продолжает работать Пролеткульте, т.к. эта работа дает единственный гарантированный заработок. Тем не менее, в августе он уходит из Пролеткульта и переходит на службу в Отдел охраны памятников старины Наркомпроса, где ведет работу по изучению материалов, связанных с историей архивных коллекций во времена Великой Французской революции. В это время он уже задумывает отъезд за границу. В январе 1920 г. Белый ведет на эту тему разговоры с А.В.Луначарским, который обещал ему помочь с отъездом, но дело затянулось. В конце января 1920 г. он уходит из Наркомпроса и переезжает в Петроград, где ведет активную лекционную работу в “Вольфиле” (Вольная философская ассоциация) и Доме искусств. В июле он возвращается в Москву, где хлопочет об отъезде из Советской России, но конце декабря его постигает несчастье. Он упал в ванной и слома копчик. « Грустное время; лежу, покрытый вшами, в диагностическом институте; и тем не менее лежа на постели, процарапываю из первой главы «Моей жизни» отрывки, вошедшие потом в “Крещенного китайца”»[50].

Еще более печально звучит его письмо к С.М.Алянскому в это время: «Увы, Россия меня доканчивает: прирезывает без остатка; я намерен <…> спасаться: бежать из России; оттого я намерен остаток сил предпринять для собирания денег и выискивания возможности при первом возможном случае уехать за границу в нормальные условия жизни — к Асе Себе самому <…> Гоголю для “Мертвых душ” был нужен Рим десять лет; Иванову для “Явления Христа” была нужна Италия всю жизнь; в России он сумел лишь сделать одно: приехать и умереть от холеры. Глинка проклинал Россию: потому что он знал; будь он на западе; он был бы не Глинкой, а Вагнером; Пушкин был бы больше, чем Гете будь он в условиях Гете; он — повелевал бы королями, не был бы шутом Николая I, не умер бы на дуэли. Тема моя- о, во сколько же трудней Гоголя. Мне надо воскресить преждевременно “Мертвые души” России словами о Явлении Христа не на картине, а в жизни; к началу 30-х годов (через 10 лет) я должен написать ряд томов “Я”, дабы были высечены “ступени” в сознаниях к тому, что свершится <…> Мое произведение есть слово о том, что должно быть: какие же юга, моря и Италии мне нужны для воскресающих в - Духе Истины душ <…> В то время как 99 из 100 деятелей искусства ставят себе цели видимые, я из моей тяжелобойной пушки бью в воздух для никого не видимой Цели: если в нее попаду (все шансы, что нет), то дам нечто эпохальное alaпоэм Гомера. Или меня не будет, или будет в России духовное искусство т.е. монументальное, огромное, которому, как Тредьяковский Пушкину, открою дорогу. <…> Русские, увы, еще “русские” с

маленькой буквы; и таким “русским” я быть не желаю; и хотел бы стать Русским, или кануть росинкой; и раствориться в океане человечества…»[51]. Белый усиленно хлопочет о выезде за границу.

Об этом конечно знала и его матушка, о чем она пишет в мае 1921 г. из Москвы : «Дорогой мой Боря! Получил ли Ты мое письмо посланное с Маргаритой Васильевной? Посылаю Тебе еще раз. Боря, дорогой мой, я хочу сказать Тебе еще вот что: не возьмешь ли Ты меня с собой заграницу? Ведь Тебе будет легче и дешевле так. Кстати, Ты теперь хлопочешь, может как-нибудь, Ты устроил бы и меня с собой! О, я не буду беспокоить ни Тебя, ни Асю, я буду жить где-нибудь в Швейцарии, там дешевле где бы то не было. Вы с Асей будете разъезжать, а я буду сидеть на одном месте. Но зато я всегда буду иметь возможность видеть Тебя, написать Тебе, послать телеграмму, где бы в с Асей не были. <…> Я не выдержу больше, две зимы, проведенные в холодной комнате, довольно уже унесли сил у меня, не бросай меня в это ужасное время. <…> О милый и дорогой мой, подумай, может Господь поможет Тебе устроиться. Когда я молюсь, Он всегда слышит меня грешницу. Храни Тебя Господь. Мама»[52]. В этот раз Бог ее не услышал и Белый уехал один.

Точная дата смерти А.Д.Бугаевой пока не установлена. Известно, что она умерла в 20-х числах октября 1922 г. в Москве. Где покоится ее прах неизвестно. Кстати, надо заметить, в своем автобиографическом жизнеописании «Ракурс к дневнику», охватывающем период с 1899 г. по 1930 г., в записях за октябрь 1922 г. нет ни слова о смерти матери. Видимо, до конца своих дней писатель мучительно переживал, что не простился со своей матерью и не похоронил ее, как подобает сыну.

К публикуемым ниже письмам не раз обращались известные наши и зарубежные ученые: А.В.Лавров, Н.В.Котрелев, Джон Малмстад и др., но в основном, за редким исключением, они использовались в качестве комментария к основному корпусу текстов писателя.

Исходя из содержания и внешних признаков, письма А.Белого к матери можно разделить на две группы: собственно письма и письма-записки. Письма чаще всего многоплановы, и в них Белый описывает не только увиденное и услышанное, но и свои чувства, переживания, впечатления. Содержание писем-записок ограничивается, как правило, какой-либо просьбой, поздравлением, пожеланием, сообщением нового адреса. А.Белый много путешествовал. Основная часть корреспонденции приходится на время пребывания писателя заграницей.

Значение этих писем трудно переоценить. Это не только выразительный психологический документ, отражающий состояние души писателя в различные периоды его жизни, но и интереснейший образец эпистолярной культуры XIX–XX вв.

1. РГАЛИ, Ф.53. Оп. 3. Д. 18. Л. 1.
2. Там же, Оп. 1. Д. 305. Л. 2.
3. Мочулский К.М. А.Белый. YMCA-PRESS. PARIS. 1955. С. 6.
4. Встречи с прошлым. М.,1980. Вып. 3. С. 65.
5. А.Белый. На рубеже двух столетий. М., 1990. С. 282.
6. РГАЛИ. Ф. 53. Оп.1. Д. 358. Л.5.
7. А.В.Лавров. Мифотворчество «Аргонавтов» // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978. С. 137.
8. РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 358. Л.22.
9. Оба портрета А.Белого работы Л.С.Бакста находятся в Государственном литературном музее в Москве. Об истории создания портретов см. : С.С. Гречишкин, А.В.Лавров. Неизданная статья Андрея Белого «Бакст». — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978., 1979, С. 94–98. Первый портрет экспонировался на выставке «Мира искусства» в 1906 г., второй в Париже в 1907 г.
10. А.Белый. Воспоминания о Блоке. М., 1997. С. 234.
11. ОР. РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Д. 3. Л. 6.
12. Там же. Л.8.
13. Дедово — подмосковное имение А.Г. Коваленской, бабушки С.М. Соловьева. Он много раз бывал в этом имении.
14. РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 358. Л. 61.
15. Там же. Оп. 2. Д. 3. « Материал к биографии». Запись за сентябрь месяц.
16. ОР РГБ. Карт. 13. Д. 10. Л. 4.
17. А.Белый. Между двух революций. М., 1990. С.126.
18. ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 19, Д.9. Л. 34. об.
19. Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 650.
20. РГАЛИ, Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 89,90.
21. Там же. Д. 366. Л. 1..
22. ОР РГБ. Ф. 25. Карт.12. Д. 4. Л.. 3.
23. Там же. Л. 17.
24. Вырезку из газеты “любезно” прислал Белому В.Я.Брюсов. Она сохранилась в ОР РГБ.Ф.25.
25. А.Белый. Между двух революций. М. 1990. С. 170.
26. Имеется в виду Георгий Иванович Чулков (1979–1939), прозаик, поэт, критик.
27. РГАЛИ. Ф. 53. Оп.2. Д. 3. «Материал к биографии...». Записи за март1909 г. — июль 1910 г.
28. Там же. Запись за сентябрь 1910 г.
29. Там же. Запись за ноябрь 1910 г. Л. 59.
30. А.Белый. Между двух революций. М.1990. С. 360.
31. Литературное наследство. М. 1930. Т. 27–28. С. 610.
32. А. Белый. Офейра., 1922. С. 118.
33. А.Белый. Офейра..1922. С. 120.
34. ОР РГБ.Ф. 25. Карт. 12. Д. 6. Л. 12.
35. Там же. Л. 15.
36. Андрей Белый.Переписка. Алексей Петровский. 1902–1932. М., 1207., С. 183.
37. Полностью текст “Африканского дневника” писателя опубликован в кн: Российский архив. 1. М., 1991. С.327–454 (публикация С.Д. Воронина) — с предисловием Н. Котрелева. «Злосчатная судьба счастливой книги. К истории записок Ендрея Белого».
38. РГАЛИ. Ф. 53. Оп.2. Д. 3. «Материал к биографии...»
39. ОР РГБ. Ф. 25. Карт.12. Д. 6. Л. 25.

40. РГАЛИ. Ф 53. Оп.2. Д. 3. «Материал к биографии...». Запись за март 1914 г.
41. Там же.
42. Там же. Оп. 1. Д. 100. «Ракурс к дневнику». Л. 87 об.
43. Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 7.
44. Андрей Белый. Революция и культура. Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 306.
45. РГАЛИ. Ф. 53. Оп.1. Д. 281. Л 5.
46. Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 90.
47. Там же. Л. 94.
48. Там же. Л. 94.
49. Там же. Д. 98. Л. 4.
50. Там же. Д. 100. Ракурс к дневнику. Л. 107. об.
51. РГАЛИ. Ф.20.Оп.1. Д.14. Л. 42.
52. РГАЛИ. Ф.53. Оп. 1. Д. 160. Л.12.

Письма Андрея Белого к матери
1899–1922

№ 1

Москва, 8 февраля 1899 г.[1]

Я был очень, очень рад, когда получил твое письмо. У нас, слава Богу, все благополучно и на своем месте; чувствуется только, что тебя нет; мне очень скучно без тебя.

Сегодня я заходил к бабушке и не застал ее дома; она в гостях у какой-то Лизаветы Ивановны[2] вот уже двое суток; Сережа тоже не был у нас; подожду до вторника, а там снесу ему [арию]. Собаки наши здоровы и птички также; я их иногда выпускаю. Спектакля у Стороженок[3] не будет; он откладывается до Пасхи.[4]

Милая мамочка, приезжай поскорее; я буду так рад тебе! Мне очень, очень приятно, что тете Кате нравится Петербург.[5] Милая мамочка, целую тебя много раз и желаю здоровья и веселья; остаюсь любящим Б.Бугаевым.

P.S. Тетю Катю поцелуй от меня и пожелай всего лучшего.

P.P.S. Прощай мамочка.

1. Письмо датируется по содержанию. Письмо А.Д. Бугаевой из Петербурга в Москву не сохранилось.
2. Установить имя знакомой Е.Ф. Егоровой не удалось.
3. Знакомство с семьей профессора Московского университета Н.И. Стороженко Белый относит к ноябрю-декабрю 1885 г.: «Начинаются мои частые посещения Стороженок. Мне говорят, что Маруся Стороженко — моя невеста; (?) увлечение Марусей. (Материалы к биографии, л.1 об). В книге воспоминаний А. Белого «На рубеже двух столетий» Н.И. Стороженко и его семье отведена главка 5 «Николай Ильич Стороженко». См.: На рубеже двух столетий». М., 1980.
4. Пасха в 1899 г. праздновалась 18 апреля.
5. А.Д. Бугаева в это время была в Пербурге.Она любила этот город и не упускала случая побывать в столице. В письме от 21 апреля 1902 г. она с восхищением пишет сыну: ‹…› Шуму в Петербурге никакого городского нет, везде торцовая мостовая и все извозчики на шинах ‹…›. Какая разни-

ца с Москвой, где на одном Арбате оглохнешь от грохота на отвратительных мостовых и грубых извозчиков. На Неве снуют всюду пароходы, боты всех величин, и я сидя у Кати (*имеется в виду жена оперного певца А.Я. Чернова Е.И. Чернова — С.В.*) под окном любуюсь Невой. Ширина ее грандиозная, набережная роскошная ‹...› вечером у нас опять ложа в Михайловском театре (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12. Д. 9).

№ 2

Москва, 20 мая 1899 г.[1]

Дорогая мамочка,

если б ты знала, как я обрадовался, получив твое письмо! Я даже бросил заниматься: так приятно получить известие от тебя.[2] Мама, когда-то мы наконец приедем к вам! У вас так хорошо. В Москве пыль и духота.

Я, слава Богу, здоров. Надеюсь и ты здорова. Пока экзамены идут хорошо; удачнее чем я ожидал; по гречески мне «4», по немецкому «4», по истории «5», по французскому «5», по физике «5», по космографии «5», по арифметике «5», по алгебре «5», по геометрии «5», по тригонометрии «5», а математике письменно «3».[3]

Остаются только «4» экзамена. Экзамены кончаются 29-го, а 30-го я уже свободен; прошение в университет подается только в июле месяце; это можно сделать в деревне.

В виду того, что при поступлении в университет[4] требуется фотографическая карточка, я снялся; портрет вышел так плох, что я себя даже не узнал, хотя я и снимался у Барбашова[5] на Арбате. Мы решили ехать 1-го июня, но так как тетя Катя не знает наверное отпустят ли ее 1-го, то мы уведомим вас о приезде не письмом, а телеграммой

Милая мамочка, я и не ожидал, что будет мне так скучно и пусто без тебя; мы иногда говорим с тетей Катей: «Вот хорошо бы на полчаса перенестись к вам в деревню». Иногда хочется отгадать, что у вас там. С завистью думаем с тетей Катей о деревне; тетя Катя скучает без тебя и без бабушки.

Как-то поживает бабушка? Поклонись бабушке, мама, и крепко поцелуй ее за меня; поклонись всей деревне от меня. Что-то Дыдымова?[6]

Иногда по вечерам хожу я гулять на Воронухину гору[7]; там очень хороший воздух; нет пыли и от реки ветерок; от реки всегда прохладина. Как приятно думать, что в деревне река рядом. Спасибо, милая мамочка, что написала мне; это доставило мне большое удовольствие Милая мама, прощай, крепко целую тебя. Будь здорова. Желаю тебе всего лучшего; остаюсь горячо любящий тебя Боря.

P.S. Бабушку поцелуй за меня. Тетя Катя целует тебя и бабушку. Сашенька Танеева[8] кланяется тебе: вчера я встретил ее с ее мальчиком; она просила тебе кланяться. Дом с приведениями заново отделывается.

1. Письмо датируется А. Белым.
2. Имеется в виду письмо А.Д. Бугаевой, отправленное из Серебряного Колодезя 18 мая 1899 г., в котором она интересуется результатом выпускных экзаменов.
3. Общая оценка по математике — 4.
4. Прошение в Московский университет А. Белый подал 1-го июня 1899 г.
5. Фотомастерская Барбашова Павла Николаевича находислаь в доме Арманд у Арбатских ворот.
6. Кто скрывается за этим ироническим прозвищем не установлено.
7. «В разных произведениях Белый упоминает место, которое он называет Воронухиной горой. Судя по тому, что гора и в мемуарах называется Воронухиной, Белый воспринимал это название как подлинное <...> П.В.Сытин в книге «Из истории московских улиц» приводит название — Варгуниха, Варгунихина гора, сведением В.Н.Торопова, гора называется Варгуниха». См.: Н.А.Кожевникова. Улицы, переулки, кривули дома в романе Андрея Белого «Москва»...
8. Танеева (в замужестве Часовникова) Александра Владимировна (1869–1909), дочь В.И. Танеева.

№ 3

Москва, 26 мая 1899 г.[1]

Милая мама,

скоро мы приедем к вам. 2-го мы выезжаем, если ничто не задержит нас. Перед отъездом дадим телеграмму[2].

Был сегодня на пушкинском празднике[3]; мы с Алексеевым возложили венок от гимназии; наш венок был очень художественен; он выдавался из всех учебных заведений. Депутации шли процес-

сией от манежа с тремя оркестрами музыки и с попечителем и пом[ощником] попечителя во главе. Вероятно, масса венков этой процессии производила сильное впечатление; мы держали наш венок как можно выше, чтобы он был виднее. Когда мы были перед памятником, пошел дождь; нам пришлось около часу дожидаться на дожде великого князя, который был встречен маршем соединенных оркестров; в царской палатке собралась семья Пушкина и власти города. Затем Смирнов[4] сказал очень плохую речь.

Сафонов[5] стал дирижировать оркестрами и хором более тысячи человек; хор этот был составлен из консерватории, филармонического общества; кроме того: от каждой гимназии, от каждой школы взяли по несколько человек. Исполняли кантату Ипполитова-Иванова[6] а мы по очереди возлагали венки вместе с депутациями газет и обществ. Потом пел не только хор, но и присутствовавшие на площади и кричали «ура». Потом 2 раза повторили кантату; дирижировал автор; было очень интересно.

Милая мама, не знаю как у вас, а у нас погода все это время скорее холодна; жары совсем нет. Ты слышала, мамочка, Олсуфьева,[7] Степан Петрович Костромитонов[8] и Ник[олай] Як[овлевич] Грот[9] скончались?

Я все это время занимался; теперь занимаюсь меньше; как раза два играл на Девичьем поле со Стороженками в лон-тенис; там устроена площадка для игр. Прощай, милая мама; желаю тебе всего хорошего, крепко целую тебя; горячо любящий тебя Б.Бугаев.

Милая бабушка,

как-то поживаешь ты? Скоро увидимся. Желаю тебе всего хорошего. Целую тебя; остаюсь любящий тебя Б.Бугаев.

P.S. Тетя Катя кланяется маме и бабушке и ждет от мамы письма.

1. Авторская датировка.

2. В ответ на письмо А.Д. Бугаева 31 мая послала телеграмму: «В четверг лошади будут ждать в Ефремове». (ОР РГБ, Ф.25. Карт.12. Д. 1).

3. Празднование столетия со дня рождения А.С. Пушкина нашло отражение в газетно-хроникальном материале того времени, подтверждающем точность сведений сообщаемых в письмах. Это важно отметить в связи с вопросом достоверности фактов в письмах к матери.

4. Смирнов Сергей Григорьевич (1859–?) — председатель отделения преподавателей русского языка и словесности при Педагогическом обществе.

5. Сафонов Василий Ильич (1852–1918) — выдающийся пианист, педагог, дирижер. С 1885 г. профессор Московской консерватории, а с 1899 г. ее директор. В 1905 г. он вышел в отставку, концертировал в России и за границей.

6. Кантата М.М. Ипполитова — Иванова «Памяти Пушкина» была написана композитором в 1880 г.

7. Можно предположить, что речь идет о Елизавете Олсуфьевой, которая умерла от скарлатины в 1899 г.

8. Костромитонов С.П. — дальний родственник А.Д. Бугаевой.

9. Грот Н.Я. (1852–1899) — философ, профессор Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

№ 4

Москва, 20 августа 1900 г.[1]

Милая мама,

мы благополучно доехали с папой в Москву и сейчас же отправились в баню.[2] В тот же день я был у бабушки, которая мне очень обрадовалась. У них прехорошенькая квартира и бабушка очень довольна квартирой; она хвалит хозяйку и печет ей сладкие пироги; та отвечает ей тем же.

На другой день с утра мы разошлись с папой по делам. Папа в правление,[3] а я в канцелярию университета; заказал у Комарова[4] тужурку и брюки, побрился. В этот день у нас была бабушка и тетя Катя. Тетя Катя нам с папой очень обрадовалась. Она, как и бабушка, целует тебя. Я узнал, что дядя Коля[5] совершенно здоров и остался очень доволен своим пребыванием в «Серебряном колодезе». Фанни Андреевна[6] не брала своих вещей. Она гостит где-то недалеко от вас (в 60-ти верстах) и, кажется, собирается к тебе заехать ненадолго. Я уже освоился в городе и вместо полей хожу по Кремлю и по Воронухиной горе.

Вчера 19 ко мне пришел Сережа Соловьев, который ненадолго приехал в Москву; я видел Михаила Сергеевича и Ольгу Михайловну,[7] которые усиленно приглашали меня к себе; но по всей вероятности у меня не хватит времени: лекции начнутся 28 августа а с 21-го я занят записью на лекции и разными канцелярскими формальностями.

Милая мама, мне очень хотелось бы повидаться с тобой. В Москве стоит довольно ясная, но свежая погода. Как у вас? У нас дома все благополучно и в порядке.

Мы с папой все продолжаем интересоваться Китайской войной. Папа возмущен «Правительственным сообщением» о войне. Действительно: что-то невероятное. Что будет дальше неизвестно, но пока что-то совершенно дикое. Милая мамочка, напиши мне как у вас в деревне? Что ты делаешь? Занимаешься ли ты музыкой?[8]Мне будет очень, очень приятно знать о тебе. Была ли ты у Лясковких?[9] Молотят ли? Свезли ли? Какая у вас погода? В заключение целую тебя крепко, крепко; остаюсь любящий тебя Б.Бугаев. До скорого свидания.

P.S. Дарья[10] кланяется тебе вместе с кривой култышкой[11], которая жива и весела. Дарья просит меня напомнить тебе о немытой шерсти, и о своем ревматизме. Она говорит, будто ты ей что-то обещала и просила сама её напомнить. Кроме немытой шерсти и ревматизма я ничего не понял чего она желает. Должно быть ты знаешь. Целую тебя. Прощай.

Мой поклон Марье Федоровне[12].

1. Письмо датировано А. Белым.
2. Эти бани упоминаются А. Белым во второй книге воспоминаний «Начало века»: «До Староносова (*В.П. Староносов — владелец дома на Арбате — С.В.*) длился Арбат; от него, что ни есть, — относилось к Москве — реке, к баням семейным, где мылся Танеев С.И., композитор известнейший; мыться с Плющихи ходили — и Фет и Толстой, на Плющихе жившие; Писемский, кажется, под боком жил; бани прочно сидели меж Мухиной и Воронухиной горками. (А. Белый. Начало века. М., 1990. С. 113).
3. Имеется в виду Правление Московского математического общества, действительным членом которого был Н.В. Бугаев.
4. Комаров Василий Афанасьевич — портной; его мастерская находилась в Геогриевском переулке по Тверской части.
5. В июне — июле 1900 г. Н.Д. Егоров провел в имении сестры. В письме от 8 июня 1900 г. А.Д. Бугаева пишет сыну из Москвы: «‹...› Вышли лошадей во вторник 13-го ‹...› мы с дядей Колей приедем. Он очень слаб и так худ и бледен, что страшно на него смотреть. (ОР РГБ, Ф. 25. Карт. 12. Д.1).
6. Имеется в виду бывшая гувернантка А.Белого Ф.А. Браун.
7. М.С. Соловьев и О.М. Соловьевы.
8. В ответном письме 26 августа 1900 г. А.Д. Бугаева сообщает: «‹...› Теперь отвечу на все твои вопросы. Да, я играю почти каждый день, иногда по два часа, много играю Грига ‹...›. Завтра начинаем сеять. Передай Дарье, что я непременно привезу ей шерсти». (ОР РГБ, Ф. 25. Карт. 12. Д.1).
9. Видимо, А.Белый имеет в виду профессора Н.Э.Лясковского и его жену М.И.Лясковскую, которая была его крестной матерью .

10. Дарья — кухарка Бугаевых.
11. Скорей всего речь идет о щенке, которому А.Д. Бугаева дала прозвище Бубинька. В выше процитированном письме она пишет: «‹... Будь здоров, а пока целуй моего Бубиньку много и крепко». (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12. Д. 1).
12. Мария Федоровна Вутетич — экономка в имении Бугаевых.

№ 5

Москва, 28 августа 1900 г.[1]
Москва 28 августа

Милая мама,

я уже несколько дней собирался писать тебе, но все были дела по университету. Мы с папой все вспоминаем тебя. Долго ли ты пробудешь в деревне? Я о тебе очень соскучился.

Сегодня у меня начались лекции. Занятий будет вдоволь. Особенно предстоит возиться в химической лаборатории, где ежедневно придется заниматься по нескольку часов. Теперь хлопочу, чтобы, получить получше место в лаборатории. Все же в университете еще пока довольно пусто.

В музыкальном обществе будут раздавать билеты еще во второй половине сентября; концерты до Рождества будут происходить в зале Собрания.[2] Погода стояла у нас ненастная; теперь по-видимому лучше, хотя и холоднее. Интересно, как у вас?

Вчера, воскресенье, у нас были весь день бабушка и тетя Катя; бабушка все продолжает хвалить свою квартиру и хозяев. Я иногда по дороге захожу к бабушке, которая живет совсем почти на Арбате у церкви «Николы Плотника».[3] Были мы тоже с папой у дяди Жоржа,[4] который только что переехал с дачи.5 Он себя прекрасно чувствует и очень много гуляет. Мы просидели у него весь вечер и он вместе с нами в тот же вечер пришел к нам и просидел довольно поздно. Дядя Жорж собирается себе покупать землю с домом. Он сильно бранит дядю Володю[6]... Кроме того, он очень доволен, что переменился у нас староста. Милая мамочка, что поделывает питомник?[7] Я уже рассказал бабушке и тете Кате, что ты намерена сделать. Как поживает твоя музыка? играй побольше: я часто вспоминаю, как ты хорошо умеешь играть.

Папа слышал, что Пьяновы[8] продали свой дом на Бронной. Милая мамочка, приезжай к нам поскорее; я о тебе соскучился. Бабушка то же с нетерпением тебя ждет.

Приехал ли сын Пшенной каши?[9] Вряд ли? Как поживает «Серебряный колодезь»? Водовозка, собаки, арбузы, цветная капуста, дыни, сливы, яблоки? Крепко целую тебя, милая мамочка, много, много раз и остаюсь любящий тебя. Б.Бугаев.

P.S. Папа целует тебя, бабушка целует тебя; тетя Катя целует тебя; Дарья кланяется тебе; Кутышка то же.

1. Письмо датировано А.Белым. Год отсутствует.
2. Имеется в виду Колонный зал Дворянского (Благородного) собрания, в котором обычно проходили симфонические концерты с 1860 г.
3. Бабушка А. Белого жила рядом с Арбатом в Плотниковом переулке, дом и церковь (Николы Плотника), напротив которой она жила не сохранились.
4. Бугаев Георгий Васильевич — брат Н.В. Бугаева, юрист, служил присяжным поверенным (*адвокат — С.В.*), жил в собственном доме в Олсуфьевском переулке (Хамовническая часть). «‹...› брат отца, Георгий Васильевич, всю жизнь являлся к обеду к нам раз в две недели, с портфелем своим: из суда ‹...› высокий, красивый, стройнейший, со вкусом одетый и умный весьма. (Между двух революций. М., 1989. С.144).
5. Выражение «из деревни» зачеркнуто.
6. Бугаев Владимир Васильевич — брат Н.В. Бугаева, жил в Петербурге, где служил в банке. Владимир Васильевич Бугаев является редко из Питера; явный чудак: с видом взъерошенного конспиратора и нигилиста шестидесятых годов, весьма бедно одетый и весьма заносчиво нас оглядывающий, тыкающий окурок не в пепельницу, а в цветочную вазу, с явною демонстрацией. (Между двух революций. М., 1989. С.145).
7. Белый интересуется теплицей, о которой А.Д. Бугаева сообщала ему в одном из писем: «В новом саду было и есть много работы. У нас теперь будет громадный ягодник». (ОР РГБ. Ф. 25. Карт.12. Д.3).
8. Пьяновы — соседи Бугаевых по имению в Тульской губернии «Серебряный Колодезь».
9. Видимо, Белый интересовался фактом приезда сына экономки М.Ф. Вутетич, поскольку первоначально были написаны не слова «Пшенной каши», а слово «Федоровны».

№ 6

Москва, 30 августа 1900 г.[1]

Милая мама,

вчера получил твое письмо.[2] Спешу ответить. Я ужасно обрадовался твоему письму, а то все беспокоился о тебе. Милая мамочка, ты не совсем себя чувствовала хорошо? Прошло ли твое нездоровье? Я буду очень беспокоиться, пока не узнаю, что ты здорова. Что касается меня, то, Слава Богу, я совсем здоров. Была у меня легкая простуда — кашель. Теперь я здоров.

Дорогая мама! Когда я читал твое письмо, мне стало ужасно завидно, что я не могу слышать твоей игры. Если б между нашей квартирой и Серебряным колодцем был бы проведен телефон, то я бы все свободное время слушал, не играешь ли ты. Ты пишешь, что целый день занимаешься деревьями: я ужасно завидую тебе, Мне приходится все время или сидеть в комнатах или куда-нибудь спешить. Спасибо, мамочка, за доброе пожелание: мне придется довольно-таки основательно заниматься. Мы с папой здоровы и проводим время так: встаем в 9 1/2 часов и потом папа читает вслух телеграммы. Потом мы разбегаемся по делам. Обедаем в 4 часа. Пьем чай в 7. Вечером я читаю, но не в постели, до 12 часов (и то редко). С огнем я очень осторожен.[3] Что касается Фани Андреевны,[4] то она еще не думала брать своих вещей. Я сегодня встретил на прогулке тетю Катю, и она сказала, что получила твое письмо; от нее же я узнал, что бабушкина *хозяйка уже не золотая хозяйка, а она с недавних пор стала* серебряной хозяйкой , вероятно скоро будет просто хозяйкой, а потом и дурной хозяйкой.

Иногда ко мне заходят: Зограф[5] и П...пе...петровский.[6] Завтра в Москву приезжают Соловьевы. В Москве пахнет осенью и по улицам ходят во множестве коллеги. Приехали Стороженки.

Что касается до оставления Пекина, то ходят разные слухи. Одни говорят, что не хватило денег на продолжение войны, но это не верно. Более верно то, что между Россией и Германией произошла какая-то неприятность и Государь[7] назло Вильгельму[8] отзывает свои войска, чтобы они не находились под командой Вайдере,[9] который должен скоро приехать. Назло же Вильгельму Государь послал Лубэ[10] письмо и орден. Неприятность говорят настолько сильна, что Вар-

шавские войска назначенные на Дальний Восток отозваны обратно в Варшаву. Это на случай.

Ты вероятно будешь читать письмо с парохода «Мария Терезия», помещенное в «Московских ведомостях» за подписью Кварцев. Это пишет Петр Петрович Кивокурцев.[11]

Дорогая мамочка, напиши и главное о твоем здоровье, а то я буду сильно беспокоиться. Крепко целую тебя, моя милая мамочка, и остаюсь Б.Бугаев.

P.S. Тетя Катя тебя целует. Дарья благодарит за шерсть. Будь здорова, мама. До скорого свидания.

1. Письмо датировано А. Белым.
2. А. Белый имеет в виду письмо А.Д. Бугаевой от 26 августа 1900 г.
3. В доме Бугаевых пользовались керосиновыми лампами. Белый не случайно пишет об осторожности с огнем. В семье надолго в памяти остался случай, когда в 1885 г. будущий писатель опрокинул ночью керосиновую лампу и устроил поджог. «Я опрокидываю горящую лампу и произвожу пожар (чуть не сгорел)». (Материалы к биографии. Л. 3).
4. Ф.А.Браун.
5. Зограф Юрий Николаевич — однокурсник А. Белого, сын профессора Н.Ю. Зографа. «Юра Зограф упорно оказывался среди нас (студентов — С.В.); так мы стали товарищами; он усиленно звал по субботам к себе; так встретился с профессором и с его зоологическим кружком молодых ученых». (На рубеже двух столетий. М., 1989. С.398).
6. А.С. Петровский заикался и А. Белый воспроизводит это графически.
7. Николай II (1869–1918) — последний российский император (1894–1917).
8. Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — император Германии и прусский король (1888–1918).
9. Речь идет о немецком военачальнике Альфреде Вальдерзе (Waldersee; 1832–1904) — фельдмаршале немецкой армии с 1877 г. В 1900 г. он командовал экспедиционным корпусом в Китае против восставших крестьян и городской бедноты Северного Китая. Это восстание получило название Ихэтуаньского или Боксерского восстания, продолжавшегося с 1899 г. по 1901 г., и охватившего в 1900 г. столичную провинцию и Маньчжурию.
10. Лубэ (Loubet) Эмиль (31.12.1838 — 20.12.1929) — французский государственный деятель, в 1899 — 1906 гг. президент Французской республики.
11. Кивокурцев Петр Петрович — зоолог, упоминается в 1-томе воспинаний А.Белого в главе «Зоологи» на стр. 398.

№ 7

Москва, 7 сентября 1900 г.
Москва 7 сентября[1]

Милая мама,

сегодня получил твое письмо; спешу ответить; я все собирался тебе писать; но бездна времени уходит на занятия в химической лаборатории;[2] я прихожу в 6 часов домой; к вечеру совершенно устаю.

Милая мама, я о тебе вспоминаю каждый день; ты писала раньше, что нездорова; я очень беспокоился о твоем здоровье; в этом письме ты ничего не пишешь: поэтому я думаю, что ты здорова. Я очень рад, что через неделю с небольшим мы увидим тебя: теперь в Москве очень сносно. Уже она наполнилась народом.

Меня очень интересует живая изгородь, которую ты посадила, как и новый ягодник.

Что касается до нас, то мы с папой здоровы. У меня теперь самый разгар занятий по аналитической химии. Приходится ежедневно часов по 5-ти возиться с химическими опытами и задачами, кроме обязательных лекций. Я уже теперь совершенно освоился с этими занятиями, хотя раньше приступал с большой опаской и неуверенностью. Теперь я уже решил три задачи на анализ веществ и произвел до 40-ка частных реакций. Одно только неудобство: вследствие множества работающих в лаборатории стоит постоянный шум и; кроме того: воздух постоянно испорчен выделяющимися газами. Оказывается, что в нынешнем году гораздо больше работы. По крайней мере это несомненно в первом полугодии.

Недавно кто-то явился к нам с твоим письмом к Фанни Андреевне, прося Дарью сообщить папе, что вещи будут перевезены (это был кажется Горбунов). Он оставил Дарье твое письмо, на котором имелась приписка Фанни Андреевны; мы с папой читали эту приписку и ничего *не могли понять*, мы просто умирали с хохоту. Фанни Андреевна просила между прочим убрать какой-то «чердук» обвернуть «чердук» оф наболдай и»... и все в этом роде. Мы страшно смеялись и ничего не поняли. Завтра у нас обедают бабушка и тетя Катя, которые целуют тебя. Бабушка уже давно с нетерпением ждет тебя в Москву. Вы теперь лишены газет, а ты даже фортепья-

но. В газетах за это время ничего не случилось. Все продолжаются военные действия в Манджурии; на днях возьмут главный город Манджурии — Гирин, затем Мукден.[3] Тогда вся Манджурия будет в руках русских, которые, кажется, ее не отдадут. А в Печили[4] все по-прежнему: русские ушли из Пекина и открываются мирные переговоры; теперь почти наверно известно, что выход русских из Пекина — только дипломатическая хитрость, чтобы приобрести расположение Китая; уже она дала результаты.

Русские держат себя, как первенствующие, а Ли-Хун-Чан[5] исключительно сносится с русскими. Войска все продолжают отзывать. Милая мамочка, жду тебя с нетерпением. Приезжай поскорее. Крепко, крепко целую тебя, дорогая мамочка, и остаюсь любящий тебя Б.Бугаев.

P.S. Папа тебя целует. Ждем.

1. Датировка А.Белого. Год не указан.
2. Позднее А. Белый писал: «‹...› я сосредоточиваю всю свою работу в сфере химии; в лаборатории провожу все дни; и пока кипятятся растворы я собираю вокруг себя кружок студентов, начиная им преподавать вынашиваемую мною эстетику». (Материалы к биографии. Л***). Ср. более художественное описание работы в лаборатории: «Лабораторная жизнь была жизнь, чреватая впечатлениями, опасениями, радостями: жизнь, а вовсе не отбывание зачета» (На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 407. См. пр. к п.№ 6.
3. Гирин, Мукден — города Китая.
4. Речь идет о Печилиской провинции — центральная провинция Китая.
5. Ли-Хун-Чан (1823–1901) — известный китайский государственный деятель.

№ 8

Москва, 14 мая 1901 г.[1]
Москва 1901 года. Мая 14-го

Дорогая мама,

Только что возвратился я домой, как уже дома лежало письмо от папы.[2] Согласно твоему поручению я его распечатал и посылаю тебе. Кроме того: сейчас у нас была Фанни Андреевна с Колей.[3] Она меня очень просила написать тебе, можно ли ей с Колей приехать к

тебе теперь, в мае. Она же очень просила, чтобы ты ответила поскорей.[4] Когда ты ее звала в деревню, она перепутала что-то, и потому не могла сказать определенно.

Милая, мамочка, как я завидую тебе! Занимаюсь я, как вол, и все еще не готов, хотя экзамен послезавтра.[5] Без тебя очень скучно. Был Сережа в Москве, заходил ко мне.

У нас жарко и скверно. Как должно быть хорошо теперь в деревне? Милая мама, здорова ли ты? Как твоя нога? Благополучно ли доехали? Хорошо ли у нас?

Как только выяснится, когда я могу ехать в деревню, тотчас напишу тебе. А пока прощай, дорогая мамочка! Крепко целую тебя и остаюсь любящий тебя Б.Бугаев.

P.S. Мой поклон Марье Федоровне.

P.P.S. Милая мамочка, пожалуйста, напиши поскорей о Фанни Андреевне; она придет за ответом после 16-го. Б.Бугаев.

1. Датировка автора.
2. В мае 1901 г. Н.В. Бугаев находился в Казани, где возглавлял экзаменационную комиссию. В упомянутом письме от 9 мая 1901 г. Н.В. Бугаев, в частности, писал: «‹...› Я поступил в здешнее шахматное общество. Оно с первого мая имеет свое пребывание в саду Панаева. Я ежедневно вечером хожу в этот сад и играю там, в шахматы с сильнейшими игроками. Если мое письмо к маме не застанет ее в Москве, перешли его в деревню». (ОР РГБ, Ф.25. Карт. 12. Д.9).
3. Можно предположить, что речь идет о Горбунове, который упоминается в письме № 7.
4. В ответном письме от 19 мая А.Д. Бугаева пишет: ‹...› Скажи Фане Андреевне, что я буду очень рада, если они приедут с Колей ко мне». (ОР РГБ, Карт.12. Д. 1).
5. «Май. В этот месяц проходят мои университетские экзамены, которые неожиданно весьма благополучны для меня: я получил по всем предметам «5», за исключением минералогии (4); на экзамене физики проф. Умов (Н.А. Умов — профессор физики), удивленный моими философским подходом к механической теории тепла, даже не спрашивал меня подробности билета ‹...›. Экзамены протекают неожиданно легко, почти не задевая душу...» (Материалы к биографии. Л.19).

№ 9

Москва, 9 мая 1903 г.[1]

Милая мама,

Спешу Тебе написать об экзаменах.[2] Они сошли у меня благополучно. По зоологии я получил *весьма*. По физиологии то же. По сравнительной же анатомии получил только удовлетворительно, благодаря тому, что Сушкин,[3] который экзаменовал меня вместо Мензбира[4] ужасно придирчиво меня спрашивал. Теперь отдыхаю. Завтра принимаюсь за экзамен по географии. Милая мама, напиши мне, как ты устроилась. Как себя чувствуешь. Что в деревне. Меня ужасно тянет на воздух. Зелень везде такая свежая.

Был у меня после экзаменов Печковский,[5] Петровский, был Владимиров, Лев Львович; был Павел Николаевич,[6] был вернувшийся из Парижа Брюсов[7] с Семеновым.[8] Они все знали, что до 9-го мая у меня страшно трудные экзамены и пришли осведомиться о том, как я держу.

илая мама, у нас все благополучно. Папа себя недурно чувствует, хотя за вчера и третьего дня он очень утомился, С 10 часов до 7-ми ему приходилось все время быть в университете. Студенты очень довольны папой. Он их очень поддерживает.

Милая мама, скоро напишу тебе подробнее. Крепко целую тебя. Желаю всего лучшего и здоровья. Остаюсь любящий тебя Боря.

P.S. Мой поклон Марье Федоровне.[9]

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Москва. 9.V.1903.
2. Май. Весь этот месяц поглощают государственные экзамены, которые в этом году для меня особенно трудны; год я почти не работал в Университете, а весною вместо того, чтобы готовиться к экзамену, главным образом вращался в литературных кружках; успех мой в них опьянял; об экзаменах как-то совершенно забыл». (Материалы к биографии. Л.37).
3. Сушкин Петр Петрович (1868–1928) — приват — доцент Московского университета. «‹...› Сушкин, увидев, что я знаю билет, начал сбивать меня вопросами, вовсе не входящими в программу. ‹...› Сушкин с места в карьер задавил меня рядом вопросов по эмбриологии, стал расспрашивать историю развития ноздрей у лягушки; я знал, что меня спрашивают то, что я знать не обязан; и в то же время знал, что я в руках Сушкина». (Материалы к биографии. Л.37 об.).
4. Михаил Александрович Мензбир (1855–1935) — профессор зоологии Московского университета.

5. Александр Петрович Печковский — студент, входил в круг друзей А. Белого в студенческие годы.
6. Павел Николаевич Батюшков (1864–1930) — историк и теософ, в последствии сотрудник библиотеки Румянцевского музея.
7. Брюсов В.Я. ездил в Париж в апреле 1963 г. и пробыл по его утверждению 16 дней. «Видел все, — писал он в дневнике, — т.е. музеи, университеты, театры, улицы, кабачки. Только не влезали на Эйфелеву башню. ‹...›Париж мне пришелся по сердцу. Изумило меня отсутствие в нем декадентства. Было, прошло, исчезло. Нет даже «нового стиля». Москва более декадентский город». (Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С.150).
8. Михаил Николаевич Семёнов (1872–1952) — переводчик, один из основателей издательства символистов «Скорпион ».
9. М.Ф.Вутетич. (Экономка в семье Бугаевых, которая казалась ему в детстве некоторым символом каких-то сомнительных сил! Материал к биографии. № 15.)

№ 10

Москва, 23 мая 1903 г.[1]

Дорогая мамочка,

Наконец то я отделался от экзамена. Сегодня сдал *Геологию*, так что теперь совсем освободился. Прости, милая мама, что до сих пор я тебе ничего не писал: на меня обрушилась бездна дел; к *Геологии*, которая представляла как и *Сравн[ительная] Анатомия* громадные трудности для приготовления, я готовился по 12 часов в день, и когда кончал заниматься, не только писать, но и думать ни о чем не мог. Вообще я так утомился, как никогда в жизни.[2] Садишься и иногда забываешь, где находишься. Мы с Василием Васильевичем совсем разнервничались.

Как я завидую тебе: у нас ужасно душно: собирается гроза; но все никак не разрешится. Собираемся на этих днях поехать куда-нибудь за город — я, Василий Васильевич, Лев Львович (который то же на днях кончает экзамен), Петровский и хотим прихватить Павла Николаевича, который заходит ко мне после каждого экзамена. Лев Львович блестяще держит экзамены. Василий Васильевич то же сдает их очень хорошо. Петровский то же.

Просто не верится, что кончил Университет. Все-таки, это большой шаг чувствовать себя официально получившим высшее образование; хотя бы я и пошел на филологический факультет, естествознание не уйдет от меня: получивши естественно-научное образование, я могу в любое время продолжать свои занятия по любой отрасли. Не могу выразить достаточно своей любви и уважения папе за то, что вы дали мне возможность быть образованным человеком, а это роскошь, которую далеко не всякий себе позволит. Таких идеальных председателей комиссии,[3] как папа едва ли найдешь. Все студенты заявляют, что он был для них скорее отцом, чем председателем: всем папа помогал, всех ободрял, за многих ходатайствовал перед профессорами, иных спасал.

Некоторые из моих товарищей бросили бы экзамены, если бы не папа, который в нужный момент так утешал их, что они решались идти на экзамен: шли и выдерживали. Милая мамочка, как мне хочется скорее обнять тебя, скорее увидеть: надеюсь мы с папой в скором времени приедем в деревню. А пока прощай. Целую тебя. До скорого свиданья. Остаюсь любящий тебя твой Боря.

P.S. Папа целует тебя.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 23.V.1903.

2. «С утра до ночи я зарывался в книги; и должен сказать: со своей задачею я относительно удачно справился; папа был удивлен: после экзаменов он мне признавался, что не ожидал такой удачной сдачи экзаменов. Вот отметки моего университетского диплома: за кандидатское сочинение 5; за письменный ответ по физической географии 5; за физиологию растений 5; за минералогию и кристаллографию 4; за зоологию позвоночных 5; за физиологию 5; за геологию и палеонтологию 5; за органическую химию 5; за сравнительную анатомию 3; за физическую географию 5; за метереологию 3; за аналитическую химию 5». (Материалы к биографии. Л.37).

3. «Вообще, — он был образцовым председателем (Н.В. Бугаев был председателем экзаменационной комиссии — С.В.): бодрил студентов, где нужно заступался за них ‹...›вообще — он был не председателем, а нашим другом; и наши студенты с доверием обращались к нему». (Материалы к биографии. Л.37 об.).

№ 11

Москва ,<середина марта> 1904 г.[1]

Дорогая мама,

В 5 1/2* ухожу в «*Весы*»,[2] чтобы исполнить поручение Метнера,[3] а оттуда к С.А. Полякову[4] за деньгами, Все-таки, милая мама, ты сама увидишь — мне лучше на недельку уехать к Метнеру.[5] Там я поговею а то здесь мне будет трудно говеть, потому что, говея, я должен буду подтвердить свои данные Богу обещания стоять на страже зарождающегося религиозного искания. Ты же будешь на меня за это сердиться.

Милая мама, я даю обещание быть в университете и *упорно учиться*,[6] не покидая мысли о религиозном деле. Но и с своей стороны прощу свободы и доверия к себе, потому что иначе не имеют никакого смысла никакие слова.

Милая мама, я уже тебе дал обещание быть всегда чистым и честным. Даю тебе еще раз слово. Но и с твоей стороны прошу доверия к своим поступкам и словам.

Все-таки мне надо уехать к Метнеру, чтобы там поговеть и вернуться в Пятницу или Субботу на Страстной.[7] Твой Боря.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. «Весы» (1904–1909) — литературно-художественный журнал, ведущий периодический орган символистов, возникший при издательстве «Скорпион». Главным редактором и идеологом журнала был В.Я. Брюсов. Редакция журнала и издательство размещалось в центре Москвы в доме «Метрополь» в двухкомнатной квартире на 5 этаже. Литератор Борис Садовской так описал эту квартиру: «Две высокие комнаты в стиле «модерн»; синие обои, пол паркетный, В первой комнате направо от входа телефон, слева вешалка и полка книг; за полкой незаметная дверца в каморку Василия (*рассыльный издательства — С.В.*); стол перед окном. В простенке большой портрет Ницще ‹...›. Направо дверь в кабинет редактора. Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографские счета, пачки корректур, письма...» (РГАЛИ, Ф.464, Оп.1, Д.3, Л. 78).
3. Метнер Эмиль Карлович (1872–1936; псевдоним Вольфинг) — журналист, музыкальный критик. А. Белый познакомился с Ментером в конце марта — начале апреля 1902 г. в Москве. «Увлечение Никишем (венгерский и немецкий дирижер, композитор — С.В.); встреча и первый разго-

* А.Белый имеет в виду 17час.30 мин.

вор с Э.К. Метнером на репетиции Никиша, определивший будущую дружбу». (Ракурс к дневнику. Л.14). Какое поручение Метнера должен был выполнить А. Белый установить не удалось.
4. Сергей Александрович Поляков (1874–1942) — принадлежал к богатому роду купцов Поляковых, совладелец Знаменской мануфактурной фабрики, владелец издательства «Скорпион» и журнала «Весы».
5. В это время Э.К. Метнер жил в Нижнем Новгороде, где он служил цензором.
6. После окончания физико-математического факультета А. Белый в июне 1904 г. подал прошение о зачислении его на филологический факультет Московского университета.
7. Т.е. А.Белый должен был вернуться до Пасхи, которая праздновалась в 1904 г. 28 марта.

№ 12

Москва, 17 марта 1904 г.[1]

Дорогая мамочка,

Совершенно случайно пропустил курьерский (он идет только 3 раза в неделю и как раз не в этот день). Придется тащиться с товарно-пассажирским. Буду в Нижнем только завтра в 7 часов вечера.

Дорогая мамочка, я очень скоро вернусь. Как только буду в Нижнем, напишу тебе подробнее. Твой Боря.

1. При написании письма А. Белый указал лишь число «17» и место отправления «Москва». Письмо датируется по содержанию и в соотношении с другими документами. Ср.: Март. ‹...›Я действительно весной «убегаю» из Москвы к Метнеру в Нижний Новгород». (Материалы к биографии. Л.45). В ответном письме от 20-го марта 1904 г. А.Д. Бугаева пишет: «Возвращайся скорей домой, праздник большой уже близок и все едут встречать его к своим родным, близким ‹...›. Передай мой поклон Эмилию Карловичу и его супруге» (ОР РГБ, Ф. 25. Карт. 12. Д.1).

№ 13

Москва, до 11 июня 1904 г.[1]

Дорогая мамочка,

Получила ли Ты деньги (сто рублей) и мое письмо?[2] Очень беспокоюсь. Я в Москве. Как только приехал, умылся, пошел и зашел к Владимировым, но их не застал (они уехали на *«Сходню»*).[3] Занялся отысканием квартиры Сережи. Нашел там Варю.[4] Она передала, что Сережа уже давно не в Трубицыне,[5] в имении Венкстернов, Лаптеве.[6] Ураган[7] разрушил усадьбу и дом С.Гр.Карелиной и всем им пришлось переехать. Опустошения урагана сильны. Около Люблино я видел, как все переломано. На другой день был у Венкстерна в Москве, узнал Сережин адрес и отправил письма с указанием, что я без Сережи не могу ехать к Блоку, был в университете и тут узнал, что кроме обычных формальностей я должен как кончивший и год пробывший *вне университета*, выхлопотать свидетельство о благонадежности в канцелярии Губернатора. Был там: оказывается на это уходит около месяца, так что мне пришлось взять расписку в том, что я подал прошение о выдачи мне свидетельства о благонадежности. Думаю просить Тихомирова[8] (завтра), чтобы *пока* мое прошение приняли только с этой распиской. Не знаю удастся ли. Во всяком случае об окончательном результате должен узнать не ранее 10 июля, так что до девятого не могу выехать. *Выезжаю 11-го так что 12 буду в Ефремове*,[9] сейчас иду заказать карточки (Сережа обо мне совсем забыл никаких карточек не прислал, а для поступления в университет нужно 3 карточки). Был вчера у меня Лева проездом очутившийся в Москве. Он приедет к нам в начале августа. Сегодня у меня будет Пав[ел] Ник[олаевич] (который поселился к Владимировым жить), Вас. Вас., может быть Мих[аил] Алекс[андрович] (Эртели[10] еще в Москве по случаю болезни М.А.[11] — у нее отнялись ноги) и... Евг[ений] Иван[ович], придет вместе с ними.

К Блокам думаю поехать не раньше 5-го июля, если Сережа получит мое письмо, или если Петровский согласится меня сопровождать

Целую Тебя, милая мамочка. Любящий тебя. Б.Бугаев.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. В ответном письме А.Д. Бугаева из Серебряного Колодезя от 30-го июня 1904 г. пишет: «Деньги 100 р. Я получила. ‹...›. Тебе же посылаю 25 р. Боюсь, что тебе денег мало твоих. Вчера я прочла в газетах, что прошения о поступлении (*имеется в виду университет — С.В.*) принимаются только с 15 июля. Может быть, ты устроишь это как нибудь раньше через ректора, а то ведь тебе придется, пожалуй, возвратиться сюда только после 15-го». (ОР РГБ, Ф. 25. Карт. 12. Д.1).
3. Недалеко от станции «Сходня» по Николаевской ж.д. находилась дача Владимировых.
4. Варя — знакомая А. Белого.
5. Трубицыно — подмосковное имение Софьи Григорьевны Карелиной (1826–1915) — двоюродная бабушка С.М. Соловьева и А.А. Блока.
6. Лаптево — имение А.А. Венкстерна (1856–1909) — поэта — переводчика и близкого друга Соловьевых.
7. Страшный ураган прошел в окрестностях Москвы 16 июня 1904 г. В письме Е.П. Иванову от 28 июня Блок сообщал: «Смерч московский разорил имение сестры моей бабушки (*С.Г. Карелина — С.В.*), где жил С. Соловьев. Вековой сад вырван с корнями, крыши носились по воздуху». (А. Блок. Собр. Соч., М. —Л., 1960–1963. Т. 8. С. 108).
8. Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) — ректор Московского университета.
9. Ефремов — город в Тульской губернии, где находилось имение Бугаевых.
10. Эртель Михаил Александрович — историк, входил в круг близких знакомых А. Белого.
11. Эртель Мария Александровна — сестра М.А. Эртеля.

№ 14

Москва, 4 июля 1904 г.[1]

Дорогая Мамочка,

Получил 25 рублей. Очень спасибо, но зачем Ты послала: мне за глаза хватило бы тех денег, которые у меня есть. Пока сижу в Москве. Я был у Лахтина[2], и он разрешил мне подать прошение раньше срока, так что я мог бы подать прошение, если бы не 1) карточки, которые я заказал и которые будут готовы в среду. 2) А главное: мне нужно знать наверное, когда выдадут свидетельство о благонадежности из канцелярии губернатора: это совсем сюрприз для меня. Сказали чтоб справился 10-го. 11-го выезжаю.

Дорогая мамочка, мне очень скучно. Если бы не Владимировы и не Павел Ник[олаевич] то совсем бы пропал. Мы видимся по нескольку раз в день. 2 раза я обедал у Владимировых. По вечерам я обыкновенно у них, да и днем захожу, или ко мне заходит Павел Ник[олаевич] От Петровского никаких известий, от Сережи то же. Помня обещание, не поеду к Блокам без них, хотя повидаться бы очень хотелось с Блоком.

Дорогая мамочка, я занимаюсь много по утрам. Мысленно вспоминаю, как хорошо в деревне. Всей душой стремлюсь к Тебе. Остаюсь любящий Тебя Борис Бугаев.

Да хранит Тебя Бог.

Поклон тете Кате и Марье Феодоровне.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. Лахтин Леонид Кузьмич (1863–1927) — математик, профессор Московского университета. «Вот еще математик: Леонид Кузьмич Лахтин: скромный, тихий, застенчивый, точно извечно оскопленный с маленькою головкою на высоком туловище, с редкой растительностью; он и в молодости имел вид — скопца: и уж, конечно, видом своим не хватал звезд: но отец отзывался о нем: — Талантливый математик!» (На рубеже двух столетий. М., 1989. С.85).

№ 15

Москва, 10 июля 1904 г.[1]

Дорогая мама,

Сейчас приехал Алексей Сергеевич.[2] Хочет со мной ехать к Блоку. Еду на два дня. Прошение подал.[3] Вместо 12-го в понедельник буду 17-го в субботу. Милая мамочка, Блок в отчаяньи,[4] что я не буду у него: у них нет своих лошадей. Теперь приехал Петровский и мы едем. Прощай, до скорого свиданья. Ужасно соскучился о Тебе. Твой любящий сын Б.Бугаев.

1. Датируется по почтовому штемпелю.
2. Со мною поехал Петровский; «Наконец я решил ехать к Блокам без С.М. Соловьева; А.С. Петровский, оказавшийся в Москве, выражает желание со мной ехать в Шахматово; мы — едем». (Материалы к биографии. Л.47об.). Ср.: «В начале июля я трогаюсь в Шахматово; неожиданно

вовсе со в вагоне мы перепугались: я — осознавая, что напросился» (Начало века. М., 1990. С.364).

3. Имеется в виду прошение в Московский университет. Прошение о повторном поступлении в университет датировано июлем 1904 г. (РГАЛИ, Ф.53. Оп.1. Д. 305).

4. В письме от 4 июля 1904 г. А. Белому А. Блок писал: «Что же Ты не едешь? Мы прождали Тебя 1-го, 2-го, и 3-го, все надеялись и много раз слышали звонки. Я продолжаю Тебя ждать ежедневно и прислушиваться. (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. С. 167).

№ 16

Москва, 28 июля 1904 г[1]

Милая, дорогая Мамочка,

Ужасно беспокоюсь, получила ли Ты мое письмо? Здорова ли Ты? Скучаю без Тебя. Приезжай скорее. Здесь в Москве как-то нехорошо: меня в эти дни страшно тянет в деревню. Сережа звал меня как-то недавно дня на два в Дедово к А.Г.Коваленской,[2] но я не поехал. У нас дома все благополучно. Вчера был уполномоченный от университетской библиотеки, чтобы осмотреть книги. Он говорил, что желательно было бы узнать цену всей библиотеки.[3] Я ему сказал, что Ты скоро сама приедешь, а я не могу, конечно, без Тебя распоряжаться. Он зайдет, когда Ты приедешь. На днях беру билеты в Симфоническое, приезжай скорее. Очень соскучился. Остаюсь горячо любящий Тебя Боря.

1. Датируется по почтовому штемпелю

2. Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина; 1829–1914) — бабушка друга Белого, С.М. Соловьева, детская писательница. Дедово — имение А.Г. Коваленской, неподалеку от станции Крюково по Николаевской ж.д. (*ныне Октябрьская ж.д. — С.В.*). Подробнее о Коваленской А.Г. и ее имении см. в воспоминаниях А. Белого «Между двух революций» М., 1990. С.13–21. Ср. о А.Г. Коваленской в воспоминаниях М.А. Бекетовой: «Муж ее несколько лет сряду занимал выдающий пост председателя казенной палаты в Тифлисе и Севастополе. Живя в Тифлисе, Ал[ексан]дра Григ[орьевна] блистала на балах наместника Кавказа князя Воронцова и вообще играла заметную роль». (Литературное наследство, Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.3. С.717.

3. Библиотека Н.В. Бугаева была в сентябре 1904 г. оценена в 3000 рублей и продана Московскому математическому обществу.

№ 17

Санкт-Петербург, после 9 января 1905 г.[1]

Дорогая, милая Мамочка,

Христос с Тобой. Как я рад был получить от Тебя письмо. Ужасно соскучился. Если я так долго остался в Петербурге, то только потому, что ужасно мне было хорошо жить у Мережковских[2] и видеть Блоков. Я ужасно как привязался к Дм[итрию] Серг[еевичу] и Зинаиде Ник[олаевне] а также к Блокам, у которых много общего с Соловьевыми. Сделал массу знакомств. Со многими писателями подружился.

Милая мама, ради Бога не беспокойся. Ведь это же ужасно. Ведь то, что я в религии получил от Мережковских *есть самое главное, что у человека должно быть в жизни.* У меня на многое открылись глаза. Первый раз в жизни мои религиозные убеждения вполне закончились и определились. Ведь *все иное в жизни — не жизнь.* Вот ради спасения своей души, ради воскресения и утверждения истины я и задержался в Петербурге, боясь попасть в Московский хаос знакомых, кроме Сережи, которые в сущности моей религии далеки. Милая мамочка, о Тебе я соскучился, но ведь я же в Москве погибал от внутренних противоречий и сомнений. Ты вот говорила о моей нервности и болезненности и не хотела понять, что эта нервность происходит от моих одиноких, ни с кем неразделенных недоумений. Я религиозно (в молитвах и чаяниях) своих был *одинок — пойми это*: удивительно ли, что здесь, когда я наконец нашел людей, близких мне, мне трудно с ними расставаться. Ты должна это понять и понять, что в Петербурге я нашел лекарство против своей нервности, за которую Ты так беспокоилась. Милая мамочка, недавно мне как писателю, пришлось дать на пожертвование в пользу пострадавших рублей 8.[3] Милая мамочка, можно у тебя занять рублей 10, а то я боюсь, что не хватит на проезд. В Москве возьму у "Скорпиона"[4] и верну. Буду ждать письма. Ранее получения письма мне не двинуться (боюсь не хватит денег).[5] Целую крепко, крепко. Счастливый и радостный Твой Боря.

P.S. Не беспокойся. *У нас тихо и свято.* Нигде я не бываю и никуда не пойду. Такой тишины я не знал во всей жизни.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. Первая встреча с Мережковскими прошла на квартире Соловьевых 6-го декабря 1901 г. Эта встреча подробно описана Белым в его воспоминаниях «Начало века». Эта главка так и называется «Встреча с Мережковским и Зинаидой Гиппиус». В январе-начале февраля 1905 г. А.Белый жил на квартире Мережковских (Литейный пр-т, д.24, т.н. дом Мурузи).
3. Речь идет о расстреле мирной демонстрации рабочих 9 января 1905г., направлявшейся к Зимнему дворцу для вручения питиции императору Николаю II.
4. Имеется в виду издательство «Скорпион».
5. А.Белый вернулся в Москву 5 февраля 1905 г.

№ 18

Дедово, май 1905 г.[1]

Дорогая мамочка,

Спешу Тебя уведомить, что ужасно хорошо чувствую себя в Дедове.[2] Провожу день в занятиях а также пишу теперь одно большое произведение,[3] только кончив которое получу возможность покинуть Дедово; иначе работа оборвется, и я уже ничего не напишу. Потому что (для писания) я и остался в Дедове, когда Сережа поехал в Москву. Милая мамочка, напиши мне, пожалуйста, как Ты себя чувствуешь и что намерена делать: когда едешь в деревню и когда в Крым. Если Ты поедешь в Крым, то сообщи мне о дне выезда. Я, конечно, приеду в Москву, чтобы Тебя проводить. Дорогая мамочка, мне очень хорошо, но, конечно, было бы еще лучше, *если бы Ты была со мною.* До начала июня (до I, 2-го) мы с Сережей в Дедове а потом, вероятно, у Блоков (станция Подсолнечная. Имение Шахматово. Ал[ександру] Ал[ександровичу] Блоку с пер[едачей] мне). О дне выезда к Блокам сообщу непременно. А Ты, милая мамочка, сообщи мне, пожалуйста, до 1-го — 2-го июня о Твоих намерениях, чтобы письма наши не разошлись. У Блоков не знаю сколько мы останемся. Затем меня ужасно приглашают к Морозовым, куда вероятно заеду после Блоков, а кроме того зовут Мережковские. С другой стороны Сережа в июне едет в Крым и зовет меня. Как Ты? Милая мамочка, как Твое здоровье, и как провела Ты время в Демьяново? Какой ужас с флотом: помнишь я предсказывал неудачу Рождественского,[4] так и вышло: он попался врасплох.

Милая мамочка, целую Тебя крепко и сотню раз. Нежно люблю Тебя и постоянно вспоминаю Тебя. Глубоко преданный и любящий Боря.

P.S. Поцелуй от меня тетю Катю. Поклон всем.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. В 1905 г. Белый жил в Дедове в мае — первой половине июня, в последней декаде августа. «С.М. Соловьев извлек из Москвы: в Дедове он меня усадил, точно в ванну, в настой из ландышей, в утренние туманы сырого, прохладного лета». (Между двух революций. М., 1990. С.22).
3. Видимо, речь идет о поэме «Дитя — Солнце», текст которой утрачен. Поэма была потеряна дважды. Первый раз она пропала в мае 1905 г. «Поэма пропадала дважды: в первый раз она выпала из телеги, на которой я ехал в Крюково; крестьянин, нашедший сверток; его мне принес; через два года опять поэма пропала». (Между двух революций. М., 1990. С. 23).
4. В Корейском проливе у о. Цусима 14–15 мая 1905 г. во время русско-японской войны была практически уничтожена 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием З.П.Рожественсокого. А. Белый неправильно пишет фамилию адмирала.

№ 19 *(телеграмма)*

Санкт-Петербург, 4 декабря 1905 г.[1]

Здоров. Боря.

1. Датируется по дате на телеграфном бланке.

№ 20

Санкт-Петербург, 9 декабря 1905 г.[1]

Дорогая мамочка,

мне удивительно хорошо живется в Петербурге.[2] Пока здесь все очень спокойно. Спокойней, чем в Москве. Порядок на улицах — совсем забываешь о происходящем в России. Здесь мне все очень рады. Вижу часто Блоков. Вижу разных писателей. Все ко мне очень расположены. Милая мама, думаю приехать через недельку. Христос с Тобой. Обо мне не беспокойся. Я осторожен. Никуда не пой-

ду, да и ничего не будет. Часто вспоминаю о Тебе. Твой любящий сын Боря.

Это второе письмо, которое я пишу Тебе, милая мама, первое письмо, вероятно, ты не получила, ибо забастовщики письма жгут.[3] Телеграмма тоже, вероятно, не доставлена. Сегодня узнал о забастовке в Москве. Вероятно, придется переждать несколько дней. Ты не беспокойся, не волнуйся. *Со мной ничего не будет.* Мережковские следят за мной и сами очень заботятся о том, чтобы все было благополучно. Все пока спокойно. Хулиганов нет. Пишу это письмо по случаю. Артельщик Рябушинских[4] каким-то образом попадет в Москву с конвертами Мережковского Соколову.[5] Я и присоединил письмо. Дорогая мама. Будь так добра, если Павел Иванович Астров[6] прислал мне денег за гонорар в «*Свободной совести*»,[7] сделай перевод их. Сытин[8] *должен* мне дать гонорар. Если же П[авел] Иванович Астров не заезжал, то не перешлешь ли Ты через Банк 12–15 рублей на переезд. Мне должны около 30 рублей за статью. Как только приеду в Москву все равно их получу и Тебе сейчас, же отдам. Здесь меня приглашают участвовать в 2-х журналах, но *вперед* денег не дают. А деньги от Сытина я уже заработал. Как приеду, отдам Тебе. Лучше конечно, чтобы Астров сам взял от Сытина и как только будет возможность перевел их мне.

Христос с Тобой, не беспокойся. Я цел и невредим. Твой Боря.
9 декабря.

1. Число и месяц написаны рукой А. Белого. Год определен по содержанию письма

2. Белый приехал в Петербург 1 декабря, остановился в меблированных комнатах «Бель-Вю» на углу Невского пр-та и Караванной улицы. В этот же день Белый послал Блоку письмо: «Непременно буду ждать сегодня, пить чай в ресторане Палкина в 8 часов (На Невском. Буду в главном зале). Будь милый. Если бы Любовь Дмитриевна ничего не имела против меня, мне было бы радостно ее видеть». Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001. С. 257. См. так же: Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С.187. Между двух революций. Глава — Примирение. С. 54.

3. «Декабрь. Петербург. Забастовка жел[езных] дорог отрезает меня от Москвы, где начинается восстание; я настроен ультралево и у меня ряд горячих споров с Мережковским, холодно отозвавшимся на разгон «Совета рабочих депутатов» (Ракурс к дневнику. Л.31об.).

4. Рябушинский Николай Павлович (1878–1951) — предприниматель, меценат. В 1906 г. Н.П. Рябушинский начинает издавать журнал «Золотое Руно», ставший органом символистов. Его портрет в своих воспоминаниях оставил художник А.Н. Бенуа; «Был он милым статным, с белокурыми, завивающимися На лбу (если не завитыми) волосами, а лицо у него было типично русским и довольно простецким. Что касается его манер, то казалось, что он нарочно представляется до карикатуры типичным купчиком голубчиком из пьес Островского. И говор у него был такой же характерный московско-купеческий, с легким заиканием, ударением на «о» и целым специфическим словарем. (Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2 С. 439–440).
5. Соколов Сергей Алексеевич (псевдоним — Сергей Кречетов; 1878–1936) — поэт, владел издательством «Гриф».
6. Астров Павел Иванович (1866–?) — юрист, член Московского окружного суда, литератор.
7. «Свободная совесть» — газета.
8. Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — издатель, основатель крупнейшей в России издательской фирмы в 1891 г. «Товарищество печатания, издательство и книжной торговли И.Д. Сытина и К?». Сытину принадлежала ежедневная газета «Русское слово» (1895–1917), где печатался А. Блок.

№ 21

Санкт-Петербург, 16 декабря 1905 г.[1]

Дорогая мамочка,

ужас, что делается в Москве.[2] За Тебя спокоен. На Арбате по газетам все благополучно. Знаю — Ты осторожна. Рвусь в Москву, но проезд оторван. Не ручаются за проезд. На телеграфе мне сказали, что быть может телеграмма дойдет только через несколько дней.[3] Не посылаю телеграммы.

Кроме того: в виду растущих неожиданностей я занят в Петербурге тем, чтобы мне дали место в Министерстве Нар[одного] Просв[ещения].[4]

Бог знает, когда будет университет, а между тем мне нужен заработок.

Придется остаться несколько дней еше в виду того, что нужно побывать у Попечителя С[анкт]-Петербургского округа и может быть у еще нескольких лиц с рекомендательными письмами. Ищу место с заработком в 50–60 рублей в месяц.

Здесь все спокойно. Христос с Тобой, дорогая мамочка. Ни минуты не проходит, чтобы я не Думал о Тебе.

Остаюсь глубокоуважающий Тебя горячо и всегда любящий Твой сын Боря

P.S. Приеду при первой возможности.[5] Писем от Тебя не получал.

1. Датируется по почтовому штемпелю
2. 7 декабря 1905 г. Московский Совет объявил всеобщую политическую забастовку. 10 декабря забастовка переросла в вооруженное восстание, баррикады были воздвигнуты во многих районах Москвы. «Первый свидетель Московских событий, Владимиров ‹...› Он рассказывал: между нашими домами в Москве (оба жили на Арбате: я около Денежного; он — около Никольского) — выросло до семи баррикад. (Между двух революций. М., 1990. С.66).
3. Тем не менее, А.Белый послал в Москву и телеграмму и письмо. «Телеграмму и письмо, — писала Александра Дмитриевна 10 декабря из Москвы, — я получила. Деньги вышлю, но должно наверно узнать точно ли доходят денежные пересылки. Хотелось это разузнать сегодня, т.е. 10-го, но в Москве у нас такой ужас. Почти целый день грохотали орудия. Убитых массы, говорят тысячи полторы. Все это происходит на Тверской. Дома даже у нас на Арбате дрожали от грохота орудий». (ОР РГБ, Ф.25. карт 12. Д.2).
4. Белый передумал поступать на службу в Министерство Народного Просвещения.
5. В Москву Белый вернулся в 20-х числах декабря 1905 г.

№ 22

Санкт-Петербург, <середина декабря> 1905 г.[1]

Дорогая мамочка,

в пятницу выезжаю. В субботу утром приеду. С жадностью получил от Тебя письма. Получила ли Ты мои? Какое счастье, мы увидимся скоро. Страшно хочу Тебя видеть. Христос с Тобой.

Любящий Тебя горячо и нежно. Боря

P.S. Может быть Ты хотела бы отдохнуть от московских ужасов[2] в Петербурге. Здесь так тихо и хорошо. Зин[аида] Николаевна *тоже* кланяется Тебе и советует отдохнуть, приехать в Петербург.[3]

В случае, если бы Ты вообще вдруг захотела приехать, спешно телеграфируй, чтобы я до 1-го дня (в пятницу) мог бы получить ответ.[4] Еду с почтовым. Телеграфируй. Если приедешь, конечно, я отложу отъезд.

1. Датируется по содержанию и в сопоставлении с другими источниками
2. Имеется в виду вооруженное восстание рабочих в декабре 1905 г. в Москве.
3. «Очень рада, что Тебе хорошо у Мережковских, но не думаю, чтобы Ты очень соскучился обо мне, иначе Ты давно был бы дома. — Письмо А.Д. Бугаевой сыну. — Не откладывай же и приезжай немедленно домой». (ОР РГБ, Ф. 25, Карт.12. Д.8).
4. На конверте рукой В.В.Владимирова карандашом сделана приписка: «Борис Николаевич передает Вам, что если Вы захотите ехать в Петербург, то пошлите ему , как можно скорее телеграмму — преданный Вам В.В.

№ 23

Санкт-Петербург, 15 февраля 1906 г.[1]

Милая мамочка,

шлю Тебе письмо. Мне очень хорошо в Петербурге. К 20-му не позднее 23-го я буду в Москве.[2] Бываю у Блоков, Иванова.[3] Пойду к Мережковским[4]: они очень на меня обиделись. Остановился я на Караванной д. № 28. Меблированные комнаты Барбей, комната № 12. У меня удобный № за 1 р. 75 к. в сутки. Пиши мне сюда. Мой дом угольный: выходит на Невский как раз против Аничкова Дворца. Для моциона гуляю много по Невскому. Милая, милая мама: я занимаюсь и работа идет очень хорошо. Христос с Тобой: скоро увидимся. Твой любящий сын Боря.

1. Датируется по почтовому штемпелю
2. 21 февраля А.Д. Бугаева пишет сыну: «‹...› вчера у меня были гости, т.е. в Воскресенье 19-го. Думаю, что Ты 25-го не приедешь». (ОР РГБ, Ф.25, Карт.12. Д.3). А.Д. Бугаева оказалась права.
3. В феврале 1906 г. Белый был частым гостем у поэта В.И. Иванова (1866–1942).
4. «Выходит моя статья «Достоевский и Ибсен. За статью мою мне достается от Мережковского: он присылает мне письмо, отрешающее меня от Христа<...> Приехав в Петербург, имею тяжелые объяснения с Мережковскими, после которых мирюсь с ними». (Материалы к биографии. Л.52).

№ 24

Петербург, середина февраля 1906 г.[1]

Дорогая мамочка,

милая, зачем Ты прислала мне столько денег. Мне хватило бы и 10–15 рублей. Дорогая мамочка, ужасно соскучился; поехал бы сегодня в среду (только сейчас получил деньги) да болят зубы. Кроме того, в пятницу у меня от Блоков есть даровой билет на «Гибель Богов»[2] специально для меня они хлопотали. Буду во что бы то ни стало в воскресенье утром.

Христос с Тобой дорогая мамочка. Ужасно хочу видеть Тебя. Соскучился. Скоро увидимся.

Крепко, крепко целую Тебя. Твой Боря.

P.S. Поцелуй Тетю Катю и всем кланяйся.

1. Датируется по содержанию и в сопоставлении с другими документами
2. «Гибель Богов» — последняя часть оперной тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунгов».

№ 25

Санкт-Петербург, 17 февраля 1906 г.[1]

Дорогая мамочка, с понедельника я опять у Мережковских. Адресуй письма туда. В Петербурге пробуду до 25–20 и потом домой. Милая мамочка, мне хорошо. Письмо Твое получил. Латышеву[2] напишу благодарность. Скоро увидимся.

Любящий Тебя нежно Боря.

1. Датируется по почтовому штемпелю
2. Латышев Василий Васильевич (1855–?) — академик, с 1893 г. вице-директор департамента Министерства народного просвещения; он предложил Белому место учителя географии и естествознания в Кронштадте.

№ 26

Петербург, 4 марта 1906 г.[1]

Милая, Дорогая мамочка,

Христос с Тобой. Часто о Тебе думаю. Часто скучаю по Тебе. Мне в Петербурге очень сложно: многие есть дела. Может быть я прочту здесь лекцию.[2] Во всяком случае еще необходимо пробыть недели 2 /2. Кроме того: не могу приехать в Москву еще и потому, что с завтрашнего дня меня опять пишет Бакст во весь рост для *«Золотого руна»*.[3] Этот портрет пойдет на выставку в Париж. Первый мой портрет выставлен в Петербурге на выставке «Мира Искусства».[4] Буду теперь работать. Много заказов для «Руна» и в петербургские журналы.

Мережковские уехали за границу.[5] Мы их проводили. Теперь живу на Шпалерной; снимаю комнату за 20 р. в месяц. У меня тихо и уютно. Адрес мой: С.Петербург, Шпалерная 3, кв. 16. Мне.

Дорогая мама, часто вижу Тебя во сне и подолгу беседую с Тобой. Когда приеду в Москву, буду с тобой говорить много и долго.

Пиши мне, как Твое здоровье. Мне никак нельзя приехать ранее 20-го марта. По приезде в Москву очень надо много обсудить.

Христос с Тобой, любящий Тебя нежно твой сын Боря.

P.S. Слышал весь первый акт Парсифаля. 12 и 19-го марта услышу оба.

4-го марта 06 года*.

1. Датировка А. Белого.

2. Дело было, как позднее писал сам А.Белый, «Трудная ситуация с Блоками: Л.Д. Блок влюбляется в меня; я уже ясно сознаю, что сильно люблю ее (с 1905 года); ‹…› Я снимаю себе комнату на Шпалерной. Л.Д. бывает у меня». (Материалы к биографии. Л.52).

3. «Золотое Руно» — ежемесячный художественный и литературно- художественный журнал, выходивший в Москве в 1906–1909 гг. Издавался на средства Н.П. Рябушинского. См. А. Белый, Между двух революций. М., 1990. С.219-227.

4. Оба портрета А. Белого работы Л.С. Бакста (1866–1924) находятся в Государственном литературном музее в Москве. Первый портрет экспонировался на выставке «Мира искусства» в 1906 г., второй — в Париже, в

* Так в тексте письма.

1907 г. Об истории создания портретов см.: С.С. Гречишкин, А.В. Лавров. Неизданная статья Андрея Белого «Бакст». Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С.94–98.

5. Мережковские уехали в Париж 26 февраля 1906 г.

№ 27

Дедово, 21 июля 1906 г.[1]

Дорогая мама,

я переехал в Дедово.[2] Мотивы переезда: I) слух о всеобщей забастовке, 2) роспуск Думы:[3] я дал слово, что в момент роспуска, я не буду за себя ручаться; я на все способен, теперь же, когда Дума гнусно затоптана остается одно: обратится к народу. Кругом нас варварски расправляются казаки. В Голицах[4] много изувеченных. Мой долг в деревне приказывает мне *не быть* с казаками. А между тем в случае аграрных волнений у нас староста способен позвать полицию: я с своей стороны, готов *лучше удавиться*, чем в чем бы то ни было искать помощи у насильников. Между тем Ты придерживаешься других мнений, и я не *знаю*, одобряла ли бы Ты мои поступки в деревне по отношении к крестьянам: я, например, собирал их и объяснял им все о Думе. *Отношения к нам великолепные.* Не будучи уверен, как Ты относишься к правительственной гнусности, я *должен* был покинуть деревню, ибо мой долг приказывал мне крестьянам на все открыть глаза, Ты же, я уверен, была бы *против этого* из боязни беспорядков и т.д.

Я уехал из деревни. Пиши, пиши мне, где Ты и когда намерена приехать.[5] Выеду в Москву Тебя встречать. Ужасно, дорогая, милая мама о Тебе соскучился. Остаюсь горячо любящий Тебя сын Боря.

Июля 21-го 06 года.[6]

1. Письмо датировано А. Белым.
2. В Дедово Белый приехал из имения Бугаевых Серебряный Колодезь, где он пробыл вторую половину июня и первую июля, около 20 июля 1906 года.
3. Имеется в виду роспуск I Государственной Думы 8 июля 1906 года.
4. Голицы — город в Тульской губернии.
5. С июня по август 1906 г. А.Д. Бугаева путешествовала по Европе: Карлсбад, Мюнхен, Венеция, Генуя.
6. Датировка А.Белого.

№ 28

Вена, после 20 сентября 1906 г.[1]

Дорогая мамочка,

пишу Тебе из кофейной в Вене,[2] куда зашел перед отъездом в Мюнхен. Сейчас в окнах везде электричество. Движение: так и манит без конца бродить. Через полтора часа еду в Мюнхен. Все пока великолепно. Целую Тебя. Поклон всем. Любящий Борис Бугаев.

1. Датируется по сопоставлению с другими документами.
2. В начале августа А. Белый приезжает в Петербург для объяснения с Блоками, но его не принимают. «Наконец Блоки принимают меня; у нас происходит разговор, после которого я решаю покончить с жизнью; но Л.Д. присылает записку, просит меня приехать; еду: после объяснения решаем дружески расстаться на год; Блоки мне советуют ехать за границу». (Материалы к биографии. Л.53об.). 20 сентября Белый выехал в Мюнхен.

№ 29

Мюнхен, 5 октября 1906 г.[1]
München der 5 October (23 сентября)

Милая, дорогая мама,

я прекрасно устроился в Мюнхене. У меня спокойная, уютная комната очень хорошо обставленная, уютная хозяйка. За комнату я плачу 30 марок. Есть даже газовое освещение (5 пфенингов в час), но я устроился так, что у меня лампа. Чувствую себя в Мюнхене, как дома.[2] Ни разу во время путешествия не почувствовал себя в неловком положении, несмотря на плохое знание языка.Буду должно быть посещать лекции Липса[3] вольным слушателем. Мюнхен очень по мне: здесь все мне нравится; это скорее огромная зала, чем город. Погода теплая, прекрасная. Два дня с утра до вечера гуляли с В.В. Завтра едем смотреть *October Fest*,[4] который теперь. Купил себе чайник, спиртовую лампочку, чашки; утром мне подают кофе. В 12-30 мы идем обедать с В.В. Вечером покупаю хлеба и какую-нибудь закуску. Мой адрес: München, Barer Strasse. 53-II 1 l («l» значит «lines» — указание на дверь квартиры). Хозяйки фамилия frau Gaetz. Купил себе костюм и накидку, как у В.В.: все очень деше-

во. Жить можно дешево: думаю прожить здесь не менее 5-ти месяцев, а за это время работой скопить еще рублей 200–300. А ранней весной мы хотим с В.В. отправиться в Италию на месяц (ведя совершенно примитивный образ жизни); и вернуться чуть ли не пешком через Тироль. Мне бесконечно уютно и радостно с В.В. Его знание Мюнхена помогло избежать мне *неопытных* трат. Пока взял из банка только 73 марки. Мне хватит их недели на две — на три. В банке осталось 1000 марок. Рядом со мной «Пинакотека»,[5] в двух шагах Академия, университет и библиотека (третья в мире по величине). Очень рад, что приехал. Прощай милая, милая мама, не забывай. Целую Тебя. Твой Боря.

P.S. Мой привет тете Кате, Евд[окии] Иван[овне][6] и другим.

1. Письмо датировано А. Белым по н.ст. и ст.ст.
2. «В Мюнхене отдыхаю после невероятного напряжения, у меня завязывается здесь круг знакомств; В Мюнхене вижусь каждый день с В.В. Владимировым, обучающимся в Академии. (Материалы к биографии. Л.54).
3. Липпс Теодор (1851–1914) — немецкий философ.
4. October Fest — праздник, проводимый традиционно в Мюнхене ежегодно с середины сентября до начала октября.
5. Мюнхенская Пинакотека построена в 1826–1836 гг.. Здесь собраны произведения старых европейских художников.
6. Мать В.В.Владимирова.

№ 30

Мюнхен, 1 октября 1906 г.[1]
München. 14 October. 06

Милая, Милая, Милая мамочка,

так радостно было получить Твое письмо! Здесь, за границей, письма — всегда радость. Дорогая мамочка, есть у меня к Тебе просьба, запишись для меня на 2-3 месяца на газету «Путь»: очень скучаю без вестей из России: что будет стоить, я Тебе заплачу.[2] Мне это было бы очень, очень радостно и уютно.

Теперь о Мюнхене. Мюнхен великолепен: уютно, просто, а главное при желании можно всегда замкнуться и уйти в работу. Сейчас стоят голубые, теплые, совсем летние дни: белые тротуары, бледно-серое кружево стильных домов, плеск фонтанов и золотые де-

ревья. Я так доволен, так бесконечно счастлив, что уехал за границу: нервы мои отдыхают; скоро примусь за упорную, серьезную работу. Здесь великолепная библиотека ценных гравюр и библиография вся по вопросам искусства. Здесь есть подлинные гравюры Дюрера, этого гиганта старогерманской живописи, Леонардо.[3] Есть и гравюры Клингера.[4]

Старые художники поразительны, а молодые немецкие художники *значительно* уступают русским. Нет и помину того, что сделал в России «Мир Искусства». Кстати: здесь в немецких газетах пишут про парижскую выставку нашего *«Мира Искусства»* Говорят, что в Париже не было уже 10 лет такой интересной выставки, как выставка русского искусства.

Вечером бываю в кафе «Simplicissimus» [5], где собираются музыканты, художники, поэты: здесь я познакомился со многими художниками, с известным писателем Ашем,[6] который потащил меня к Пшибышевскому[7] (Пшибышевский здесь живет всегда), но мы не застали его дома: при желании мог бы познакомиться со всеми здесь живущими немецкими и польскими писателями, но я хочу уединиться и кроме В.В., Метнера да еще 2–3 здесь живущих русских никого *не видать*. Прощай милая, милая мамочка, пиши мне: так радостно получать письма из России. Христос с Тобой. Твой любящий сын Боря.

P.S. Тете Кате мой привет. Поцелуй ее. Нашим знакомым привет тоже. Отдельный привет Ник[олаю] Мих[айловичу], Павлу Ник[олаевичу], Евдок[ии] Ивановне, Леве. Ему напишу.

1. Письмо датировано А. Белым по ст. ст.
2. В ответном письме А.Д. Бугаева советует Белому брать эту газету у В.В.Владимирова, которому ее присылает мать художника Евдокия Ивановна Владимирова. «Ведь ему Евд. Ив. Пересылает аккуратно. Мы вчера с Евдокией Ивановной об этом говорили. (ОР РГБ, Ф. 25. Карт.12. Д.8).
3. Работы классиков европейского изобразительного искусства всегда интересовали А. Белого. Он часами просиживал в Старой Пинакотеке, изучал работы Дюрера, Гольтейна, Кранаха и др.
4. Макс Клингер (Klinger, 1857–1920) — немецкий офортист и скульптор. Белый позже вспоминал о пребывании в Пинакотеке. «Часто часами сижу я в пустом кабинете гравюр над альбомами Сегантики и Клингера — для понимания отличий гравюры — модерн от следов на дереве резца Дюрера». (Между двух революций. С.110).

5. Кафе было названо в честь героя популярного романа Ганса Якоба Гриммельсгаузена «Приключения Симплициссимуса» (Der abenteuerliche Simplicissimus, 1668).
6. Шолом Аш (1880–1957) — еврейский писатель, пользовавшийся в 1900-е годы популярностью, о встречах с ним Белый рассказал в очерке «Шолом Аш. Силуэт» (газета «Час», 1907, № 23, 16 сентября) и в мемуарах «Между двух революций».
7. Станислав Пшибышевский (1868–1927) — известный польский писатель. Белый посвятил ему очерк «Пшибышевский. Силуэт» (газета «Час», 1907, № 8, 2 сентября). Ср. воспоминания Белого в книге «Между двух революций». М., 1990. С.114–121.

№ 31

Мюнхен, 22 октября 1906 г.[1]
München 19 22/X 06 года

Дорогая моя мамочка,

прости, что не сразу переслал Тебе доверенность.[2] Получил Твое письмо в субботу.[3] Воскресенье консульство было закрыто. В понедельник нельзя было идти. Сегодня был у консула. Завтра напишу доверенность и в четверг, если не будет препятствий, высылаю: дорогая мама, получила ли Ты мое письмо?

Я здесь совсем вошел в колею. Нервы начинают приходить в порядок. Тишина здесь полная и настроение мое необыкновенно благодушное. Вдумчиво изучаю старых здесь совершают загородные прогулки. Часто слушаю музыку за 60 пфен[нингов] т.е. за 30 коп. Музыка превосходная, программа — выдержанная. У меня уже много знакомых, но я держусь в стороне; провожу время с В.В. да еще с одним русским. Отдохну еще с недельку и немцев и почти каждый день до 12 часов (в 12 иду обедать) сижу в гравюрном кабинете Пинакотеки. Погода стоит жаркая. Ослепительное небо, золотые каштаны, зеленые пирамидальные тополя, перед университетом плещут фонтаны и зацветают розы. Время от времени потом засяду за «Симфонию»[4]. Дорогая мама, когда Метнеры[5] поедут в Мюнхен, передай им корреспонденцию мою, если таковая есть. Пришли с ними мне коробочку пряников мятных или вяземских. Мы с В.В. будем очень благодарны. Я снялся так, как здесь хожу, у хорошего фотографа. Карточку на днях вышлю Тебе. Про-

щай милая моя мама, будь здорова и весела. Любящий Тебя нежно Борис Бугаев.

P.S. Поцелуй от меня тетю Катю. Привет знакомым. Вышли, пожалуйста, газету «Путь» (на 3 месяца) я заплачу, что будет стоить. Христос с Тобой! Я буду Тебе писать 1 раз в 1 1/2 недели.[6]

1. Письмо датировано А. Белым по н. ст.
2. Для того, чтобы продать имение Серебряный Колодезь, А.Д. Бугаевой необходимо было иметь соответствующие документы, о которых она пишет сыну 3 октября 1906 г.: «Ты должен пойти к русскому консулу и просить его дать ему Тебе удостоверение и Ты вышлешь мне доверенность». (ОР РГБ. Ф.25. Карт.12. Д.3). Доверенность была необходима для ведения дела о продаже имения.
3. А. Белый получил письмо в субботу 16 октября.
4. В Мюнхене Белый работал над окончательной 4-ой редакцией «Симфонией» «Кубок метелей». «Кубок метелей» вышел в издательстве «Скорпион» в 1908 году.
5. А. Белый имеет в виду Н.К. Метнера (пианист, композитор) и его жену. В ответном письме 31 октября А.Д. Бугаева сообщает: «Сегодня иду на концерт Н.К. Метнера, который будет у Морозовой в доме. Метнеры в начале ноября едут в Мюнхен». (ОР РГБ. Карт. 12. Д.3).
6. На обороте второго листа письма есть текст, который Белый зачеркнул: «Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!». А.Белый в это время вел переписку В.Я.Брюсовым.

№ 32

Мюнхен, 28 октября 1906 г.[1]

Дорогая мама привет!

Жду писем. Любящий Тебя Боря.

P.S. Здесь обычай посылать открытки из кабачка,[2] причем расписываются все присутствующие знакомые.

Далее идет приписка: искренний привет В.Владимиров, С.Вулих[3].

1. Датируется по почтовым штемпелям Мюнхена и Москвы.
2. Текст написан на открытке с изображением фирменного знака мюнхенского кафе «Simplicissimus».
3. Вулих С. — социал-демократ, меньшевик, находившийся в Мюнхене в эмиграции

№ 33

Мюнхен, 31 октября 1906 г.[1]

Милая мамочка,

только что получил от Тебя письмо от 14-го октября.[2] Спасибо. Оно меня очень порадовало. Я часто вспоминаю Москву и Тебя. Тебя очень хочу видеть. Москву — нет. В Москве душно. Здесь гораздо легче и спокойнее. У меня тут завелась масса знакомых. Я только и делаю, что лавирую между опасностями, что эти знакомства обратятся в нечто постоянное. Пока же я почти никого не принимаю к себе. Я хожу иногда вечером в кафе «Simplicissimus». Это известный в Мюнхене ресторан, где собираются почти все художники, писатели, поэты, артисты и т.д.

Немецкую передовую молодежь как-то быстро понял и она совсем не удовлетворяет. В большинстве случаев все это добрые, культурные симпатичные люди, но без особого внутреннего содержании. Общий уровень, конечно, выше нашего, но у нас есть гораздо более выдающиеся, тонкие, глубокие люди. Немецкая молодежь почему-то ужасно охотно со мной знакомиться и наперерыв стремится пригласить к себе, но я немного отношусь к ним свысока. В «Simplicissimus'е» то и дело приходит раскланиваться. Едва войдешь, как уже зовут к столику, или подсаживаются. Многие удивляются моим знаниям.

Хозяйка «Simplicissimus'е»[3] меня зовет Herr André (ей сообщили поляки, что я известный русский поэт).

Поляки здесь интересные. Они очень культурны и в них нет той ограниченности, которая характеризует немцев.

Я был на днях у Пшибышевского.[4] Это очень милый, любезный человек. Кажется мы сойдемся ближе. Он пригласил меня чаще наведываться.

От русских я держусь в стороне. Здесь русские ужасно дурно представлены: все южане, провинциалы и народ некультурный. Однако они какими-то судьбами узнали, что в Мюнхене Андрей Белый и послали к моему знакомому русскому представителя от колонии с просьбой, чтобы я прочел им лекцию о молодом русском искусстве. Кажется, я соглашусь. Один только русский (ев-

рей) — друг В.В. пришелся мне очень по душе. Это социал-демократ, человек благородный и неподкупно честный.[5]

Может быть через месяца полтора он будет в Москве. Прошу Тебя, милая мама, отнесись к нему поласковей. Он такой одинокий, гордый и замкнутый, с виду даже неприятный, но в душе удивительный человек. Я ему дал письма к московским знакомым.

Мама, я Тебя ужасно люблю, прости меня за те вспышки, которые у меня бывали. Это от страшного нервного напряжения и невозможной московской истерически-надорванной атмосферы.

Мне очень дорого, что Ты вспомнила день моего рождения. Так радостно получить вести из России. Сейчас уже жарко, хотя завтра по здешнему 1-ое января. Лужайки зелены и на них цветут маргаритки. Перед дворцом клумбы великолепных роз.

Бываем с В.В. в концертах, с В.В. так спокойно, так тихо и уютно. Видимся мы с ним каждый день за обедом. Потом я иду к нему чай пить. Потом он идет в Академию, а я возвращаюсь домой. Раза три в неделю он ко мне приходит ужинать вечером. Мы сидим, потом иногда идем в кафе «Leopold»[6] иди же я иду в «Simplicissimus». Он шлет Тебе привет.

Милая мама, не забывай. Крепко целую Тебя.

Твой любящий Боря.

P.S. Тете Кате поклон.

P.S. S. Почему А.С.Петровский в Гельсингфорсе?[7]

1. Судя по датировке А. Белого — 19 31/XX 06 года, он выпил пива изрядно.

2. Речь идет о письме Александры Дмитриевны, в котором она писала: «Сегодня день Твоего рождения и милый Боря, и я пишу тебе, целую заочно, желаю счастья, если счастье возможно в настоящее время. Доверенность и письмо Твое получила, благодарю <...> Обонировалась в Художественном театре. Видели уже “Горе от ума” и в совершенном восторге от исполнения». (ОР РГБ, Ф.25, Карт.12. Д.3).

3. «Мюнхен. Утрами пишу 2-ую часть «Кубка метелей»; заканчиваю; вечерами — «Simplicissimus»; перманентные беседы с немцами и поляками; вторники у Пшибышевского». (Ракурс к дневнику. Л.36).

4. «От времени до времени я к нему (*Пшибышевскому — С.В.*) захожу, — пишет Белый Брюсову 7/20 ноября 1906 г., — чтоб послушать музыку: он считается одним из лучших исполнителей Шопена. Он очень милый, простой и уставший человек, сознавший свой закат и грустно присутствующий при своей смерти». (Литературное наследие. М., 1976. Т.85. С.398).

5. Речь идет о С.Е.Вулихе.
6. Мюнхенское кафе. «Здесь уютно работать: сколько раз я набрасывал в «Leopold'e» план завтрашней работы, пыхтя трубкой, глотая пиво». (А. Белый. Мюнхен вечером. // Киевские вести, 1908, № 165, 22 июня).
7. А.С.Петровский находился в Финляндии из-за болезни. Об обстоятельствах этого события в жизни А.С.Петровского см.: Дж.Малмстад. «Мой вечный спутник жизни». Переписка Андркя Белого и А.С.Петровского: Хроника дружбы. М., 2007.

№ 34

Мюнхен, начало ноября 1906 г.[1]

Дорогая мама, ужасно приятно было получить от Тебя письмо.

Не писал эти дни, потому что много работал над «*Симфонией*».[2] Если не пишу, то не значит, что забываю. Здесь тихо и просто, лечусь молчанием, сосредоточенностью и одиночеством. Каждый лишний месяц, который я проведу здесь прибавит мне здоровья: это чувствую. Начинаю приходить в себя после нелепой суматохи последних лет. Большинство знакомых, громкие их слова в свете тишины, в которую я теперь погружен, кажутся мне ничтожными марионетками, которые только препятствуют человеку уйти в себя.

По возвращению в Россию приму все меры, чтобы обезопаситься от наплыва ненужных впечатлений. Перед моим взором теперь созревает план будущих больших, литературных работ, которые создадут совсем новую форму литературы. Чувствую в себе запас огромный литературных сил: только бы условия жизни позволили отдаться труду. Здесь в Москве я столько истратил сил и слов на ничтожных людей, был какой-то вьючной лошадью и в результате — переутомление и нервное расстройство, в котором я находился последние месяцы, благодарю судьбу и Тебя, что я попал в Мюнхен.

Дорогая мама, Ты пишешь, чтобы я не курил трубку: хорошо. Я скоро не стану. Ведь я никогда не затягиваюсь, и курю только уютности ради. Но трубка — мое спасение от нервов. Она придает столько уютности. Это теперь мое лекарство. Не беспокойся. Курю я мало и как только нервы еще немного окрепнут я курить перестану.

Портрет свой вышлю как-нибудь на днях.

Милая мама, скоро в Россию приедет тот, о котором я Тебе писал — наш друг с Василием Васильевичем. Он будет у Тебя. Но ради всего святого, *никому* не говори о его фамилии. Даже самым близким Он нелегальный: приедет под чужой фамилией.[3]

Еще раз серьезно и убедительно прошу Тебя сохранить в абсолютной *тайне* и не говорить ни ему, ни другим о его настоящей фамилии: наши знакомые — почти все сплетники: стоит одному узнать все узнают. Христос с Тобой дорогая моя, милая мамочка. Нежно любящий Тебя Твой сын Боря.

P.S. Тете Кате поклон.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. Имеется в виду 4-я симфония «Кубок метелей».
3. Речь идет о С.А.Вулихе..

№ 35

Мюнхен, 17 ноября 1906 г.[1]

Дорогая мама,

оба Твои письма получил. Вчера послал Тебе письмо. Сегодня получил известие, что Ты хочешь мне выслать шубу: ради Бога не высылай. Ты не можешь себе представить, *как* она меня обременит. Шуб ни у кого нет, да и нет в них надобности. Неужели я, живя в Мюнхене, не знаю сам, нужна ли мне шуба или нет. Милая мамочка, благодарю за беспокойство, но право Ты ужасно обременишь меня присылкою шубы.[2] Целую Тебя крепко. Скоро буду писать. Твой Боря.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Mьenchen. 17. Nov.06.
2. В письме 31 октября А.Д. Бугаева писала, что хочет с Метнерами прислать шубу.

№ 36

Мюнхен, 27 ноября 1906 г.[1]
Muenchen. 27 ноября 06 г.

Дорогая мамочка,

как рад получить от Тебя письмо. Эти дни я уже с неделю ни от кого не имел никаких известий. Так приятно сегодня было вставать с письмом. Эти последние дни со мной легкое недомогание: желудок. В общем же очень недурно себя чувствую. У нас погода дождливая, теплая, Осеннего пальто еще ни разу не надевал. Все ходил в тальме, да в летнем пальто, милая мамочка, успокойся, я больше не курю. Ведь когда я курил, я курил только уютности ради без всякого интереса и влечения к *куренью ради куренья.*

Слышал о несчастье постигшем Метнера.[2] Очень сожалею. Надеюсь скоро увидать. А тут в Мюнхене с неделю проживал Игорь Грабарь,[3] с которым я видался довольно часто. Он мне рассказывал о глубоком впечатлении, которое произвел в худ[ожественных] кругах Парижа выставка «*Мира Искусства*». Сейчас он едет открывать выставку в Берлин. Я все более и более верю в русских здесь, все более и более убеждаюсь, что немцы мертвецы.

Очень часто вспоминаю Тебя, тетю Катю, Сережу, знакомых, Маргариту Кирилловну. Ей пишу.

Теперь начались Мюнхенские дожди, которые тянутся не один месяц. Иногда снег вовсе не показывается до Рождества, но во втором полугодии зима мимолетно все же ложится. Но шубы здесь ни у кого нет, да и надобности в ней не предвидится.[4]

Милая мамочка, буду часто Тебе посылать открытки.

Целую Тебя крепко и много раз.

Любящий Тебя Боря.

P.S. Тетю Катю поцелуй от меня.

1. Письмо датировано автором по н. ст.

2. А.Белый имеет в виду самоубийство брата жены Э.К.Метнера А.М.Братенши (1882–1906). См.: Юнггрен Магнус. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 28.

3. Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — художник, учился в Академии художеств в Петербурге, затем в Париже и Мюнхене. В 1906 г. Грабарь участвовал в «Salon d'Antomne» в Париже, в котором С.П. Дя-

гилев устроил русскую художественную выставку, собрав более 700 произведений русских художников от XVIII до начала XX в. Выставка имела большой успех и о ней много писали в Париже. Грабарь приезжал в Мюнхен в ноябре 1906 г. (См. Грабарь Игорь. Письма. 1891–1917. М., 1974. С.189).
4. «Не беспокойся, — пишет А.Д. Бугаева 10 ноября, — шубу не пошлю, но если Ты простудишься пеняй на себя.Была на днях у Морозовой на концерте Н.К. Публики было много. М[аргарита] К[ириловна] (М.К.Морозова) очень меня про тебя распрашивала. (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12. Д.3).

№ 37

Мюнхен, 30 ноября 1906 г.[1]

Милая мама!

Знакомая тебе картина.[2] Привет. Боря…

Подписи: В.Владимиров, Маргарита Дидерикс, Андрей Дидерикс[3].

1. Открытка. Почтовый штемпель: Munchen. 20. Nov.06.
2. А. Белый имеет в виду ратушу в Мюнхене, в которой его мать бывала ранее. На открытке дано изображение, помещенное в ратуше и стихотворение «Круговорот».
3. С художником Дидериксом Андреем Романовичем и его сестрой Маргаритой Романовной Белый познакомился в Мюнхене.

№ 38

Мюнхен, 30 ноября 1906 г.[1]

Привет из Batz-Keller'a, милая мама! Завтра еду в Париж. Из Парижа напишу открытку.Твой Боря.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Munchen. 30. Nov.06.

№ 39

Париж, 3 декабря 1906 г.[1]

Дорогая мамочка!

Я в Париже. Мой адрес: Paris. Passy. Rue du Ranelach № 99. A monsieur Boris Bougaieff.

Живу в пансионе с табльдотом по 6 франков в сутки. У меня тихая комната; в расстоянии 5-6 минут от Мережковских. Недалеко Бальмонт.[2] Здесь же Бакст и некоторые другие знакомые. Увижу скоро Буайе,[3] который хорошо знаком с Мережковскими. Увижу других франц[узских] писателей. Буду много и уединенно работать. Через несколько домов от меня начинается Булонский лес. Утром великолепно там гулять. Некоторые деревья и кусты зелены. Зелени много. Теперь очень рад, что приехал сюда. Целую Тебя крепко. Твой Боря.

Скоро напишу. Тетю Катю целую.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Paris. 3.12.06. Белый уехал из Мюнхена 30 ноября 1906 г.
2. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт, в 1905–1913 гг. жил за границей.
3. Буайе Поль (1864–1949) — профессор, преподаватель русского языка, директор школы восточных языков в Париже.

№ 40

Париж, <13–14 декабря> 1906 г.[1]

Дорогая мамочка.

Мне ужасно хорошо в Париже. Тишина и глубокий отдых все чаще и чаще со мной. Суетня и сутолка Парижа меня не касается: живу в самой тихой и спокойной части Парижа. У меня табльдот; интересно что за одним табльдотом со мной завтракает знаменитый социал-демократ Жорес,[2] одна из самых ярких фигур во Франции. Мы очень живо говорим с ним обо всем. Неоценимо то, что здесь почти рядом со мной Мережковские и Философов.[3] Я бываю у них каждый день от 3 до 6 часов. Иногда мы предпринимаем путешествия по Парижу с Философовым или Зин[аидой] Николаев-

ной. Они ведут тихую уединенную жизнь, отдыхают после России, издают на французском языке сборник статей, который уже переводится и на немецкий. В этом сборнике я буду участвовать.[4]

Они заботятся обо мне Д[митрий] С[ергеевич] и рекомендовал мне *пансион*, в котором я нахожусь) и в то же время не нарушают моего одиночества. Зин[аида] Ник[олаевна] просит меня передать Тебе свой поклон, а также и Д[митрий] С[ергеевич]. Они просят Тебя не беспокоиться обо мне, потому что я не один в Париже, а окружен друзьями. Оба они рекомендуют мне подольше спокойствие и тишину, не советуют торопиться в Россию, где ждет истерика, ужас, как от кружка декадентов и неврастеников в роде Левы,[5] так и от мучений на почве общественности.

Это парадокс, что Париж — здоровый и спокойный город, но это так. Здесь совсем не ощущаешь неврастении, как у нас. У меня чувство, что я начинаю погружаться в глубокий спокойный сон, и меня озабочивает только то, как бы подольше не нарушился этот укрепляющий силы сон после годов усталости и мучений, люблю Тебя нежно. Пиши. Любящий Тебя Твой Боря.

P.S. Мой адрес: France. Paris. Passy. Rue du Ranelach № 99. A m. Boris Bougaieff.

P.P.S. Тетю Катю целую.

На отдельном листе писатель сделал 5 рисунков Ж. Жореса с шутливыми подписями: Жорес за завтраком с удовольствием выслушивает рассказ о всеобщей забастовке; Жорес умиляется перед русскими революционерами; Жорес рассказывает о сообразительности котов и псов (за завтраком); Жорес, идущий к на завтракать с пучком газет; Жорес на ораторской трибуне перед 6000 толпой кричит о благородстве России, свергающей насилие.

1. Письмо датируется по содержанию и в сопоставлении с другими документами.

2. Жорес Жан (1859–1914) — руководитель Французской социалистической партии, историк, видный публицист, один из основателей газеты французских социалистов «Юманите». Жорес был убит на митинге французским националистом Раулем Виленом 31 июля 1914 г.К описанию впечатлений от встреч с Жоресом А.Белый обращался неоднакратно: «Силуэты. I Жорес» («Накануне», 1907, № 20, 6 июня), «Из встреч с Жоресом»

(«Час», 1907, № 2, 14 августа). В 1924 г. А.Белый пишет очерк «Воспоминания о Жоресе»//Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988 (Предисловие и публикация А.В.Лаврова). В воспоминаниях «Между двух революций» Жоресу посвящена отдельная глава.
3. Мережковские жили на улице Теофиля Готье, дом 15 в собственной квартире (Rue Theohile Gautier, 15).
4. З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский. Д.В.Философов издали в Париже в 1907 г. сборник статей «Le Tsar et la Revolution», однако А. Белый в нем не участвовал. Не был осуществлен проект издания сборника «Меч» при участии мюнхенского издателя Пиппера.
5. Речь идет об Эллисе (Л.Л.Кобылинский).

№ 41

Париж, 25 декабря 1906 г.[1]

Дорогая мамочка,

получил Твое письмо.[2] Наши письма разошлись. Ты удивляешься моему переезду в Париж и спрашиваешь о мотивах этого переезда. О, мотивы эти самые разнообразные и важные для меня. Верь, что если в моих поступках (внешних) есть скачки и неожиданности, что подает повод Тебе часто заключать к моему непостоянству, то *руководящая нить* моих всех стремлений *одна и та же*, проходящая сквозь всю жизнь. Эта нить заключается в устроении себя в самом внутреннем и важном в духовном отношении. Часто с грустью я видел, *что эту нить (внутреннюю)* Ты упускала во мне, что и создавало между нами недоумения. Да и неудивительно: при моей внутренней замкнутости и сложности проблем, которые я хочу воплотить и реализовать в простых поступках на этой почве возможны смешения путей (внутреннего и внешнего). Итак: основная цель моя — *себя спасти* т.е. веру свою в Свет, Бога и цель жизни. Последнее время со мной были такие внешние тягости при внутренних теоретических катастрофах, так все во мне внутри запуталось, что я ясно почувствовал, что мне не разобраться в этих сложностях, а тем менее я могу *поступать* во внешнем пути жизни сообразно с Идеалом, который зажжен во мне. И не внешние события жизни создали во мне ту болезненную истерику и чувство разверзающейся пропасти под ногами, а целый ряд *внутренних* событий в душе все это подготовил. Эту внутреннюю идейную сторону моего су-

щества и вопросы с ней связанные Ты подчас по совершенно естественным причинам игнорировала, а без них т.е. без *«святые-святых»* моей души и веры в правду и меня во внешних фактах жизни *понять абсолютно нельзя.* Будет казаться все во мне путаницей и туманной неразберихой. Когда я уехал заграницу, я уехал 1) собраться с внешними силами, 2) эти внешние силы мне нужны только для того, чтобы решить правду жизни — цель своего пути: как я могу быть полезным человечеству и как осуществлять *сознательно* добро? Степень моей внутренней опасности и тяготы бремени долга, который мне послан Богом, мне думается Ты опускала. Поэтому не на один только *подножный корм отдыха* я уехал: это была *бы механика*: устал, отдохнул и вдруг появилась *вера* в цель существования. Такое механическое изменение в душевных глубинах бывает только с людьми примитивными, а не сложными как я. Я поехал в *тишину и уединение себя спасать* т.е. душу свою, а не только нервы и состояние здоровья. Естественно, что и поступками своими я инстинктивно располагаю для своего спасения. Итак и переезд мой вытекает из сокровенных внутренних планов, а не случаен. На расстоянии трудно дать рисунок моих переживаний, связанных с поступками. Поэтому верь, что переехал я ради спасения своего.

А вот внешние факты моего переезда. В моей переписке с Блоками произошло многое, что повело к новым вспышкам страха и сложности. И когда я начал выкарабкиваться к *Свету* и Ясности весь Мюнхен для меня оказался пропитанным истерикой воспоминаний. Мне тяжко было оставаться в той самой комнате, где я столько перемучился, и вместе с тем я почувствовал, что *основное зерно* правды, во мне пробуждающееся, растет и крепнет. Выла потребность, чтобы и окружающее не напоминало ужаса и мучений. *Я переменил место и сразу успокоился.*

Почему я выбрал Париж? Естественно: там одни из самых мне близких и внутренне т.е. душой помогающих людей: Дм[итрий] С[ергеевич] Мережковский, Гиппиус и Философов; последний оказал мне нравственную поддержку и молитвой и участливым отношением ко мне (он подарил мне свой образок, которому я молюсь). Знай мама: что мучения мои и внутренние (религиозные) и внешние (жизненные) неразрывно связаны и нельзя делить душу от механики места и времени. Кроме того: Мережковский, узнав о моем тяжелом душев-

ном состоянии хотел было ехать из Парижа в Мюнхен, чтобы успокоить и поддержать. Не удивительно, что здесь я отдыхаю в тишине и в тоже время греюсь в участии, с которым подошли ко мне мои друзья не словом и внешностью, но и делом: молитвой и лаской.

Все, что я делаю теперь я делаю во имя *Света*, чтобы спасти сначала себя, но не для себя, а чтобы быть полезным человечеству и мыслью (произведения ли пера) и жизненным подвигом, и молитвенным воздыханием. И когда я к будущему году явлюсь в Петербург, я должен твердо знать свой путь, твердо владеть всеми своими силами.

И великим бы мне было утешением мама, если б Ты верила в меня, мою душу, мое устремление, и не заботилась бы внешними тревогами. Знай, что я иду к Свету борюсь с мраком, знай и то, что в борьбе души сам человек лучше знает, как спасаться, чем это можно дать советами.

О внешнем моем житье скоро напишу отдельно. Христос с Тобой, верю в Тебя, люблю Тебя нежно и сильно, но и *Ты верь в меня.* Целую крепко, крепко. С наступающим праздником! Твой Боря.

Тетю Катю целую.

1. Датируется по почтовому штемпелю.
2. В письме от 26 декабря (ст. ст.) 1906 г. А.Д.Бугаева писала: «Жаль, что Ты так недолго пробыл в Мюнхене. Метнеры очень огорчены Твоим отъездом. Им так хотелось пожить и побыть с Тобой. ‹...› Напиши, пожалуйста, мне письмо, но не открытку и объясни, почему так вдруг Ты переехал в Париж? Меня все спрашивают о Тебе и твоих намерениях, но что я могу сказать, когда я сама ничего не знаю». (ОР РГБ. Ф.25. Карт.12. Д.3).

№ 42

Париж, конец декабря 1906 г.[1]

Дорогая мамочка,

спасибо Тебе за Твое милое, милое письмо! Оно очень меня порадовало. Только что отправил Тебе мое письмо, как получил Твое.

Ты пишешь, что хотела бы быть в Париже. Сейчас хорошо в Париже. Представь себе — в Булонском лесу поют птицы, есть де-

ревья вечно зеленые. Снег выпадает мало, с дождем и тает. Тепло. З[инаида] Н[иколаевна] мне купила теплых фуфаек и с той поры мне жарко на улице в пальто. В шубе нет совсем надобности.

Живу спокойно и тихо. У меня маленькая комната, но в ней тепло и уютно. Заходит ко мне или Философов, или Зинаида Николаевна. Так она меня навестила под Рождество и мы тихо разговаривали до полночи. Недавно у меня были гости: Минский[2], Мережковский, Философов, Гиппиус и еще два публициста. Было негде повернуться, но было уютно. Встречаю здесь русских и из светского общества и из других классов. Был у А.С.Гончаровой.[3] Хочу познакомить ее с Мережковскими: она изменилась по-моему к худшему: не передавай это П.Н.[4] Как-то не хочется с ней поддерживать отношений. У меня завтракал недавно Минский (за табльдотом), а сегодня Философов. Сейчас иду на лекцию Аладьина[5] (одного из революционных ораторов бывшей *Думы*). Сейчас сижу, а внизу подо мной играют что-то хорошее (иногда играют Бетховена), а я так живо Тебя представляю и хочу поцеловать Тебя, милая мамочка — поцеловать и сказать, что я Тебя — сильно, сильно люблю.

И вижу, как мне полезно еще и еще отдохнуть и разобраться в мыслях. Я так уставал последние годы.

Парижская жизнь сосредоточена в районах бульваров, Монмартра, Латинского квартала, а здесь в Passi пусто и тихо. По вечерам редко встречаешь прохожих. Но пути сообщения великолепны. За 15 сантимов попадаешь в четверть часа в самую сутолоку прохожих, автомобилей и экипажей. Великолепна подземная электричка, перебрасывающая с быстротой молнии из одной части города в другую, за какие-то гроши. Только душно. Представь себе железную дорогу под домами — в катакомбах, а потом другую, проходящую под первой — еще глубже. Но когда идет дождь — под землей жарко и сухо. Милая, милая мама! Прощай. Христос с Тобой. Любящий Тебя Твой Боря.

P.S. Т. Катю поцелуй за меня П.Н.Батюшкова!

1. Письмо датируется по содержанию.
2. Минский (наст. фам. Виленкин; 1855–1937) Николай Максимович — поэт, публицист, драматург.

3. Гончарова Анна Сергеевна (1855-?) — доктор философии. «‹...›А.С. Гончарова, любительница, даже гордость отца, утверждавшего: некогда он заинтересовал Анну Сергеевну вопросами психологии, да так, что она, поехав в Париж и окончив Сорбонну, стала доктором философии ‹...› она та самая Гончарова, то есть из семьи жены Пушкина.» (На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 249). Отец А.С. Гончаровой Сергей Николаевич Гончаров (1815–1865) — брат Н.Н. Пушкиной.

4. Батюшков Павел Николаевич (1864–1930) — сотрудник Румянцевского музея, теософ.

5. Аладьин Алексей Федорович (1873–?) — депутат I Государственной Думы, в 1921 г. входил в правительство генерала П.Н. Врангеля в Крыму.

№ 43

Париж, 3 января 1907 г.[1]

Дорогая, милая мамочка,

пишу Тебе из больницы. Не беспокойся. Я себя уже хорошо начинаю чувствовать. Вчера мне сделали операцию под хлороформом (у меня сделался от геморроя нарыв в заднем проходе). Около недели продолжались невыносимые боли. Я буквально не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять: наконец я переехал к Мережковским и последние дни перед больницей жил у них, причем все они наперебой так нежно ухаживали за мной, что я запомню это на всю жизнь. Дорогая мамочка, когда привезли в больницу Св.Уакова[2] (ухаживают *сестры* — такие про которых пишет Роденбах)[3] боль была так сильна, что 1) закупорило задний проход, 2) остановилось выделение мочи, 3) мне впрыскивали морфий, чтоб утишить боль. Перед операцией приехал Д.С.Мережковский и Д.В.Философов. Потом принесли носилки, сложили и потащили. Когда меня положили на операционный стол, я почувствовал такое блаженство оттого, что сейчас меня усыпят хлороформом и я перестану корчиться от болей. Дали нюхать. Все закружилось. Потом смутно слышал какие-то удары, точно из орудий: должно быть это стучало сердце.

Очнулся точно в тихой музыке у себя на постели. Вот уже сутки лежу без движений; пролежу еще несколько суток. 3-ий день ничего не ем (нельзя). Сейчас был доктор, говорит, что все благополучно, а сестра так та удивляется, что я могу писать. Проведу в больнице минимум — 2 недели. Потом две недели буду отдыхать от лечения и готовиться к возвращению в Россию.

Милая мама, операция, доктор, больница, сиделки — все это потребует денег: голубушка, я не виноват, но вышли скорее, немедля 300 рублей (больше я у Тебя просить не стану, ибо в Петербург не *перееду* — из тех денег, которые Ты получила на переезд. Пойми, что все здесь дорого и что с 300-стами рублями я буду лишь едва-едва в состоянии свести концы с концами.[4] У меня отдельная комната и особый уход.

Скорей пришли деньги. Из них я расплачусь за операцию и больницу. Деньги перешли на имя Д.В.Философова (он мне передаст) по следующему адресу: France. Paris (XVI). Rue Theophile Gothies 15 bis . A monsir D. Filosofov. Лучше перешли на его имя, потому что меня не будет . Милая мама, не беспокойся. Христос с Тобой. Твой Боря.

1. Письмо датируется по содержанию и по связи с другими документами.
2. Так в тексте письма.
3. Роденбах Жорж (1855–1898) — бельгийский прозаик и поэт. «Писатель, описывающий капеллы, монашек, старинные католические города Бельгии» — примечание А. Белого (Между двух революций. М., 1990. С. 168).
4. «Сегодня получила письмо З.Н. и твое дорогой мой, бедный мальчик, — писала А.Д. Бугаева в ответном письме 8 января 1907 г., — мой Боря. Христос с Тобой. Помоги Тебе Господь скорей поправиться и вернуться ко мне здоровым. ‹...› О деньгах не беспокойся, на этих днях я вышлю Тебе 500 р. Если же понадобится, чтобы Ты не один возвращайся домой, я сама приеду к Тебе. Не беспокойся, все устроим, только береги себя. Разве мама не приедет, если тебе будет нужно, конечно приеду. Все брошу и примчусь к Тебе. (ОР РГБ, Ф.25. Карт.12. Д.4).

№ 44

Париж, 4 января 1907 г.[1]

Дорогая мамочка,

пишу Тебе. После операции прошло два дня,[2] вот два дня не двигаюсь с места. Кости болят адски и передвинуться нельзя. Вообще же, если б не усталость ног, спины и поясницы, чувствовал бы себя недурно. Каждый день у меня Зин[аида] Николаевна. Кое-кто из русских, узнав о моей болезни, собираются навестить,например, И.И.Щукин[3] — один очень богатый коллекционер, у кото-

рого собирается русский кружок). Вчера узнал одну неприятную новость. Мне можно выехать из Парижа еще только через 2 месяца, а пока все будут перевязки и железная дорога может наделать бед. Вчера узнал, что они мне сделали основательную операцию. Сегодня (сейчас) будет первая перевязка. Это будет довольно мучительно. Вот уже четвертый день как не ел ничего (нельзя). Моча недавно стала идти, а то и моча остановилась и мне спускали зондом.

Но ради Христа не беспокойся. Пока все идет хорошо. Осложнений не предвидится. Прости меня за просьбу денег, но пойми сама, что не будь вся эта история за деньгами я бы не обратился. Имей в виду, что я в Петербург не переезжаю, а постараюсь найти в Москве место учителя. Итак не буду стеснять Тебя. А сейчас деньги мне нужны 1) плата за операцию, лечебницу и т.д. 2) деньги на двухмесячное прожитие, 3) на возвращение. Я хотел было уже и возвращаться домой, когда хватила болезнь. Милая мама, каждый день думаю о Тебе, помню и люблю. Умиляюсь до слез заботливости обо мне Мережковских особенно Зин[аиды] Николаевны, которая перед больницей совсем превратилась в мою няньку.

Бог даст быстро пройдет два месяца, и мы с тобой увидимся.

Нежно любящий Тебя Б.Бугаев.

P.S. Т[етю] Катю целую.

1. Датируется по содержанию письма и в связи с другими документами.
2. «‹...› оказалось: нарыв мог прорваться — внутри; и тогда заражение крови‹...›. Сквозь жар слышал — дорого, пища, уход, операция ‹...› ухаживать будут монашенки, а оперировать — очень известный хирург». (Между двумя революциями. М., 1990. С.169). Причину заболевания Белый определил для себя так: ‹...› заболеваю от нервных потрясений, разражавшихся надо мной с мая до ноября». (Ракурс к дневнику. Л.37). В письме 3 января 1906 г. З.Н. Гиппиус так описала это драматическое событие: «Сначала Боря перемогался и уверял нас, что доктор, у которого он бывает, находит болезнь его пустяком. Но затем страдания его сделались такими острыми, что мы оставили его у себя на ночь и затем немедленно послали за докторами. Признана была необходимость операции, и мы тот час же, в сопровождении доктора, перевезли его в рекомендованную частную лечебницу. И на другой день утром ему сделали операцию под хлороформом. ‹...› У него флегмона (внутренний нарыв) на очень болезненном месте, — на ишиасном мускуле». (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Д. 358. Л.2 об).
3. Щукин Иван Иванович (1869–1907) — известный коллекционер, промышленник.

№ 45

Париж, 21 января 1907 г.[1]

Милая, милая мамочка,

я надеюсь, что Ты примирилась с мыслью о моей болезни. Успокойся и не волнуйся. Ничего серьезного нет. Только мучительно и длинно.[2] Доктора говорят, что дней через 5 мне разрешат вставать и потихоньку передвигаться, недели через 1/2 я могу выйти из больницы. Останутся перевязки, которые мне может делать мой доктор Jastinel. Вот они то будут длительны, так что до начала марта мы вряд ли увидимся. Жду денег, потому что и так должен Д.С.Мережковскому, который внес за комнату мою в больнице. Жду писем: пиши, дорогая, про все: про себя, про знакомых, про Москву. Мне так будет интересно получать известия. Говорят — у вас холода, а здесь в Париже сейчас солнце и такое тепло, что у меня в больничной комнате как-то весь день окно было слегка приоткрыто. Климат в Париже чудесен и за мной ухаживает итальянка монашенка бенедиктинского ордена вся в белом с крыльями над головой. День мой проходит вот как: в 7 часов подают чай или шоколад. Потом сестра начинает меня умывать, [в] 11 часов мне делают перевязку (очень неприятно, особенно первые перевязки). Потом читаю Евангелие, какую-то католическую книгу, или пишу письма. Потом приходит главный доктор. С 1-5-ти лежу, думаю, слегка дремлю, поджидаю Мережковских, которые навещают меня часа в 3. На днях будет Бальмонт и Минский; была А.С.Гончарова, в 6 обед, в 8 наступает ночь — длинная, но теперь уже менее мучительная. Вчера был мучительный день: прочищали желудок после 7 дневного застоя (после операции я не должен был исполнять надобности; и так как рана операционная тут же, то все это доставляло мне много мучений). Сегодня отдыхаю. Милая, любимая мама, не забывай пиши. Христос с Тобой. Любящий Тебя Боря.

P.S. Тетю Катю целую.

Адрес больничный: Paris. 37. Rue des Volontaires (мне). Лучше пиши на адрес Мережковских: Paris. XVI. Rue Theophile Gouties. 15 bis.

1. Письмо датируется по парижскому штемпелю: Paris. 21–1.07.
2. «Лежал, забинтованный; веяли белые крылья широкого чепчика; нравилось нежиться перед букетом цветов; пища — легкая, вкусная; в окна весна уже грела лучом; в открытые двери вещал мне орган: коридор был подобие хоров капеллы; час службы стояли монашенки; чепчики их — точно плеск лебединых, слетающих стай». (Между двух революций. М., 1990. С.168).

№ 46

Париж, январь 1907 г.[1]

Моя дорогая, милая мамочка,

с Новым годом! Только теперь Тебя поздравляю. А то по наступлению Нового года я был так болен и расстроен, что не мог писать Тебе: тон моего письма выдал бы, что я болен, а мне до времени не хотелось Тебе смущать.

Дорогая моя, милая мама: как я люблю Тебя, как мне не достает Тебя? Так хотелось бы скорей увидаться, милая, милая мама. Хотелось бы просто посидеть и послушать , как ты говоришь и как играешь Сейчас лежу один, один: за спиной плачет больной ребенок. Сестры монахини ушли на молитву. А мне предстоит длинная, длинная бессонная ночь. Но здоровье мое улучшается, Ты ради Бога не беспокойся. Все к лучшему. Полезно и мне поболеть, чтобы встряхнуться нервами. Меня не забывают: Зин[аида] Николаевна приносит цветов, Дм[итрий] Вл[адимирович] Философов газеты и необходимые принадлежности. Была А.С.Гончарова, был Минский; скучно лежать. Сегодня неделя, как я в больнице. Завтра неделя операции. Перевязка продолжается каждый день. Мучительно то, что разрез мне сделан там, где нужно отправляться для надобности и теперь всякий раз, когда приходит надобность мучительно больно, и кроме того я весь отдаю себя *сестрам*, потому что сам не в состоянии ничего исполнить. Так идет около месяца. Еще одна печальная новость: только через полтора месяца я могу подумать о возвращении в Россию, а раньше никак нельзя мне предпринять такого длинного путешествия.

Думаю о Тебе много и долго — каждый час, каждую минуту. Бедная, у Тебя был бронхит[2] — смотри берегись: у нас в России климат холодный. Пиши мне чаще и больше: каждое письмо

Твое — мне радость: я так соскучился по Тебе. И это не слова — Бог видит какая это правда.

Доктор мне обещает, что дня через два спустит с постели. Сегодня понедельник — в четверг может быть я оденусь в халат и погуляю по комнате — какое счастье!

Милая, [безутешная] моя мама: передай всем поздравившим меня (Николаю Мих[айловичу], Евг[ению] Иван[овичу], тете Кате, Ек[атерине] Вас[илъевне] и Павлу)[3] мой сердечный привет, благодарность и пожелание всех благ. Пиши же мамочка и обещай мне не беспокоиться.

Любящий Тебя нежно и глубоко Твой Боря.

P.S. Деньги жду: придется довольно дорого дать за операцию и больницу. Но зато здесь хороший уход.

1. Датируется по содержанию.
2. В письме 1 января 1907 г. Александра Дмитриевна жаловалась на свое недомогание: «Я все Рождество просидела дома. У меня был бронхит и повышенная температура. Только вчера я вышла, чтобы встретить Новый год у Владимировых». (ОР РГБ, Ф.25. Карт. 12. Д.4).
3. Поздравительную открытку подписали А.Д. Бугаева, Е.Д. Егорова, Е.В. Владимирова, П.Н. Батюшков.

№ 47

Париж, 24 января 1907 г.[1]

По нашему стилю 11 января 1907 года.[2]

Милая, дорогая мамочка, как Ты? Ужасно часто думаю о Тебе.

Мое здоровье поправляется. Вчера первый раз доктор позволил встать. Хожу, как тень, но шов разреза быстро затягивается. Если и впредь дело пойдет так удачно, то надеюсь в скором времени поправиться. Все же ранее 6 недель от операции нельзя думать о прекращении лечения. Эдакая гадость возиться с раной, когда во всех отношениях чувствуешь себя здоровым. Во всяком случае, мама, как только будет возможность уехать, возвращаюсь в Москву.

Теперь относительно денег: вероятно через неделю я выйду из лечебницы: тогда придется много заплатить: *очень важно, чтобы к*

тому сроку деньги были и потому, если Ты их еще не выслала сделай перевод телеграммой и скорей, скорей: это можно. Только деньги переведи на имя Д.В.Философова, а то как же я больной, их получу? (A. XVI т.е. Париж, улица Теофиля Готье 15. Философова зовут Дмитрий Владимирович). Философова я предупредил. Сейчас мне хорошо: голубое небо смеется в окно, а в раскрытую дверь доносится хор монахинь из капеллы и звучит орган. Меня навещают каждый день или Мережковские, или Философов. Несколько раз была Е.А.Бальмонт,[3] раз приходила с дочкой: принесла сластей. Был и Конст[антин] Дм[итриевич]; он прислал мне книг. Каждый день у меня сидит одна ученая дама, которая пишет диссертацию в Сорбонну о символизме. Я взял ее под свое руководство: диктую ей правильный взгляд на символизм, она сидит с книжечкой и записывает. У нее в диссертации будет особая глава: «Взгляды А.Белого на символизм». Дама глупая, но диссертация полезна.[4]

Дорогая мамочка, пиши скорей. Отчего не получаю писем? Любящий Тебя Боря.

P.S. Я очень тревожусь, что деньги запоздают, когда будешь пересылать их Философову, припиши от кого, чтобы он знал, что это мне.

1. Датируется по почтовому штемпелю и по содержанию.
2. Датировка А.Белого.
3. Бальмонт Екатерина Аалексеевна (1867–1950) — вторая жена К.Д.Бальмонт.
4. В письме от 5 марта 1907 г. Белый пишет Блоку: «Вера Николаевна Фидровская <...> пишущая в Сорбонну диссертацию о русском символизме, убедительно просила меня передать желание иметь твои книги и стихи. (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. С. 305).

№ 48 *(телеграмма)*

Париж, 25 января 1907 г.[1]

Mieux reste.[2]

1. Датируется по телеграфному бланку.
2. Лучше остаться.

№ 49

Париж, 27 января 1907 г.[1]
по нашему 14-го января 07 года.[2]

Родная моя, горячо любимая мама!

Какое блаженство я испытал, получив сегодня Твои письма от 8-го и 9-го января![3] Сейчас же отвечаю. Дорогая, не беспокойся: все идет благополучно, рана быстро заживает. Вот уже 5-ый день, как я встал с постели и третий день, как выхожу. Скоро (через несколько дней) выхожу из больницы, потому что смысла уж особенного оставаться нет: но теперь только и начинается мое лечение — наступает затяжной период заживания раны. По крайней мере еще месяц.

Ко мне будет ходить по утрам доктор каждый день и делать промывании и перевязку. Двигаться надо осторожно, ложиться спать рано, вообще быть покойным. В отеле меня все любят. Вчера были у меня (одна русская барышня и француженка Мме Legrand). Содержатель отеля тоже приходит с дочкой. Жорес спрашивает часто обо мне и высказывает много симпатий. Мережковские — мои дорогие, дорогие друзья: если б Ты знала, как они нежно и ласково заботятся обо мне. Д[митрий] С[ергеевич], которого известные, почтенные люди годами не могут затащить к себе на 5 минут (а если он зайдет, то считают это за честь), он приходит ко мне каждый день, несмотря на большое расстояние. Я уже не говорю о Зинаиде Николаевне, она как сестра заботится обо мне. А Д.В.Философов тото, когда я был болен чуть ли не раздевал меня, успокаивал. У меня бывают Бальмонты, Минский и дама, пишущая диссертацию, приносят живые цветы.

Дорогая мамочка, когда-то увидимся! Все затруднение в том, что даже когда затянется рана, нельзя будет сразу ехать, иначе она может вновь раскрыться (рана моя как раз на том месте, где тело соприкасается с сиденьем, креслом и т.д.). 3 дня сидеть в дороге — это чего-нибудь да стоит. Вот единственная причина, которая может меня задержать месяца на два. Дорогая моя, ясная мамочка: знай, что я совсем спокоен, здоров (кроме раны) и вне опасности. Спасибо за деньги: в них отдам Тебе строгий отчет. 500 рублей получит З[инаида] Н[иколаевна] и передаст мне. Сейчас же тогда от-

вечаю. Христос с тобой. Милая, спасибо тете Кате за приписку. Любящий Тебя нежно Боря. P.S. Кормилицу целую.[4]

Вероятно через месяц, когда поправлюсь, придется здесь прочесть лекцию на тему: «Социал-демократия и религия».

1. Датируется по почтовому штемпелю и по содержанию.
2. Датировка А.Белого.
3. Вероятно, Белый ошибся. Письмо было не от 9 января, а от 10 января, в котором А.Д.Бугаева, в частности писала: «Деньги тебе 500 рублей (500 р.) я выслала переводом<...> на имя Зинаиды Николаевны. Напиши, Напиши, когда их получишь. (ОР РГБ, Ф.25. Карт 12. Д. 4).
4. Речь идет о кормилице А.Белого Афимье. Которая гостила у А.Д.Бугаевой в январе 1907 г.

№ 50

Париж, 27 января 1907 г.[1]
14-го января (русского стиля)[2]

Милая мама,

только что написал Тебе, как уже опять тянет сказать Тебе, как глубоко и сильно я Тебя люблю и как мне дороги Твои ласковые, ласковые письма. Жду не дождусь увидеть Тебя. Ты спрашиваешь меня о моем самочувствии: оно лучше чем до болезни. Пока я неделю корчился от болей, а потом 10 дней неподвижно лежал после операции, и многое стало мне легче и яснее. Болезнь, как гроза, очистила нравственную атмосферу: стало грустно и тихо. Ты спрашиваешь адрес моей больницы; вот он. Paris. Rue des Voluntaires. 37. Hopital St. Jacque. A monsieur Boris Bougaeff.

Но вероятно я на днях возвращусь к себе в отель, так что пока лучше пиши по адресу Мережковских. Только на конверте надо писать не *de la part de madame Merejkovsky*,[3] а просто *a madame Merejkovsky*,[4] а то еще почтальоны перепутают. Как только перееду, сообщу Тебе, старый мой адрес ведь Ты знаешь: Paris. Passy (XVI). Rue du Ranelagh 99. A monsieur B.Bougaeff.

Милая мама, прости меня за мои нервы, капризы и истерику, в которой я был вот уже скоро 2 года. Теперь я изменился и никогда не доставлю Тебе таких неприятных минут. Я так глубоко и

сильно Тебя люблю и хотелось бы мне, чтобы Ты это почувствовала.

Бедная моя, я знаю, как Ты беспокоилась обо мне. Молюсь за Тебя, чтобы Ты хорошо себя чувствовала и не тревожилась. Ведь я в сущности теперь здоров. Остается упорное лечение и осторожность, чтобы рана плотно заросла. Христос с Тобой, мамочка! Целую Тебя крепко. Горячо любящий Тебя Боря.

P.S. Тетю Катю целую. Деньги 500 рублей получит З[инаида] Н[и-колаевна].[5] Спасибо. В них отдам Тебе строгий отчет. Бедный Сережа лежит в ревматизме. Его дедовский дом сгорел. Получил его письмо. Кланяйся общим знакомым.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю; Paris — 28–1-07.
2. Датировка А.Белого.
3. от кого (*фр.*)
4. кому (*фр.*)
5. В письме к А.Д. Бугаевой от 17 января 1907 г. (З.Н. Гиппиус машинально поставила в письме прошедшей год — 17.1.06. — *С.В.*) Гиппиус писала: «Деньги из банка получены и Боре вручены, с наставлением и не потерять и не тратить (ведь болезнь эта страшно дорого стоила). Мож[ет] быть даже лучше в гостинице ему их не держать». (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 266. Л.об).

№ 51

Париж, 28 января 1907 г.[1]

Дорогая мамочка,

Зинаида Николаевна переслала мне Твою телеграмму. Дорогая моя, ради Бога не беспокойся обо мне: теперь со мной пустяки. Рана медленно заживает. Мне позволят на днях вставать. В больнице пробуду еще дней 10, а там, пока шрам будет подживать, буду ходить на перевязку каждый день к доктору; никакой опасности нет. Единственно досадно, что кропотливо (6 недель возиться со шрамом от операции). Если бы могла быть какая опасность, то только первые 2 дня после операции. Теперь вопрос только в заживании раны. У меня был нарыв, называемый «флегмона» между [ножным] нервом, прямой кишкой и мочевым пузырем в глубине мускулов.[2] Нужно было разрезать. Разрез вышел глубокий (в заднем прохо-

де). Естественно, что тут такое неудачное для операции место, что требует большого ухода потом. В уходе и медленности все дело: опасности же нет никакой.

Итак, успокойся, дорогая моя, милая мама. Ради Бога не приезжай, если Ты для меня. Через 2 месяца (теперь быстрее) как только заживет шрам; мне так хочется Тебя видеть, но одна мысль, что Тебе из-за меня ехать такую даль, когда нет никакой необходимости в этом, — одна эта мысль меня пугает.[3] Пришли мне денег. Я думаю, что 300 рублей будет достаточно; во всем отдам строгий отчет. Сейчас не знаю, во сколько обойдется моя болезнь, но знаю, что 1) больница возьмет франков 300-400, 2) операция отдельно, 3) будущее лечение у доктора отдельно. Перед операцией неделю ужасно страдал (доктор думал сначала, что геморрой; доктору переплатил 70 франков) 4) Нужны будут деньги на возвратный путь и на прожитие то же выйдет. Буду экономен, как только могу. Сейчас у меня осталось денег 400 франков. Но они выйдут на днях (за операцию, комнату и т.д.). Жду денег. Если можно, сделай перевод телеграммой: так скорей. Как только выяснится отчет сейчас же напишу подробно что куда истратил. Не беспокойся же родная.

Христос с Тобой. Твой Боря.

1. Письмо датируется по почтовому парижскому штемпелю.
2. Д.Философов в письме от 10 января 1907 г. к А. Д.Бугаевой называет болезнь А.Белого — «phlegmon ischio-rectal» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 369).
3. В письме от 14 января 1907 г. А.Д.Бугаева извещает сына о своем решении ехать в Париж: «Я решила бевозвратно ехать к тебе. На этих днях я выезжаю. Уведомлю телеграммой<...> я не в состоянии жить здесь и ждать с мукой писем, и знать, что ты теперь больной и слабый и один в чужой стране. Я еду, это решено.» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Д. 4).

№ 52

Париж, 29 января 1907 г.[1]

Дорогая мама, здоровье поправляется. Переехал в отель. Пиши на старый адрес (Paris. Passe XVI. Rue du Ranelagh. 99). Целую крепко. На днях пишу. Твой Боря.

1.Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 29–1.07

№ 53

Париж, 1 февраля 1907 г.[1]

Дорогая моя, милая мамочка,

пишу тебе из гостиницы. Рана затягивается быстро. Единственное условие, которое я должен выполнять, это 1) ходить осторожно, чтобы не спала повязка 2) хорошо питаться, потому что питание влияет на заращение раны. Мне в общем удобно и хорошо. Гостиница, в которой я живу, не просто гостиница, а Maison de famille[2] с табль-дотом. Хозяева — милые люди и очень хорошо ко мне относятся. Жильцов мало, и все они знакомы друг с другом; так что у нас вся жизнь имеет вид скорее не гостиницы, а пансиона, более санатории (помнишь Ограновича).[3]

Жизнь моя проходит теперь вот как: просыпаюсь в 7 часов утра. Снимаю повязку (для надобности). В 8 часов мне в постель подают cafй au laite[4] с хлебцами и маслом. В 10 часов встаю, кипячу воду для промывания, остужаю ее, приготовляю смесь воды с водой, окисленной кислородом. Потом делаю промывание (у меня есть кружка, и все прочее). Потом убирают мою комнату. В 11 ½ приходит доктор с инструментом и всем, что нужно для перевязки; он осматривают рану, смазывает ее помадой. Накладывает перевязку до следующего утра, когда я снимаю перевязку, себе для естественной надобности. В 12 ½ завтрак. Спускаюсь за табль-дот. Все время болтаю: там все знакомые. Потом поднимаюсь к себе, завариваю чай, опять кипячу воду, и за чаем работаю, иногда довольно долго (до 6-7-часу). Часто часа в 3 тихонько плетусь к Мережковским (гулять недалеко и медленно мне позволено). Сидим с Зин[аидой] Николаевной. Потом в 7 ½ обед. (за обедом бывает суп, жаркое, зелень, сыр и пирожное с вином; за завтраком два блюда и сладкое с вином). Вечером часто заходит кто-нибудь из Мережковских. Так вчера сижу: стучат ко мне в 9 часов вечера. Отворяю — Зинаида Николаевна. Мы с ней долго говорим, сидим у камина (в комнатах здесь нужно топить целый день камин, а то холодно), я ей читал «Симфонию». В 11 ½ часов пришел Д.С.Мережковский, просидели до 12 ½ ночи. Мамочка, ты хотела приехать ко мне — *ко мне* ехать не стоит, потому что день изо дня мне все лучше и лучше и тяжелая, беспомощная стадия болезни уже позади. Перевязку мне будут делать еще месяц, а там после маленького от-

дыха возвращаюсь. Для меня не приезжай.[5] Конечно, если тебе вообще хочется в Париж, я конечно с восторгом тебя встречу, но если ты ради моей болезни только хочешь предпринять такое длинное путешествие, то знай, что я уже сейчас настолько поправился, что уже неделю выхожу и гуляю.

Дорогая мамочка, целую тебя. Будь здорова и спокойна. Остаюсь любящий тебя нежно Боря.

P.S. Милая тетя Катя, спасибо за память. Поправляюсь. Медленно-верно затягивается рана. Всякая опасность осложнений миновала. Будь здорова. Остаюсь любящий тебя Боря.

Милая кормилица, спасибо за память. Поправляюсь. Жалею, что Вы гостите у нас без меня. Мы бы с Вами поговорили. Христос с Вами. Остаюсь любящий Боря

1. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 1-2.07.
2. Maison de famille — семейный пансион (*фр.*).
3. Огранович Михаил Петрович — врач — невропатолог; Белый с А.Д. Бугаевой отдыхал в его санатории под Звенигородом в июле — августе 1896 г. «Июль — август. Проводим в санатории Ограновича. ‹…› Меня начинают интересовать символисты. Прочитываю впервые здесь «Войну и мир». Роман не производит особенно сильного впечатления. Одно время влюбляюсь дочь д-ра Ограновича, но она уезжает в Крым; я с отчаянья сперва хочу броситься в воду, но потом быстро утешаюсь». (Материалы к биографии. Л.6).
4. Café au laite (*фр.*) — кофе с молоком.
5. 14 января 1907 г. (ст. стил.) А.Д. Бугаева пишет сыну: « ‹…› я уже было совсем собралась ехать к тебе, но по получении телеграммы остановила свою поездку, тем более, что затрата денежная огромная. Слава Богу, что Тебе лучше» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт 12. Д.4).

№ 54

Париж, 10 февраля 1907 г.[1]

Дорогая моя, милая мамочка, не беспокойся. Все идет хорошо. Сегодня доктор мне сказал, что если и впредь так пойдет, то я могу рассчитывать на то, что через месяц буду в России. Ужасно надоело лечиться: подумать только: каждый день у меня доктор, каждое утро сначала промывание, потом перевязка. Надоело смертельно. До-

рогая мама, ты спрашиваешь меня, не высоко ли мне. Теперь я в нижнем этаже. Это устроили Зин[аида] Ник[олаевна] и Философов. Они были без меня в отеле и выбрали мне комнату и более просторную, и находящуюся внизу.[2]

Часто вспоминаю тебя, моя милая мама. Здесь веду образ жизни очень монотонный, было бы даже скучно, если б не Мережковские.

Часто бывает грустное настроение и досада, что такая глупая болезнь связала по рукам и по ногам, заставила страдать и взяла и возьмет столько денег. Мне говорят, что мой доктор представит счет не менее как в 500 франков. Меня ужасно тянет в Россию. Скорей, скорей хочу Тебя увидеть. Только одно жаль: покидать Мережковских, которых вдвойне полюбил. Милая моя мама, пишу мало сейчас надо идти по делу. На днях напишу подробнее. Остаюсь любящий тебя нежно Боря.

P. S. Тете Кате мой поклон. Поцелуй ее от меня. Теперь у вас блины: до смерти хочется блинов.[3] Во Франции нельзя их достать. Доктор мой Gastinel просит тебе передать, что состояние раны прекрасное и через несколько недель я свободно могу ехать.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю. Paris. 10-2.07.
2. В письме 17 января 1907 г. З.Н. Гиппиус сообщает А.Д. Бугаевой: «Вчера Боря переехал из больницы в тот же пансион, только в комнату побольше». (РГАЛИ. Ф.53 Оп.1. Д.366. Л. об).
3. «Ты пишешь о блинах, еще до масленицы целый месяц. Ведь она нынешний год поздняя. Начинается только 26-го февраля, а сегодня у нас еще только 31-е января. К блинам, Бог даст, Ты будешь сам в Москве и будем их кушать вместе», — пишет А.Д. Белому в ответном письме 31 января (по ст. ст.) 1907 г. (ОР РГБ. Ф. 25. Карт.12. Д.4).

№ 55

Париж, 13 февраля 1907 г.[1]

Милая моя, милая мама!

Как мне радостно получать твои письма, как рвусь я к тебе. Скоро увидимся. Доктор обещает скорое выздоровление. Недели через три он отпустит меня с условием, чтобы я сделал отдых в Берлине

или Варшаве. Я ужасно доволен, что на Тебя *«Бранд»* произвел такое сильное впечатление. «Бранд» — одна из лучших ибсеновских драм. Для меня «Бранд» составил эпоху, когда я впервые его прочел (это было еще в 7 классе гимназии). Помнишь, когда мы ходили на *«Дикую утку»* и *«Доктора Штокмана»*, я все говорил, что нужно ставить *«Бранда»*, *«Сольнеса»*, *«Северных богатырей»*. В «Бранде», как и в *«Когда мы мертвые пробуждаемся»* — только здесь настоящий Ибсен. Драма написана еще в 70-х годах, т.е. около сорока (если не сорок) лет тому назад, а мы ее видим на сцене только теперь. Вот как опаздывает настоящая оценка крупных художественных произведений. Славу Ибсену в толпе составили *«Столпы общества»* и *«Штокман»*, т.е. те пьесы, где он принаравливается к массовому пониманию. Настоящие же перлы его творчества далеко опередили его время. С нетерпением жду возвращения, чтобы насладиться *«Брандом»*,[2] боюсь только, что идет пост.[3] Милая моя, милая мамочка: хочу просить тебя об одной глупости. Если у вас масленица пройдет до меня, сохрани мне муки: может быть, можно будет сделать блинов. Смерть как хочется поесть чего-нибудь русского, а блины такая роскошь! С приближением дня отъезда жажда моя вернуться в Россию все растет: время интересное, выборы.[4] Главное же хочется мне быть с тобой, дома. Одному часто так неуютно. Часто вижу тебя во сне. Ведь мы четыре с половиной месяца не видались. Поцелуй от меня тетю Катю. Хочется ее видеть. Жаль, что кормилица была без меня.

Нашим знакомым глубокий привет и особенный привет Сереже, (если увидишь) Леве, Павлу Николаевичу. Поздравь от меня Евдокию Ивановну и Анну Васильевну.

Целую тебя бесконечное число раз. Нежно любящий тебя *Боря.*

P.S. Между прочим многие из финляндцев и между прочим внучка знаменитого Рунеберга узнали меня по бакстовскому портрету, который был выставлен в Париже на выставке русских художников. Эта выставка «Мира искусства», потом переехала в Берлин, где имела колоссальный успех: на ней был Вильгельм и весь двор. Дягилеву, Сомову, Баксту и еще некоторым в Париже пожаловали орден «Почетного легиона», за их заслуги по живописи..

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Paris. 13-2.07.
2. С 1897 г. произведения Г. Ибсена становятся предметом постоянных глубоких раздумий А. Белого на пути его творческих исканий. В последствии он писал: «В моей жизни совершается откровение: я начинаю проглатывать целиком Ибсена и Достоевского; Ибсен и Достоевский становятся с той поры для меня каноном жизни; «Преступление и наказание» — точно удар грома; другой такой удар грома «Северные богатыри» и «Геда Габлер». (Материал к биографии. Л. 8). Статья А. Белого «Ибсен и Достоевский», опубликованная в 12 номере журнала «Весы» за 1905 г., вызвала гневную отповедь со стороны Гиппиус и Мережковского, что привело к взаимному конфликту. См.: Лавров А.В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы). — В кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, мемуары, публикации. М., 1988. С.140–142.
3. А.Белый имеет в виду, что во время Великого Поста театры не давали представлений. Прекращалась концертная деятельность, работа кинематографа и др. зрелищных мероприятий.
4. А. Белый имеет в виду выборы во II Государственную Думу.

№ 56

Париж, февраль 1907 г.[1]

Дорогая моя, милая мамочка!

Сейчас получил твое письмо. Ты тревожишься. Я быстро поправляюсь — не беспокойся, поправляюсь настолько, что читаю вероятно через неделю лекцию, которую русская колония меня просит прочесть.[2] На днях устроители меня известят о дне лекции. Кроме того, участвую в литературном вечере вместе с Бальмонтом, Мережковским,[3] Минским и другими писателями. Буду аккуратно писать тебе через два дня. Эти дни не писал, потому что с утра до вечера занимался 1) спешу покончить с «Симфонией», ее ждут «Весы» 2) Готовил материал для лекции 3) писал рецензию на книгу Блока. Тема моей лекции боевая: на меня собираются попасть революционеры. Ее заглавие: «Социал-демократия и религия». Работы с «Симфонией» пропасть. Я ведь очень требователен к форме: тщательно отделываю каждую фразу, переписываю по много раз. А у меня уже накопилось около 200 страниц, а еще целая часть не написана. Спешу ее написать здесь в Париже.

Сегодня передавали мне, что в одном русском журнале появилось преувеличенные сведения о моей болезни. Будто бы Андрей Белый серьезно заболел и ему сделали операцию и еще что это ужасно досадно, потому что я уже почти здоров. Доктор со дня на день ускоряет возможность моего отъезда. Недавно был на карнавале. Мы были с художником Бенуа[4] и Философовым. На улицах — дождь конфети. Все бросают друг в друга. Очень стильно и весело. Мережковский написал гениальную статью о Серафиме Саровском[5]. Это пожалуй лучшее, что он писал когда-либо. А.С.Гончаровой не было: неприятная она особа — холодом дышит от нее. Месяца полтора тому назад был с нею у Мережковских, и очень не понравилась она им, так что от дальнейшего знакомства они уклонились. Ну прощай, милая моя мама, до скорого свидания. Целую крепко. Горячо любящий тебя Боря.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. В феврале Белый готовит лекцию на тему «Социал — демократия и религия».
3. Речь идет о выступлении Д.С. Мережковского 5 марта 1907 г. в «Salle d'Orient», где Белый участвовал в качестве оппонента.
4. «С ним вместе бродили по улицам в день карнавала, — в толпе котелков, дымовеющих перьев и в лете бумажек — лиловых, зеленых, малиновых зернышек; их продавали повсюду; прохожие, их накупив, осыпали горстями нас; сели за столик открытой веранды кафе: на одном из бульваров, и пиво спросили себе; но дождями бумажек запырскали нас Бенуа; отряхал с котелочка малиновые и лиловые пятнышки; он с озорством совал руку в мешочки свои; как мальчишка, вскочив, высыпал на прохожих веселые пестри». (Между двух революций. М. 1990. С.163). Интересно отметить, что А.Н.Бенуа в своих известных мемуарах даже не упоминул освоих встречах с А.Белым в Париже.
5. Серафим Саровский (1759–1833) — иеромонах Саровского монастыря. 19 июля 1903 г. в Сарове были открыты мощи Серафима Саровского при большом стечении паломников.

№ 57

Париж, 18 февраля 1907 г.[1]

Дорогая мама, здоровье мое, слава Богу, поправляется. Доктор сказал, что скоро я буду сам уже делать перевязку. Завтра еду к хирургу, который сделал мне операцию, чтобы он проверил лечение

моего доктора. А затем через две недели (быть может) трогаюсь в путь. Дорогая моя, милая мама, скоро увидимся. Вот какая у меня к тебе просьба. Ты вероятно часто бываешь на Тверском бульваре. Не будешь ли так добра, не зайдешь ли туда купить мне книгу *Ник[олая] Пояркова «Поэты наших дней».*[2] Здесь прочел о ней хороший отзыв. Можно ее купить вот где: Тверской бульвар, дом № 105. Книжный магазин Колчев. Она стоит рубль. Купи ее, пожалуйста; я тебе отдам. Мне интересно, что написал Поярков о нас — Блоке, Бальмонте, Брюсове и т.д. Книга может разойтись и к моему приезду ее не будет. Будь такая добрая, купи ее.

В Париже стоят холода. Т.е. 5–6 градусов холода. Так было всего десять дней, а теперь стоят серые туманные сентябрьские дни (правда, 4–5 тепла). Вот уже 2 ½ месяца, как я в Париже, и все время за малым исключением погода. Вчера познакомил Жореса с Мережковским. Я полюбил очень Жореса.[3]

Был у хирурга. Он нашел лечение моего доктора правильным и сказал, что через 2 недели я буду в состоянии трогаться в путь. Узнал не особенно приятную вещь: оказывается я должен буду доплатить и хирургу, лечившему меня в больнице (плата за больницу — отдельно). Придется и тому и другому по несколько сот франков. Оба скоро представят мне счета. Милая мамочка, когда мы только увидимся. Так хочется Тебе рассказать многое лично, у меня страшно много впечатлений. Сегодня получил письмо от Маргариты Кирилловны, ужасно личное и хорошее. Оно меня очень порадовало. Лекцию я читаю в будущую пятницу. Сегодня получил уведомление, что уже афиши печатаются.[4] Засыпан приглашениями на обеды и в кафе. Недавно был на обеде скандинавских писателей в честь Рунеберга[5] (присутствовали только шведы, норвежцы, финляндцы, датчане). Нас встретили изысканно вежливо. Пили тост за Мережковского, называли его всемирно-известным писателем, и за свободную Россию. Был еще на обеде французских поэтов и артистов: там совсем другой колорит. На днях иду на обед русской колонии, устраиваемый Щукиным: но ты не беспокойся: я могу свободно передвигаться: доктор не запрещает. Прощай милая, милая мамочка, скоро увидимся. Любящий тебя от всего сердца Боря

P.S. Тетю Катю целую. Мережковские тебе кланяются.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Paris. 18-2.07.
2. Поярков (псевд. Н.Ярков; 1877–1918) Николай Ефимович — поэт, критик.
3. Эта встреча состоялась 17 февраля 1907 г. и неоднократно была описана Белым в различных изданиях. Первый очерк, в котором писатель упоминает об этой встрече, появился в 1907 г: «Жорес был неподдельно мил и с интересом расспрашивал русских об их религиозных взглядах, об отношении мистического настроения Мережковского к общественным вопросам вообще, об отношении его к социализму и анархизму, наконец, расспрашивал о России». («Из встреч с Жоресом», «Час», 1907, № 2, 14 августа).
4. В РГАЛИ хранится афиша, упомянутая Белым в письме:
«В пятницу, 22 —го февраля 1907 г.
В зале Alcazare d'Italie, 190, Avenus de Choisy
Андрей Белый
Прочтет реферат на тему
«Социал-демократия
и религия»
После доклада дискуссия.
Начало в 8 S час. Вечера.
Цены местами: 2 фр., 1 фр. и 50 сант.
Сбор в пользу Парижской эмигрантской кассы». (РГАЛИ. Ф. 53. ОП.1. Д.)
5. Рунеберг Нино (1874–1934) — финский поэт.

№ 58

Париж, 20 февраля 1907 г.[1]

Милая моя, дорогая мамочка,

Здоровье мое лучше и лучше. Теперь меня удерживает от поездки только ничтожный след, который скоро затянется. Через неделю буду у хирурга, чтобы он благословил меня на путешествие и затем двигаюсь. Как радостно мне будет тебя встретить. Милая моя мама, напиши мне, какая у вас погода. Холодно или нет. Если будут морозы в день моего приезда нельзя ли будет выслать мне на вокзал шубу.[2] До Москвы я не замечу холода, а вот только переезд с вокзала домой. Я на всякий случай телеграфирую день и час приезда. Я писал про блины, потому что здесь уже был карнавал, с неделю тому назад. Здесь в Париже тепло, сейчас у меня открыто окно, я хожу теперь в легком пальто или в еще более легкой тальме. В пятницу 22-го читаю лекцию «*Социал-демократия и религия*» в

пользу парижской эмигрантской кассы. Завтра еду на лекцию *Сталя.*[3] Дорогая мама, теперь скоро увидимся, целую тебя крепко, твой Боря.

P.S. Тетю Катю поцелуй от меня, спасибо за приписку. Очень мне приятно получать эти приписки.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Paris. 20-2.07.
2. «Посылаю Тебе 300 рублей. Если можно выезжай. Каждый лишний день и новая трата денег. Телеграфируй из Бреста, что едешь — приеду и привезу шубу». — пишет А.Д. Бугаева 20 февраля 1907 г. (ОР РГБ. Ф. 25. Карт.12.)
3. Сталь Алексей Федорович (1872–1949) — А.Белый несколько раз упоминает этого человека в своих мемуарах и каждый раз подчеркивает его принадлежность к чиновничьей касте. А.Сталь был присяжным поверенным.

№ 59

Париж, 28 февраля 1907 г.[1]

Дорогая моя, милая мамочка,

Не писал эти дни, потому что думал, что на днях выеду. Хотел в письме точно выяснить день отъезда. Но когда пришел к хирургу, он сказал, что еще две недели надо делать перевязку предосторожности ради, хотя все и прошло. Остается небольшая незажившая ранка и доктора боятся, что если я теперь уеду и на несколько дней прерву лечение, то может образоваться фистула, т.е. не срастется трещина. Вот почему с глубоким прискорбием принужден отложить отъезд марта до 11–12 по новому стилю, т.е. февраля до 28, 27 по нашему. Вместе с этим меня тревожит, какие счета предоставят оба мои доктора — хирург и Gastinel. Хирург меня лечит около трех недель, т.е. каждый день промывал, перевязывал с инструментами и т.д. А Gastinel возился со мной месяц. Философов говорит, что меньше 500 франков Гастинель не представит счет. Хирург (*Manson*) может представить счет франков 300 т.е. на докторов может уйти 800 фр. Если принять во внимание, что мне стоили инструменты (бэдэ, круг, промывалка, повязки и т.д.), что комната моя теперь стоит дороже (она в первом этаже и ее пришлось отапливать целый день (стояли холода), сжигал 1, 1 ½, а то и два ведра углей (ведро углей 1 фр. 50 сант., то ты поймешь, что у меня теперь только

1000 фр. Если докторам отдам 800, остается 200 франков на дорогу (нет менее, потому что за две недели придется заплатить пансиону) — останется 50 рублей на наши деньги. На них не проедешь. Мне горько и прискорбно, мамочка, что я принужден у тебя испросить 200 рублей на всякий случай: если не понадобятся, по приезде я тебе верну: может быть, доктора представят счет гораздо меньший и я буду в состоянии на оставшиеся деньги уехать, но вдруг... нет? Поэтому милая мама скорее пришли, чтобы я мог не тратясь попусту, сейчас же после 11 марта (по нов[ому] стилю) уехать. По приезде я тебе представлю подробный отчет о своих неожиданных расходах. Имей в виду, что до болезни я мало тратил и вернулся бы в Москву на 500 рублей, которые ты мне дала. Болезнь же моя, требующая внимательного лечения, больница, доктора и пр. неожиданно для меня самого свалилась. Прости мама, что беспокою тебя, но боюсь, что если вовремя Тебя не предупрежу, то придется дольше сидеть в Париже, а значит и больше тратится. Каждый день продолжается перевязка. Во всем прочем самочувствие прекрасное. Я очень осторожен. Выступаю тихо. Помню, что на мне перевязка. Всякая опасность осложнений в ране давно прошла. Остается лишь из предосторожности перевязываться, чтобы не образовалось несращения. Будь спокойна, скоро увидимся. Любящий тебя нежно Боря.

P.S. Пришли деньги на следующий адрес. Paris. Passy (XVI) Rue de Ranelagh. 99. A monsieur B.Bougaeff. Лекцию прочел: публики была масса. Произвела много толков. Было много нападок.[2] Очень многие серьезно заинтересовались. Получаю теперь письма. Вопросы.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Paris, 28-2-07.
2. В газете «Утро» (1907, № 54, 16 февраля) М. Семенов опубликовал информацию о его выступлении «Андрей Белый в Париже». В целом статья имеет очень иронический характер. «Казалось, глашатай по всей религии, апостол «потусторонних истин», найдет горячих приверженцев среди с-д, хотя уже потому, что они, в качестве революционеров, пребывающих по ту сторону революции, находятся с апостолами на одной «запредельной плоскости».

№ 60

Париж, 1 марта 1907 г.[1]

Дорогая мамочка!

Я в отчаянии. Ты прочти только счет хирурга.[2] Ведь он меня просто обобрал. Я думал ему придется не более 300-сот франков и это я полагал наибольшая сумма, а он представил счет в 600 франков, т.е. вдвое больше, чем я думал. Прилагаю счет. Ужасаюсь. Если Gastinel возьмет 500 франков (я это узнаю завтра или послезавтра), то двум докторам придется 1150 франков. А у меня всего налицо 1000 франков ... 940 (я отдал за отель). Да за две недели пансиона с расходами на топливо, конки и др. 200 ф.р. Значит до отъезда из Парижа, до 12–13 марта (по новому стилю) придется истратить 1350 франков. Да переезд на это надо от 300-400 франков (я думаю). Итого мне нужно иметь 1750 франков. А у меня 940 франков. Значит мне надо 1750 без 940 = 810 франков. 200 рублей = 500 франков. Значит около 300 рублей. Все оставшиеся деньги возвращу тебе в день возращения. Я считал, что в счете за больницу значится моя операция. Оказывается за операцию и послеоперативное лечение счет отдельно. Ужасно: ужасно волнуюсь. Проклинаю свою глупую болезнь. Ничего кроме страданий, а какая уйма денег. Мама, ведь я не виноват: мне больно, что тебе придется тратиться. Если хочешь, я постараюсь отрабатывая постепенно выплатить тебе деньги. Но теперь, теперь я не могу выехать из Парижа без 300 рублей. Не знал я, что доктора здесь так дороги. Ведь пойми — 650 франков! А я клал ему 300, да и то думал, что придется отдать не больше 200 ф.р. 650 франков на русские деньги — 250–270 рублей. Я в отчаянии. Твой Боря. Скорей пришли, а то мне нельзя выехать (значит надо проживаться).

1. Датируется по содержанию и связи со счетом доктора А.Мансона.
2. К этому письму А. Белый приложил счет следующего содержания:
Mardi. Geudi.Samdi
De 5 a 6 48. Avenue Victor Hugo
Le Docteur A.Manson a
Chonneur de presenter ses comptiments
a Monsier Bougieff
Et de adresser la note de ses

Honoraires se levata 680 f.
Paris, le 1-e Mars 1907. 48, Avenue Victor Hugo. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. Д. Л. 150).
Перевод: Доктор А.Мансон имеет честь приветствовать господина Бугаева и представить ему счет на 680 F.

№ 61

Париж, 1 марта 1907 г.[1]

По получении письма и счета *Manson*, родная моя мамочка, телеграфируй, а то я тревожусь отчаянно. Полная неожиданность такая дороговизна. Любящий тебя нежно Боря.

1. Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю.

№ 62

Дедово, 23 июня 1907 г.[1]

Дорогая моя, милая мамочка,

Наши письма разошлись. Мое письмо верно не застало тебя в Москве. Дело в том, что очень редко здесь случай отсылать письма, потому получаешь их иногда на 4-ый или на 5-ый день. Ты уже в Гунгенбурге.[2] Как там? У нас тихо и хорошо. Думаю быть может заехать к Морозовой в первых числах июля. Пока же работаю над «Симфонией».[3] Работаю много и упорно. Все время были дожди. У нас страшная сырость. Сережа в начале июля едет в Крым, и я июль остаюсь один. Буду много работать. У нас хорошо в Петровском,[4]- уютно. Только когда дожди, все разливается кругом. Были дни, когда нельзя было сойти с террасы: такая мокрота.

Милая мама: вообще жизнь моя течет однообразно, и я этим чрезвычайно доволен. Давно не получал от тебя писем до последнего письма. Вообще очень по тебе соскучился. Пришли, милая мама, мне открытки из Гунгенбурга. Мне очень интересно его видеть. Как море? Как я завидую, что ты видишь море. Сейчас в Дедове гостит Е.П.Безобразова.[5] Она каждый день заходит к нам. Сережа занимается филологией, я кроме «Симфонии» занимаюсь исто-

рией литературы: так медленно течет время. Думаю здесь прожить до середины или даже конца сентября, потому что хочу очень много написать. Прощай милая мама. Крепко целую тебя. Твой Боря.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. В письме от 25 июня 1907 г. из Гунгербурга (Эстляндия), где А.Д. Бугаева отдыхала, она сообщает: «Я устроилась очень хорошо. У меня славная комната в два окна в сосновый лес, и тут видно как сквозь ели и сосны блестит на солнце море. Купаюсь каждый день в море. ‹...› Встаю ровно в 9 ч., иду купаться, потом с час сижу на plage, смотрю на купающихся. В час обедаю. Я живу в пансионе. ‹...› После обеда иду в парк, слушаю музыку. ‹...›. Итак, до 4-х. В четыре иду к моей массажистке. Потом опять на пляж и там остаюсь до 10-ти вечера. (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12. Д. 4).
3. А. Белый имеет в виду 4-ю симфонию «Кубок метелей».
4. Май-июнь 1907 г. А.Белый с С. Соловьевым снимали дачу в Петровском, недалеко от Дедово.
5. Безобразова Елизавета Павловна — дочь историка П. Безобразова, двоюродная сестра С.М. Соловьева.

№ 63

Москва, 30 июня 1907 г.[1]

Дорогая моя, милая мама,

спасибо тебе за письмо. Прочел с большим удовольствием. Очень завидую Тебе, что ты видишь море. А я вот теперь в Москве. К Морозовой должно быть не поеду: 1) потому что ужасно занят "Симфонией". Ее надо переписать (что сотавляет громадный труд — 250 страниц переписки). 2) Не поеду к Морозовой еще и потому, что не хочется быть гостях; не хочется говорить не о чем, все обдумываю некоторые литературные дела. Остаюсь пока на неопределенное время в Москве, потому что хочу устроиться в газетах и кроме того есть дела со «Скорпионом» по поводу издания двух моих книг — «Сборника стихов»[2] и «*Кубка метелей*» (4-ая симфония). Когда все это устроиться, хорошенько не знаю.

Провожу время очень однообразно: весь день пишу, иногда вечером захожу в «Синематограф». Никого не вижу. Как-то на днях был у Владимировых. Е.И. просит тебе передать, что она очень извиняется перед Тобой , что эти дни была так утомлена и занята, что

еще не выбрала время Тебе написать. Мне очень нравятся, дорогая мама, описания Гунгенбурга. Только вот не скучаешь ли Ты ? У Тебя здесь нет знакомых ?

Милая мама, долго мы с тобой не видались. За это время я очень успел в одном отношении (в нервном) и кажется поправился физически. Я писал до этих пор тебе редко, потому что с утра до вечера писал, писал и обрабатывал написанное, так что буквально немели руки. И сейчас перо вываливается из рук (вчера работал с 12 часов дня до 4-х часов ночи).

Письмо твое, адресованное в Петровское, я получил. Милая мама, пиши мне пожалуйста теперь в Москву. Что касается деревни, я очень подумаю, быть может поеду. Если же судьба моих книг задержит меня здесь в Москве до июля 15-го, то уже не стоит ехать в деревню: к началу августа приедет Сережа, а он меня очень просил приехать в Петровское. Милая мама, целую тебя много, много раз. Остаюсь любящий тебя Боря.

P.S. Спасибо за деньги. 50 рублей получил. Поклон от меня А.Семен..

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. Речь идет о сборнике стихов «Тоска на воле», который не был опубликован. Позднее стихи из этого сборника вошли в книгу «Пепел» (1909) и «Урна» (1909). Многие из этих стихотворений отразили переживания А. Белого, связанные с Л.Д. Блок.

№ 64

Санкт-Петербург, 8 октября 1907 г.[1]
Петербург 8-го октября.[2]

Дорогая мама, я в Петербурге. Мне тут необходимо быть до 15-ого–16-ого октября. Будь так добра, если тебе не трудно сходи сама в Редакцию «*Утра России*» и спроси у Алексеевского (Аркадий Павлович)[3] мой гонорар за фельетон «Символический театр» (за второй фельетон о театре),[4] напечатанный в конце сентября. Должны мне кажется 44 рубля. Умоляю тебя мама, сделай это: посылаю тебе и второе письмо для Алексеевского: ты дай ему это письмо. Скажи, что деньги очень нужны. Редакция в Чернышевском переулке (не дохо-

дя несколькими домами до канцелярии губернатора на той же стороне). Она — в глубине двора, а на воротах вывеска: «Газета Утро». Лучше всего зайди в 1 час дня. А то его можно и не застать. Тотчас же пошли мне перевод по нижеследующему адресу. С.Петербург. Вознесенский проспект. Д. № 12. «Hôtel d'Angleterre. № 38. Мне.

Умоляю тебя сделай это: я не думал, что буду в Петербурге и в свое время не взял денег из газеты, а теперь мне очень, очень нужны деньги. Может быть (даже наверное) мне дадут еще и аванс, так что будет рублей 85 всего. Скоро Тебе напишу о моих киевских впечатлениях.[5] Сейчас иду к Блокам. Целую крепко. Остаюсь бесконечно любящий тебя Б.Бугаев.

P.S. Если можно сходи к Алексеевскому (или пошли) — нет лучше сама ему скажи в тот же день, и послав перевод, дай телеграмму, вычтя из перевода то, что возьмут за телеграмму. Умоляю, дорогая мамочка, пожалуйста. Прилагаемое письмо передай Алексеевскому..

1. Письмо датировано А.Белым. Написано на бланке гостиницы «Hotel d'Angleterre St.Petersfourg».
2. Слово «Москва» зачеркнуто. Датировка А.Белого.
3. Алексеевский Аркадий Павлович — журналист, член редакции «Утро России». Ср. «Алексеевский, постоянно тянул меня в свою газету, не стеснявшуюся в средствах; ничто не препятствовало мне утвердиться в этой «богатой» газете; препятствовал ее дух; помню, как Алексеевский пытался мне внушить правила газетной этики, искренно не поняв, почему после этих внушений я тихо ретировался». (Между двух революций. С. 230).
4. Статья Белого «Символический театр. По поводу гастролей Комиссаржевской» была опубликована 28 сентября 1907 г., № 11.
5. 4 октября А. Белый участвовал в вечере «нового искусства» в Киевском театре, где произнес вступительное слово «Об итогах развития нового русского искусства».

№ 65

Санкт-Петербург, 9 октября 1907 г.[1]

Дорогая мамочка,

Я приехал в Петербург.[2] В Киеве[3] нас встретил целый кордон из людей, возили, угощали, водили в театр, по Киеву, по ресторанам. Вечер был в громадном театре. Театр был переполнен; после я вдруг

заболел. От переутомления сделался припадок: дурнота и все прочее. Я был убежден, что это — холера. Мы с Блоком всю ночь просидели, не спали. Потом на другой день у меня лекция, билеты распроданы, курсистки ждут, а я читать не могу. Пришлось звать доктора — сначала одного, потом другого. Прочел — и сразу на поезд. Теперь в Петербурге. О своих впечатлениях расскажу подробно. Пробуду до 15-го. Поезжайте на лекцию Брюсова. Ложа у меня на столе.[4]

Теперь вот что: в виду того, что Саша мне сказал о необходимости для меня поехать в Петербург и повидаться с Любовь Дмитриевной, в виду того, что Соколовы уехали, а я себя чувствовал дурно и меня не отпускали одного, я поехал в Петербург с Сашей. Дорога стоила 23 рубля. Двум докторам, выслушавшим меня, пришлось заплатить 10 рублей. И так 33 рубля непредвиденно вылетели у меня.

Теперь у меня всего 12 рублей, и если ты не пойдешь и не скажешь Алексеевскому сейчас же, если я не получу по переводу до субботы-воскресенья, мне нечем заплатить за номер. Умоляю тебя, сходи к нему тотчас же и скажи, что Андрей Белый просит деньги за фельетон 2-ой и аванс в 40 рублей. Тебе должны дать 85 рублей или 84; если же не дадут аванса во всяком случае 44 рубля газета должна дать. Если же газета не выдаст тебе (должны дать) пошли мне рублей 30 (в счет гонорара); как только я приеду, я возьму и отдам. Но это невероятно: они должны дать. Только сходи в Редакцию тотчас (Чернышевский пер. газета «Утро». Это не доходя до канцелярии ген[ерал]-губернатора во дворе). Приди с 12 до 2 часов. И послав перевод, телеграфируй о высылке, а то я беспокоюсь ужасно.

Жду телеграммы. Деньги должны быть в субботу (крайний срок). Нежно любящий тебя Боря.

P.S. Адрес. С.Петербург. Вознесенский проспект. «Hôtel d'Angleterre. № 38». Мне.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. «Октябрь начинается поездкой в Киев на выступления (я, Соколов, Петровская); из Петербурга приезжает Блок <...> Из Киева еду в Петербург с Блоком. (Ракурс к дневнику. Л.41).
3. В Киеве в Коммерческом собрании Белый 6 октября прочитал лекцию «Будущее искусство».
4. А.Белый имеет в виду билет на лекцию В.Я.Брюсова.

№ 66

Санкт-Петербург, 12 ноября 1907 г.[1]

Дорогая мамочка,

пишу Тебе только сейчас,[2] потому что всю неделю писал статью о «Театре».[3] Видел очень мало народу. У меня тихо. За стеной играют Баха. Вид на Неву. Живу очень монотонно. Встаю, работаю часов до 4-х. В 4 часа иду отдыхать (рядом есть ресторанчик). Потом возвращаюсь, читаю. Вечера почти все дома. Раза 3 был у Блоков. После Москвы даже как-то дико отсутствие людей. Чувствую себя в общем недурно. Странно мне в Петербурге, странно.

Скоро примусь за серьезную работу.

Пишу так мало потому, что не о чем мне писать.

Напиши мне, дорогая мама. Получила ли ты мою открытку. Мой адрес. Петербург. Васильевский остров. Университетская набережная. Дом № 25 кв. 10. Комната 2. Мне.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. В середине октября А. Белый приехал в Москву, но в первых числах ноября он вернулся в Петербург. 18 ноября Белый вновь возвращается в Москву.
3. Белый имеет в виду статью «Театр и современная драма».

№ 67

Санкт-Петербург, 24 января 1908 г.[1]

Дорогая мамочка,

Как твое здоровье? Все время думаю о Тебе. Будь здорова и весела. Самое позднее когда я приеду — это утром 28-го.[2] На всякий случай пишу свой адрес: Петербург. Караванная, дом № 9. “Европейский меблированный дом” Комната № 19. Мне. Христос с Тобой, милая мама. Нежно любящий Тебя Боря.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. Этому письму предшествовали следующие события. «Мучительные переживания с Л.Д. Блок. Пишу статью «Театр и современная драма». Ссора с Л.Д., приезжаю в Москву: читаю лекцию в Литературно-художествен-

ном кружке «Театр и современная драма», читаю в Политехническом музее лекцию «Фридрих Ницше», выступаю в «Доме Песни» с беседой на тему «О символизме» (Материал к биографии. Л.55 об.). 22 января 1908 г. Белый возвращается в Петербург.

№ 68

Петербург, январь 1908 г.[1]

Дорогая мама,

Я остаюсь в Петербурге недели на две. Сообщи, пожалуйста, технику Александру Федоровичу, что я заболел, и что доктора мне запретили всякое выступление.[2] Это неправда: я здоров, но Ты *понимаешь, что мне надо во что бы то ни* стало отделаться от лекции. Сообщи о моей болезни и скажи, что я поеду в Финляндию (адреса моего не давай). Все это я придумал, чтобы не читать лекции. Ты успокойся: все со мной недурно, хочу отдохнуть в тишине и поработать. Недели через две приеду. Извинись перед Алекс[андром] Федоровичем. Передай ему, что я ничего не могу поделать: *доктора запретили* (так скажи). А я поработаю здесь. Мне тихо.

Пиши. Адрес: Караванная, дом 9. "Европейский меблир[ованный]дом". Комната 19. Мне. Остаюсь любящий Тебя Боря.

1. Письмо датируется в связи с другими документами. А.Белый прочел лекцию в Петербурге и уехал в Москву.
2. В этот период А. Белый ведет интенсивную лекционную деятельность. В книге «Между двух революций» у него есть глава «Лекции», где он описывает этот период жизни и лекционную работу.

№ 69

Серебряный Колодезь, <июнь> 1908 г.[1]

Дорогая мамочка,

не знаю получила ли Ты мои письма в Гурзуф из Москвы и из деревни. Пишу Тебе наугад, потому что 24-го выеду в город, а к 1-ому августа Ты уедешь, как пишешь, из Гурзуфа.[2] Очень жалко, что не видел Черного моря: завидую, милая мамочка Тебе очень.

В деревне у нас прекрасно. Я который день катаюсь, или верхом, или управляю тройкой.[3] Александра Семеновна и дядя Коля очень довольны деревней[4].

Теперь занимаюсь много. Кажется в августе к нам заедет на несколько дней А.С.Петровский. Это ничего? Когда-то мы с Тобой увидимся, мамочка: я так о Тебе соскучился. Я Тебя очень глубоко и сильно люблю, и всегда ощущаю Твое отсутствие. С нетерпением жду Твоего возвращения. Остаюсь нежно и глубоко Тебя любящий Твой сын Боря.

1. Датируется по сопоставлению с письмами А.Д. Бугаевой.
2. «Я еду в Крым 14 или 19 июня» — извещала А.Д. Бугаева сына в письме от 12 июня 1908 г.
3. «Начало июня провожу с Метнером в «Серебряном Колодце»: сюда приезжает и С.М. Соловьев; после оба уезжают». (Материалы к биографии. Л.56). Это был последний приезд Белого в имение, т.к. в 1908 г. оно было продано. «‹…›прощание с Серебряным Колодцем. (Мать продает его)». (Ракурс к дневнику. Л.44).
4. Александра Семеновна и дядя Коля — брат А.Д. Бугаевой Н.Д. Егоров и его жена.

№ 70

Дедово , 11 июля 1908 г.[1]

Дорогая мамочка!

Завидую Тебе, что Ты видишь море.[2] У нас же теперь идут дожди. И своеобразная прелесть. Вообще: хорошо в деревне.[3] Мне, быть может, придется съездить под Петербург к Мережковским потолковать о важных делах дня на три, не более. Будь здорова: напишу Тебе скоро подробно, пока же пишу, чтобы сказать, что я здоров. Христос с Тобой. Целую Тебя. Остаюсь глубоко любящий Тебя Боря.

1. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.
2. 17 июля А.Д. Бугаева уехала в Крым, где прожила до конца лета. «Сейчас получила Твое письмо. ‹…› Думаю, прожить до конца августа. ‹…› Ездили в Гурзуф, были в Суук — Су и еще на водопаде Угай — Су, где мы группой снялись». (Ф. 25. Карт.12. Д.5).
3. Вторую половину июля Белый прожил в Дедове с С.М. Соловьевым.

№ 71

Дедово, июль1908 г.[1]

Дорогая милая мамочка,

Ужасно был рад получить Твое письмо. Еще раз прошу Тебя: будь осторожна в виду холеры. Я очень рад за Тебя, что Ты себя хорошо чувствуешь в Крыму. Будь здорова. Я себя хорошо чувствую.[2] Думаю быть скоро в Москве, а потом у Сережи. У Морозовой не был. Очень не хотелось уезжать. Остаюсь любящий Тебя нежно Боря.

1. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.
2. «Живу в Дедове у С.М. Соловьева, много занимаюсь поэзией; углубляюсь в Баратынского и в Батюшкова; пишу стихи из «Урны» (книга стихов Белого — С.В.)». (Материалы к биографии. Л.56).

№ 72

Санкт-Петербург, 28 августа 1908 г.[1]

Дорогая мамочка,

Страшно о Тебе соскучился. Где Ты? Пишу в Москву. Не писал Тебе, потому что со дня на день собирался ехать в Москву да задержался у Мережковских.[2] Заеду к Сереже, возьму вещи, пробуду у него день, два — и в Москву. Задержался в Петербурге по делу об издании сборника моих стихов.[3] Надо было переговорить с издателями. Страшно соскучился о Тебе. Христос с Тобой моя родная, милая, милая мама. Любящий Тебя Твой Боря.

28 августа. Петербург.

Адрес: Караванная. Меблированные комнаты. Дом № 9. Комната № 26. Мне. Да не стоит писать. Вероятнее всего, что я завтра уеду из Петербурга. Делать и так тут нечего, кроме дел с “Шиповником”. Ну, Христос с Тобой.

1. Письмо датировано А.Белым.
2. В августе А. Белый гостил на даче Мережковских в Суйде под Петербургом.
3. Белый имеет в виду книгу стихов «Пепел», рукопись которой он продал петербургскому издательству «Шиповник».

№ 73

Дедово, июнь 1908 г.[1]

Дорогая мамочка,

Как хорошо мне получать от Тебя письма.[2]С восторгом читал я описание твоего путешествия в Гудаут:[3]Ты так хорошо его описала, так живо. Вчера получил от Тебя открытку и любовался пальмовой аллеей; показывал ее Сереже и Александре Григорьевне. С интересом прочел известие о нашем имении; это ничего, что там пастухи пасут стада:[4] раз еще не вышел срок десятилетней давности и раз мы платим подати, то это ничего не значит.

Милая мама, будь осторожна с зеленью: зелени, ягод и фруктов есть нельзя: по всей России опять загуляла холера. Надо быть очень осторожным с зеленью.

А я опять в Дедово. Хорошо здесь, тихо. Кругом трава и природа такая роскошная. Только вот одно: льют дожди; не постояло недели без дождей; дожди и грозы почти каждый день.

Провожу день так: утром встаю и прямо выхожу на луг: в моей комнате терасса, ведущая прямо в поле; делаю гимнастику; потом иду в большой дом; в большом доме говорим много с А. Г. Коваленской, а потом сижу на терассе с книгой, или пишу; в час дня завтрак; после завтрака опять сижу; потом обед; после обеда гуляю с Коваленскими; так спокойно, однообразно идет день за днем. Я постараюсь пробыть в Дедово побольше, скопить себе денег и на месяц проехаться за границу; кажется это возможно.

Никаких внешних событий нет: живу только мыслями и работами. Была у нас тут недавно Клеопатра Петровна,[5] был Эллис. Я поеду к К[леопатре] П[етровне] на день, два в начале июля: там будет к тому времени Анна Рудольфовна Минцлова[6]. Много есть, очень многое, что нужно с ней переговорить.

Будь здорова, милая мамочка, — Христос с Тобою. Нежно любящий Тебя Б. Бугаев.

1. Датируется по сопоставлению с письмами А.Д. Бугаевой и по содержанию.

2. А. Белый имеет в виду письмо А.Д. Бугаевой от 15 июня 1909 г. из Гагр, в котором она описала свою поездку в имение под Сухуми.

3. В письме от 9 июня А.Д. Бугаева сообщала: «Я только что вернулась из Гудаут, это совсем около Сухума». (РГБ Ф. 25. Карт. 12. Д. 5).

4. В июньском письме А.Д, Бугаева пишет: «Я только что вернулась из Сочи, где пробыла 3 дня по поводу нашей земли. Там уже 8-м лет горные пастухи пасут стадо и живут, но я за них примусь». (РГБ Ф. 25. Карт. 12. Д. 5).
5. Христофорова Клеопатра Петровна
6. Минцлова Анна Рудольфовна (1860–1910), представительница теософского движения.

№ 74

Бобровка , март 1908 г.[1]

Дорогая мамочка,

Живется мне тихо и хорошо. Много работаю; живу один. Анна Алексеевна приезжает только завтра.[2] Приеду только к 27-му. Милая мама, у меня большая просьба Я уехал, не зная адреса нашей редакции; не можешь ли Ты по получении пакета на Твое имя, адресованного в редакцию (там моя рукопись) тотчас же переслать в редакцию эту рукопись и адресованное на Твое имя письмо Кожебаткину;[3] № телефона редакции «*Мусагет*» 179-50; Ты можешь сказать в телефон по получении письма и рукописи, чтобы служитель Дмитрий (наш служащий) пришел к Тебе из редакции и отнес бы рукопись; можешь, если хочешь сама отнести (дом, кажется, Котлярева, кв. 9, Пречистинский бульвар, около памятника, во дворе). Но вернее, если скажешь по телефону; в 6 часов (от 6 до 8) в редакции всегда есть народ; это письмо и рукопись спешные к Кожебаткину; не получение их в скором времени произведет путаницу в типографии с моей книгой.

Милая мама, целую Тебя крепко: будь здорова; здесь в деревне тишина, покой, снежная буря, здоровье. Не вижу, как летят дни. Скоро увидимся дорогая мамочка. Твой Боря. Нежно Тебя целую.

P.S. Пожалуйста же передай мой пакет в редакцию.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. В это время А. Белый жил в с. Бобровка в имении А.А. Рачинской (сестра Г.А. Рачинского, умерла в 1916 г.) под Ржевом. Здесь он работал над романом «Серебряный Голубь».
3. Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884–1942) — в то время секретарь издательства «Мусагет».

№ 75

Вязьма, 27 ноября 1910 г.[1]

Милая мамочка,

целую; пишу из поезда.[2] Едем с Асей хорошо, тихо. Я безмерно счастлив, радуюсь. После Москвы какой-то тихий сон. Любящий Тебя нежно Боря. Будь спокойна. Тете Кате привет.

<*На обороте приписка Аси Тургеневой.*>

Милая Александра Дмитриевна, за него не беспокойтесь. У него вид гораздо лучше Только кашляет. Едем хорошо. Немного сонные. Целую вас. Ася. Привет Екатерине Дмитриевне.

1. Открытка. Почтовый штемпель Вязьма. 27.11.10
2. 26 ноября 1910 г. А. Белый с А.А. Тургеневой уезжают заграницу.

№ 76

На пути в Венецию, 3 декабря 1910 г.[1]

Милая мамочка![2]

<*Далее рукой Аси Тургеневой* >

В вагоне. Качает. Полуспим. Целую Ася.

1. Открытка.Датируется по московскому почтовому штемпелю.
2. Текст, написанный А.Белым карандашом не сохранился. Осталась лишь приписка А.А.Тургеневой.

№ 77

Венеция, 5 декабря 1910 г.[1]

Милая мамочка, здоровы, тихи; немного устали. Венеция — дивно хороша. Гондолы качаются; тепло и влажно. Ася — милая. Ты получишь из Венеции флакон. Через часа 1,5 едем на Неаполь. Целую нежно. Боря.

<*Рукой Аси.*> Милая Александра Дмитриевна. Целую. Как тут хорошо. Ася.

1. Открытка. Датируется по московскому почтовыому штемпелю.

№ 78

Палермо, 17 декабря 1910 г.[1]

Дорогая, милая мама! Приехали благополучно. Страшно устали. Промелькнула быстро неприятная Вена,[2] там — ночевали; осмотрели два готических старых собора (Св. Стефана и Potyr-Kirche); утром рано уехали на Венецию; сразу за Веной начались дикие горы, как в Тироле: стало холодно, грозно, туманно; на одной станции вышли гулять; весь день тянулись горы; вечером очутились в Италии; стало тепло; а когда блеснуло по обеим сторонам поезда бирюзовое, освещенное луной сквозь туман Адриатическое море, то стало радостно; показались огни Венеции. Скоро мы закачались в гондоле; остановились в отеле "Виктория"; открыли окно и любовались долго картиной из окна; в Венеции пробыли сутки; осматривали Св. Марка, катались, а вечером уехали по направлению к Риму; ночью проехали Флоренцию, а утром замелькали дикие холмы Кампаньи; в девять часов приехали в Рим; не останавливаясь, поехали дальше к Неаполю. Лил дождь, пошли опять горы, покрытые оливками; и вот перед Неаполем замелькали апельсиновые рощи с золотыми, желтыми и зелеными апельсинами, показался Неаполь; в Неаполе пробыли всего два часа; успели поблуждать по улицам: (чуть не заблудились); в Неаполе уже идет восточный стиль (дома с плоскими крышами, мавританского стиля постройки); заходящее солнце осветило поразительно пеструю картину; в 8 часов приехали на пароход "Гарибальди"; в 11 часов тронулись в море; прошел Везувий, покрытый тучами, вышли из залива; пароход стало покачивать; я безумно обрадовался морю; мы с Асей долго ходили по верхней палубе. Асе стало не совсем хорошо от моря; я же долго, долго стоял у носа парохода, около которого разбивались волны. От моря не страдал. Утром приехали в Палермо: место изумительное; море бирюзовое, тихое, нежное; город небольшой, кругом — апельсинные рощи, кипарисы и поля кактусов; цветут громадные розы, жонкили[3] и прелестные цветы; на улицах пальмы. Остановились в "Hotel des Palmes"с прекрасным садом; в саду рододендроны, большие пальмы, апельсины, лианы и кактусы в несколько саженей роста.

Все зеленеет; много цветов; зелень почти тропическая, днем не менее 17 градусов. Ходим в одних плащах, устали; но уже были на море. В нашем *"Hotel"е* Вагнер докончил "Парсифаля".

Не могу писать. Все хорошо и радостно; Ася — милая, милая, милая. Сейчас спать. Комнаты наши рядом; а рядом с нами веранда, спускающаяся в сад. Здесь пробудем еще дней пять, а пока приискиваем помещение по близости от Палермо. Целую, целую. Пока адрес: Palermo, Hotel des Palme. № 92.

Целую, милая мамочка. Боря.[4]

Тетю Катю целую. Комары кусаются здесь. Сегодня сидели в морском песке и собирали раковины.

<Далее рукой А.А.Тургеневой.>

Милая Александра Дмитриевна, 2 слова наспех. Поздно и мы целый день бегали — устали. Жить тут будет хорошо: пока нам все нравится. Солнце, тепло, хорошо. Целую вас. Мой привет Екатерине Дмитриевне.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю Palermo. 17. dic. 10.
2. Такая негативная оценка Вены отражает настроение писателя в тот день, а не его настоящее отношение к столице Австрии. Ср.: «И мы окунулись в её громозвучные улицы; по бесконечным просторам катаемся с ласковым фьякром. Ринг-Штрассе: люблю этот легкий ампир в переливчатых вывесках; <...> был здесь и раньше; ибыл здесь позднее; перед войной: что-то есть родное, славянское в Вене» (А.Белый. Путевые заметки. Сицилия — Тунис. С. 4.)
3. А.Белый имеет в виду дикорастущий нарцисс jonqille (*фр.*)
4. «Сегодня пришло письмо из Палермо. — Сообщает А.Д. Бугаева в ответном письме. — Сегодня 10-ое (*10 декабря по ст. ст. — С.В.*), интересно знать, когда он послано. Пожалуйста, выставляй числа и по нашему стилю. ‹...› Посылайте мне открытки из Палермо, хочу видеть, приблизительно представить, где Вы». (Ф.25. Карт.12. Д.6).

№ 79

Монреале, 18 декабря 1910 г.[1]
18 декабря. Письма идут 7 дней.

Дорогая мамочка,

вчера утром получил от Тебя письмо; обрадовался очень; Ты писала в *"Hotel des Palmas"*, а мы уже с неделю жили в Монреале, в

горах над Палермо. Очень беспокоюсь за Твои боли в ногах: посоветуйся с доктором. Милая мама, вспоминаю Тебя часто и много.

Мне хорошо, радостно: здесь в Монреале мы с Асей все больше сидим; льются теперь дожди, по ночам из-за гор блещет зарница; сегодня утром был гром. Наоборот, в Палермо мы почти каждый день делаем экскурсии, подыскивая виллу; но на берегу моря вилл нет; есть или очень дорогие отели или грязные хижины рыбаков. Были в королевских апельсинных садах, в местности, называемой *“Favorita”*; были в *“Delmonte”*, собирали ракушки на берегу: море то бирюзовое, то черное, то глубоко синее, то совершенно белое, нежности поразительной. Были в *“Santa Maria Yesa”*, старом францисканском монастыре, откуда дивный вид на Палермо, были в Багерии, где среди тропической растительности среди гор странные виллы старой сицилийской знати с изображением драконов и чудовищ, были в *Солунте* — на развалинах старого римского городка. Поселились мы в *Монреале*: здесь не то, что в Палермо: живут дикие, приземистые люди, похожие то на испанцев, то на арабов; здесь население — смесь мавров с итальянцами и древними греками; и пение не итальянское, а монотонное, протяжное на две или три ноты; много странного: кувшины — арабского типа; в знак приветствия прикладывают руку к голове; ходят монреальцы в плащах, а то в накидках с капюшонами, напоминая разбойников, покуривают трубочки и с видом заговорщиков поглядывают по сторонам. Вечером они толпятся на площади перед собором, напоминающим арабский дворец; собор 12 века, сплошь мозаичный, один из лучших по мозаике в мире;[2] каждый уголок Монреале колоритен и живописен; плоскокрышие домики, высокие, красные, лепящиеся друг над другом по горам; мостовой в некоторых улицах служат красноватые скалы; и на красных скалах желтые стены с отовсюду вылезающими громадными кактусами; выше — глыбы камня, ущелья, пещеры, ручьи; вдали, на вершинах — снег; взберешься наверх, Монреале кажется в глубине долины; и он весь — маленький; когда же находишься в Монреале, то кажется, что висишь с собором и зданиями на большой высоте над апельсиновыми рощами; а вдали блестит море — каждые пять минут меняет оно цвета. Здесь улицы прямо переходят в ущелья; утесы спускаются к улицам, воет ве-

тер — дико и громко: но прекрасно; сегодня с Асей мы взобрались высоко и на высоте собирали душистые, крупные ирисы; букет ирисов сейчас стоит у меня на столе. У нас стеклянные двери на большую каменную террасу, откуда ведет лестница на плоскую крышу дома; с крыши, как на ладони — море, все Палермо, далекая гора Солунта, апельсины, Монреале, утесы и снег в горах, то уходящий в облака, то ярко белеющий в лазури; на всей Сицилии, которую пока мы наблюдали с Асей, есть явное дыхание Африки; здесь странное сочетание греческой, византийской, католической и арабской стороны; здесь Вагнер заканчивал "Парсифаля".

Милая моя, хотелось бы мне Тебя сейчас радостно и спокойно поцеловать; не беспокойся: все хорошо, все благополучно; с каждым днем Ася становится для меня все более близкой, радостной, милой, дорогой: с ней так уютно жить; так просто, так свободно; и бесконечно люблю ее. Видишь мама, мне хорошо; хотелось бы, чтобы и Ты спокойно и радостно смотрела на мое отсутствие; мы, конечно и разделенные пространством, слышим друг друга. Не пиши в Монреале; через 3 дня едем в Тунис. Адрес пока: *Tunis*, poste restante, мне. Целую Тебя нежно и крепко обнимаю. Любящий Тебя твой Боря. Тетю Катю целую. Мама, напиши, получила ли Ты флакон из Венеции, который мы с Асей Тебе посылали; если не получили, я пошлю письмо в Венецию. Еще раз целую.

<Далее рукой А.А.Тургеневой. >

Милая Александра Дмитриевна,

Пишу два слова. Мы сегодня лазали по горам и очень устали. От вас первый раз из России весточка. Так было приятно. Спасибо. Полюбился нам Monreale и уезжать жалко но уж очень тут холодно и неудобно. Милая Александра Дмитриевна целую вас. Страшно спать хочется и не соберусь с мыслями. На днях из Туниса напишу и за это царапанье простите. Целую Ася. Мой привет Екатерине Дмитриевне.

<Далее рукой Андрея Белого>.

Мама, напиши, получила ли Ты флакон из Венеции, который мы с Асей Тебе послали; если не получила, я пошлю письмо в Венецию. Еще раз целую.

1. Письмо датировано А. Белым по ст. ст.
2. В феврале 1932 г. знаменитый художник П.Д. Корин, находившийся в творческой командировке в Италии, описал свое впечатление от собора в письме к жене от 12 февраля 1932 г.: «Я как вошел в него, у меня невольно вырвалось: «Ох-хо-хо! Вот так здорово! Собор колоссальных размеров, весь в мозаике в какой мозаике!В главной апсиде, на страшной высоте, огромных размеров страшный, суровый Пантакратор. Три нефа, три апсиды. В боковых апсидах огромные фигуры апостолов, в одной Петра, в другой Павла. По стенам сцены из Евангелия. Под Пантократоро, в апсиде на престоле Богоматерь, ангелы и святые. По бокам Патократора мистические, страшные шестикрылые серафимы <…> Такой силы, такой монументальности я еще не видывал в искусстве.». (Корин П.Д. Письма. М., 1985. С.140).

№ 80

Монреале, 24 декабря 1910 г.[1]

Милая мамочка,

Целую. Люблю. Мы — в Монреале, постоянный адрес. Italia.Sicilia. Monreale. Ristorant Savoia. A monsieur Boris Bougaieff. Две комнаты с выходом на веранду. Внизу апельсинные рощи в глубине под обрывом; дальше виднеется Палермо; еще дальше синее Средиземное море. Вот карточка с видом Палермо. Целую, люблю. На днях пишу письмо. Тетю Катю целую. Нежно любящий Боря.

<Далее приписка рукой А.А.Тургеневой>.

Милая Александра Дмитриевна, только переехали и устраиваемся. Еще не обжились, но вид прекрасный. Целую вас Ася.

1. Открытка с видом Палермо. Почтовый штемпель Monreale. 24.12.10. Москва 17.12.10.
2. В письме от 14 декабря 1910 г. (ст.ст.) из Москвы А.Д, Бугаева снова сетует на то, что А. Белый не датирует письма: «Сейчас получила две открытки. ‹…›Пиши мне пожалуйста число, когда отправлено письмо».

№ 81

Монреале, 26 декабря 1910 г.[1]

Милая мамочка, вот Тебе еще открытка (посылаю две из Монреале). Вот как мы живем. На всякий случай (если потерялась 1-ая

открытка) посылаю адрес. Italia, Sicilia, Monreale, Ristorant Savoia. A monsieur Boris Bougaieff. Хорошо. Ася — мое утешение. Целую нежно. Б. Бугаев.

1. Открытка с видом Палермо.. Почтовый штемпель: Monreale. 26.12.10.

№ 82

Монреале, 26 декабря 1910 г.[1]

Дорогая мамочка!

Вот где мы живем: на виде я поставил крестик против купола старой церкви, сливающейся с нашей гостиницей; наши окна выходят на долину, лежащую в глубине ущелья; леса в лощине — вся зелень это лимонные и апельсинные рощи; апельсины золотые, спелые, лимоны еще созревают. Вдали на открытке Средиземное море и около него — Палермо. Сегодня Рождество; здесь — праздник; тепло, так тепло, что сегодня ночью нечаянно в моей комнате окно осталось полуоткрытым. Ася и я здоровы; завтра начинаю работать. Все хорошо.Там, где на виде стоит буква “а” — старый собор 12 века весь из цветной мозаики. Адрес:Italia,Sicilia, Monreale,Ristorante Savoia. A Mon. Boris Bougaeiff. Пиши. Ася целует. Нежно люблю. Боря.

1. Открытка с видом Палермо. Почтовый штемпель: Monreale. 26.12.10.

№ 83

Тунис, 4 января 1911 г.[1]

Милая мама,

Мы — в Тунисе, солнце, пестрота, арабы; еще ни в чем не разобрались. Адрес. *Tunis*, Poste Restante a monsieur Boris Bougaieff. Целую нежно. Ася тоже. Б.Бугаев.

1. Открытка. Почтовый штемпель Tunis. 4.1.11.

№ 84

Тунис, 5 января 1911 г.[1]

С Новым годом!

Милая мамочка! Весь день бродили по Тунису; вот площадь, где наш дом; за площадью вскоре — арабская часть города, узкие, живописные улицы, множество великолепных арабов, и бедуинов и негров; арабы в белых, синих и коричневых бурнусах; затащили нас в лавку, заставили меня купить феску, купили восточных духов — мускуса; я еще до сих пор ошеломлен; в глазах красочные пятна. Адрес: Tunis, Hotel Eymon, № 10. Мне. Лучше: Tunis, poste restante. Здесь смирно; может быть поселимся в окрестности, у арабов. Тогда напишу. Целую нежно; Ася берет сейчас ванну. Сутки качало море. Тете Кате привет. Целую. Б.Бугаев.

P.S. От Аси привет.

1. Открытка. Почтовый штемпель Tunis. 5.1.11.

№ 85

Тунис, 8 января 1911 г.[1]

Милая, милая мамочка!

Мы в Тунисе. Вот уже несколько дней не могу отделаться от целого ряда впечатлений. Все эти дни стояла великолепная погода; солнце, тепло: Тунис — весь белый; ослепительно белый, особенно арабская часть города: у европейцев здесь только один квартал с великолепными, как в Париже бульварами, улицами, виллами; его окружает кольцом арабский город: бесконечность узеньких путанных улиц с плоскими крышами; резными воротами и пестрыми изразцами; везде мечети; арабы сидят на корточках у открытых дверей на циновках. Как они великолепно драпируются в плащи; как разнообразны, пестры их костюмы ; белая, синяя, черная, коричневая, желтая или красная туника. а поверх — великолепный, почти всегда белый, плащ, или феска, перевязанная цветным платком. Вчера были в Бельведере, роскошном пригородном парке, разбитом французами; цветы, эвкалипты, рододендроны, фини-

ковые пальмы, с громадными кистями маленьких, еще только зреющих фиников; кругом поют птицы, как весной у нас; настоящее весеннее солнышко, а впереди громадное, голубое тунисское озеро и белый, белый, как снег арабский город.

Везде — чистота; как-то вечером пошли гулять по арабской части города: но там — мрак, как приведения, скользят арабы, а то мелькнет черная, хохочущая рожа негра; я из-за Аси побоялся идти вглубь; и мы — вернулись. Здесь правит бей, находящийся под покровительством Франции. Мы осматривали бейский дворец: он — маленький, как игрушечка.

Когда въезжали в Тунис вдали мелькали розовые пеликаны; иногда здесь под Тунисом встречаются и розовые фламинго.

Думаем в Тунисе прожить с месяц по крайней мере. Но не пиши на адрес гостиницы[2]; мы, вероятно, снимем виллу и поселимся в окрестностях; вернее и проще до окончательного адреса писать просто: *Tunis, poste restarante*; мы будем бывать часто на почте. Я бесконечно рад, что мы попали в Тунис; здесь так много колоритного, чего не увидишь в Европе; может быть, через месяц проедем из Туниса в Бискру, к границе пустыни; Бискра — это оазис, откуда начинаются пески, переходящие в Сахару; оттуда уже идет дикая Африка; но в Бискре все устроено на европейский образец.

Ну милая, прощай: еще раз с Новым годом[3]. Спешу кончить письмо; надо идти в *"Муниципалитет"*, где санитарная комиссия осматривает всех приезжающих: таков уж тут порядок.

От Аси привет; она Тебя целует. Любящий нежно Б. Бугаев.

P.S. Тетю Катю целую.

1. Датируется по почтовому штемпелю Tunis. 8.1.11.
2. Письмо написано Белым на бланке отеля Hotel Eymon и датировано писателем в правом верхнем углу 26 декабря без указания года.
3. «Сегодня встречали Новый год! ‹…› У нас зажжена маленькая, но очень хорошенькая елочка ‹…›. Пиши мне подробнее о Тунисе; Боже мой, ведь это Африка, это должно быть что-то совсем новое, и так отсюда далеко» — писала А.Д. Бугаева. (ОР РГБ. Ф.25. Карт.12. Д. 6).

№ 86

Тунис, январь 1911 г.[1]

Милая, милая мама,

Отчего нет письма? Я беспокоюсь. Всего за все это время получил лишь одно письмо. Пиши, пиши скорей. Мы устроились в арабской деревне. Здесь прекрасные окрестности. Каждый день пробегаюсь к морю. Только есть одно неудобство: в комнатах свищет ветер. В Тунисе внезапно наступили неслыханные холода. Здесь до нас 10 месяцев не шел дождь, да и вообще здесь не знают холода; а на наше несчастье вдруг — дожди; холодно, а дома неприспособлены. Второй день ревет с моря буря. Северный ветер и град. Ставни пляшут. Мы ходим закутанные: во все дыры свищет ветер и бьет дождь. И нам остается только одно: просить солнца. Пишу, а руки закоченели.

Сегодня не спали до пяти часов утра: так шипел, выл, свистел ветер, рвал и хлопал ставнями нашего дома. Два дня тому назад прошла великолепная гроза: ночью раскаты грома сливались в один, непрерывный гул.

Мы уже привыкли к арабам. Арабы гораздо культурней европейцев во многом: все у них свое, но на всем лежит печать благородства и изысканности, начиная с мечетей, которыми они себя окружают и кончая костюмом и внешностью. Милая мама, спешно заканчиваю письмо. Ася еще спит, а то приписала бы. Целую Тебя, моя милая, милая мамочка. Твой Боря.

P.S. Адрес. Afrique.Tunisie. Maxulla-Rades (pres de Tunis). A Madame Rebeyrol, buraliste de Rades. pour M. Boris Bougaieff.

Получала ли Ты флакон из Венеции?[2] Пиши скорей. Письма идут 12 дней. Только через 24 дня получу от Тебя весть.

1. Письмо датируется по содержанию и по связи с другими письмами из Туниса.

2 «Сегодня 29-го декабря и я получила Твою открытку из Туниса. ‹...› Сегодня получила и флакон из Венеции. Большое спасибо, он у меня уже стоит с духами на уборном столе». (ОР РГБ. Ф.25. Карт.12. Д. 8).

№ 87

Тунис, 21 января 1911 г.[1]
9 января[2]

Милая мамочка,

спешу Тебе написать. Сейчас получил две Твои открытки; 3 дня тому назад получил 2 монреальских письма. В тот вечер, когда Вы с тетей Катей сидели за елкой и Ты писала мне открытку мы с Асей сидели перед камином в Hontel e Eymon, курили арабское благовоние, пили шампанское, встречая русский *Новый год и вспоминали* Москву: я думал, что-то Ты делаешь?…

Дней 8–9 прожили мы в Тунисе: Тунис очарователен (арабский); это бесконечная путаница ослепительно белых домов с редкими окнами (большая часть окон выходит на квадратные, часто выложенные изразцами, чистенькие дворики); и потому арабская улица — чистый узкий в два аршина шириной проход между белыми стенами (это не стены — а бока домов); дома с плоскими крышами; на окнах литые с арабскими орнаментами решетки; здесь и там полукруглые резные двери, тоже с орнаментом; порой торчит кипарис, порой пальма; по улицам проходят арабы, женщины с открытыми лицами, негры, мулаты, здесь и там — купол или минарет; и вдруг попадаешь в базар — «*сукки*»; сразу оказываешься в пестрой толпе.

Здесь улица — крытая; в каждой улице лавки — только одного изделия; здесь целая улица продает духи; там — бурнусы; там — фески; там — металлические изделия; на иных улицах тут же в лавочке араб приготовляет свои изделия (все — ручной труд); вот улица — шерстяных тканей; ряд лавок; лавки углубления в стенах, выложенные пестрыми изразцами; посреди лавки ткацкий станок; араб ткет свои ткани; и тут же их продает; поэтому базары — «сукки» — целая система улиц, оживленная пестрой толпой. Мы с Асей полюбили шататься здесь. Купили арабских духов; каждый раз после араб, у которого мы покупали зазывал к себе в лавочку, такую изящную, усаживал на диван, угощал кофе и душил Асе платки. Арабы очень милый, благородный, гордый народ. На лицах их печать какой-то интеллигентности; старая культура, своеобразная, но богатая чувствуется в мелочах (ведь арабы когда-то влияли на европейское просвещение).[3]

Сейчас мы уже 8 дней, как в Радесе, арабской деревне. У нас очень мило; Ты спрашиваешь, есть ли солнце; о, да: было два, три холод-

ных дня. Но в помещении у нас холодно; здесь вообще холодов не бывает; арабы же так строят дома, чтобы дома могли укрываться от жары; в доме поэтому вдвое холодней чем наружи; в Тунисе зимой холодные ночи; днем же солнце греет, как у нас в мае; сейчас цветы цветут; апельсины и мандарины висят на деревьях. А в комнатах — холодно. Но мы с Асей забираемся наверх; у нас там комната с изразцовым полом, два рабочих стола, громадная кисть финиковой пальмы и устроенная прямо на полу софа: перед софой цветы, грелка и прибор кальяна: кальян — это куренье, где дым проходит сквозь воду, очищаясь от никотина. Изредка делаю поездки. У нас хорошо; главное, что мы живем среди природы; море — недалеко; горы — тоже. Вчера ездили в крестьянской тележке в Алиман-Лиф, где сейчас живет Бей; видели скалу с упавшим краем: по местной легенде это Магомед, преследуя неверных, отрубил саблей кусок скалы. Милая, милая мама будь здорова. Целую Тебя.

Ты спрашиваешь, хорошо ли мне: да, да, да. Я бесконечно счастлив; Ася — мое утешенье; с каждым днем мне с ней лучше и лучше; когда уезжаю за покупками в Тунис и не вижу ее полдня на меня нападает грусть. Милая, милая мама, как хочется Тебя видеть. У нас — целый дом; 6 маленьких комнат во втором и третьем этаже; в первом этаже только вход; мы живем совершенно одни; только утром на час приходит старушка убрать комнаты; вечером сидим на крыше; против нас арабское кафе; в черной ночи так ярко виднеются стены кафе, циновки на возвышениях; на циновках торжественно, важно полулежат белые бурнусы; иногда раздается протяжное, гортанное, грустное пенье.

Милая мама, целую Тебя. Ася Тебя целует; она скоро напишет Тебе.

Дорогая, Христос с Тобой. Б.Бугаев. Тетю Катю целую. Пиши, пиши...Адрес. Afrique. Tunisie, Maxula-Rades (pres de Tunis). A madame Rebeyrol. Pour M. Boris Bougaieff.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

2. А.Белый не поставил года.

3. «Живо представляю себе ту картину Туниса, что описываешь. — Пишет А.Д.Бугаева в письме от 3 января 1911 г. — Как это таинственно и хорошо у арабов и сколько изящества в стиле. У них и музыка своя тоже удивительная». (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12. Д.6).

№ 88

Радес, 1 февраля 1911 г.[1]

Милая мама,

вот общий вид Туниса, очень похожий. Это из парка Бельведер. Здесь мы с Асей, когда жили в Тунисе, гуляли. В Бельведере — тропическая растительность; парк простирается на версты и оканчивается в Тунисе. Целую Тебя Твой Боря.

P.S. Теперь все начинает цвести.

1. Открытка с видом Туниса. Почтовый штемпель Maxula: Rades. 1-2.11. 9

№ 89

Радес, 1 февраля 1911 г.[1]

А вот край Тунисского озера, между которым и морем стоит Радес. Стаи фламинго покрывают иногда по утрам озеро легкой, розовой фатой.[2] Милая мама, на днях пишу: а это только посылаю открытки. Целую. Боря.

1. Открытка с видом Туниса. Почтовый штемпель Maxula: Rades. 1-2.11.
2. Сейчас сраз получила все четыре открытки. — Сообщает А.Д.Бугаева сыну. — Я могу теперь приблизительно представить себе то место, людей, природу, в которой Вы теперь живете. А фламинго розовый, какая же это прелесть видеть его на свободе. Арабы тоже в своих белых бурнусах, как это должно быть красиво и стильно. (ОР РГБ. Ф. 25. Д. 6).

№ 90

Радес, 1 февраля 1911 г.[1]

Милая мамочка,

а вот карточка довольно точно изображающая арабское село. В таком точно селе мы живем. У нас точно такая же плоская крыша. Ну, целую Тебя. На днях пишу. Твой Боря.

P.S. Телеграмму получил.

1. Открытка с видом арабского села. Почтовый штемпель Maxula: Rades. 1-2.11.

№ 91

Радес, 12 февраля 1911 г
12 февраля (нового стиля)[1]

Милая, близкая, всею душой любимая мамочка!

Все эти дни собирался Тебе писать большое письмо, но писал фельетоны; кроме того, у Аси был жар; потом ездил несколько раз в Тунис, был в Карфагене; отправил Тебе четыре открытки — получила ли Ты их?.. Дорогая моя, ну зачем Ты беспокоишься: в Радесе бесконечно приятней, дешевле, интереснее да и, если уж говорить о безопасности, безопаснее Туниса. Во-первых: деревня; кругом поля, цветы, благоухание; а Тунис — город; во-вторых: здесь все время погода такова, что днем жарко ходить без всего; только свежие ночи, да и то: ночью иногда я прогуливаюсь по крыше без верхней одежды. Несколько свежее в комнатах; но это потому, что здесь дома строяться вовсе не для укрывания от холода, а наоборот: для защиты от жары; и потому здесь все — камень. В-третьих: гораздо интереснее в Радесе, потому что ближе к населению; видеть жизнь арабов и берберов из окна отеля — ровно ничего не видеть; Ты должно быть не знаешь, что мы живем у премилых французов (они сдают нам дом и сами живут рядом); он — M.Pinat, француз великолепно говорящий на всех арабских наречиях; мне он очень полезен, так как рассказывает очень интересно о здешней жизни. Ты пишешь, чтобы мы лучше возвращались в Европу…[2] Ну нет! После Туниса бледно и пресно жить… Хотя бы в Италии: так покажется бледно; и притом: сейчас во Франции холода до 20 ниже нуля; в Италии выпал снег; ехать в Европу — мерзнуть. А весна тут в полном разгаре; щебечут птицы, цветут белые, желтые, синие цветы, дикая спаржа, тюльпаны; сегодня я напал на целое поле маргариток; тут свободнее, шире, прекраснее Европы; и если мы из Радеса уедем, то уедем либо на юг Тунисии к Сахаре, либо на юг Алжирии, либо, что почти наверное … мы едем в Египет, к пирамидам. Египет на востоке от нас, и путь на Египет есть путь медленного приближения к России вдоль берегов Африки и Малой Азии; конечно — это крюк; но в Египте мы все же ближе к России, чем здесь. Египет еще южнее, там уже через месяц начинаются жары. Из Египта мы тогда поедем в Иерусалим; и оттуда через

Смирну, Константинополь в Россию. Уже у меня есть все сведения о Египте, путеводитель; и я вижу, что около Каира можно легко прожить. Я жалею, что мы с Асей сделали крюк по Европе; если бы мы поехали через Одессу-Константинополь в Александрию-Каир прямо, то мы имели бы средства доехать до Судана т.е. пересечь Египет и добраться до Хартума по Нилу, переплывя всю Нубийскую пустыню; теперь же нам придется ограничиться Каиром, то есть северной частью Египта. Мы еще не решили окончательно (Ася хотела сначала вернуться в Италию, но я ее уговорил ехать дальше), но решим в течении двух недель; если через[3] решим ехать, то едем через три недели в среду (раз в неделю, в среду пароход из Туниса отправляется на о.Мальту, где уже садятся на английский пароход). Если же мы в Египет не поедем, то у нас два других варианта; первый: мы едем на юг Тунисии до Гафсы, или Джербы; в Джербе садимся на пароход на Мальту; из Мальты в Корфу или в Италию, или же в Грецию. В Гафсе начинается пустыня; в Джербе великолепные пальмовые заросли; Корфу остров между Италией и Грецией с прекрасным климатом. Другой маршрут наш таков: из Туниса на Константану и Бискру; Бискра — великолепный пальмовый оазис у острогов Сахары; до Бискры едет удобный поезд; в Бискре отели всюду — комфорт; из Бискры через Алжир тогда мы едем в Сардинию и Корсику и оттуда в Италию. Но логичнее, удобнее и интереснее всего наш маршрут через Египет и Иерусалим в Россию. В России будем не ранее 1 июня, где бы мы ни были.

Милая, дорогая, если бы Ты видела, как сейчас хорошо в Радесе; здесь — все; и деревья, и долины, и горы, и громадное тунисское озеро, и в двадцати минутах ходьбы море; наш дом крайний в селе; он глядит прямо в Африканский простор, и мы с Асей часто думаем, что всего несколько сот верст отдаляет нас от начала Сахары. До сих пор не устали мы любоваться на арабов; движения, костюм, быт — все оригинально и благородно. Арабский костюм: сверху белый великолепный плащ (бурнус) и белый тюрбан на голове; когда араб завернется в плащ он — как белое привидение; по вечерам здесь и там в сумраке мелькают привидения-арабы; если же араб развернется, то он пестрый; под плащом туника — синяя, желтая, красная, зеленая, широкий кушак, цветная рубашка и красные кожаные туфли на белоснежных чулках. Основное население

здесь — *берберы* (или *барбары* откуда произошло слово *варвары*); но берберы когда-то дрались с карфагенянами и римлянами; самые храбрые римские войска вербовались впоследствии из них; но когда с востока пришли арабы (из Аравии), то берберы приняли мусульманство и смешались с населением; поэтому, когда говорят «араб», то говорят в двух смыслах; берберизованный *араб* и арабизированный *бербер* называются арабами в широком смысле этого слова; кроме таких арабов есть чистокровные *арабы* (не смешанные), это — потомки завоевателей; они здешняя аристократия, как и изгнанные в шестнадцатом столетии из Испании *мавры*; *мавры и арабы* аристократы; берберы — сельское население; кроме *берберов* и *арабов* здесь много *туарегов* (обитателей Сахары), которые в пустыне еще и до сих пор скачут вооруженные на конях и нападают на караваны; а нанятые на службу отличаются благородством и честностью; все сторожа здесь *туареги*; очень много здесь также пришлых негров-суданцев; эти — разбойники. Как-то мы с Асей были в нашем сельском кафе, когда туда пришли музыканты-бедуины; они играли на длинных дудках и били в громадный барабан «*там-там*». Один бербер изображал священную пляску *марабу*. «Марабу» — это мудрые юродивые; в каждом селе есть свой марабу; один раз такой, кажется марабу, старался напугать Асю; марабу чтятся. Были мы с Асей в Карфагене на остатках громадного города, который некогда вел войны с Римом около двухсот лет до рожд[ения] Христова; места, где мы живем исторические; прямо из окна перед нами Двурогая Гора, на вершине которой, убегающей в облако, некогда приносились человеческие жертвы богу Молоху; а по позднейшей, арабской легенде кусочек скалы отрубил саблей Магомет, преследуя неверных. Прежде здесь водились львы, слоны и пантеры; теперь же слоны и львы ушли в глубину Африки; только на южной границе Тунисии еще встречаются львы; там же множество антилоп; две антилопы пустыни есть в Радесе; они в клетке у богатого араба. Пантеры и до сих пор водятся кое-где в Тунисии; из других же зверей только гиены и шакалы остались в наших местностях. Летом здесь множество скорпионов. Сегодня с Асей лазили по деревьям, много гуляли, собрал я букет цветов; видели кузнечика, вовсе не похожего на нашего. Сейчас у меня на столе стоит карфагенская светильня, которой более двух тысяч лет; я ее купил

на развалинах Карфагена. Ну, довольно о Тунисии; я и так записался, дорогая мамочка: видишь — я счастлив, доволен, здоров; все хорошо; мне с Асей хорошо, радостно: она — мое утешение; люблю ее все больше и больше; мне кажется, что мы с ней уже давно, давно; и, кажется, мы будем вместе… Лишиться Аси было бы для меня величайшим горем: мне все более и более хочется ее беречь. Я вот пишу, а она свернулась на диване и спокойно, спокойно спит…

Дорогая, родная: теперь о деле; в предстоящие годы, пока я не закончу трилогии «Голубя»,[4] за которую получу (за обе части) не менее 5 тысяч, мне будет крайне трудно. Долг «Мусагету» 3000 я отрабатываю постепенно фельетонами; он погасится в полтора года; летом я пишу «Голубя». Может быть лето мы с Асей проведем у Софьи Николаевны в Боголюбах; там я пишу «Голубя». Обе части дадут мне до 5–6 тысяч рублей. Но пока я их напишу пройдет года 2; а пока на эти года мне необходимо спокойно работать. Не желая Тебя обременять, я конечно отказался бы от всякой помощи от Тебя; деньги за тульское имение я уступаю всецело Тебе; для Тебя же достаточно процента с этих денег да пенсии. Я Тебя не обременю; жить с Асей по всей вероятности мы будем не в Москве, а под Москвой, где удобнее работать (как это делают Метнеры). Все это я пишу для того, чтобы Ты поняла, почему мне надо, чтобы кавказское имение наше было продано. Тебе трудно и обременительно хлопотать о продаже имения. Я списался с Эм[илием] Карл[овичем] Метнером и с «Мусагетом». Друзья мои берутся устроить продажу. В виду этого Кожебаткин имеет от меня доверенность; он придет к Тебе вместе с Эм[илием] Карл[овичем] Метнером и Ал[ександром] Сергеевичем Петровским поговорить о Кавказском имении; дело о продаже движут они; у Кожебаткина большая опытность в ведении бумаг; Эм[илий] Карл[ович] Метнер и Петр[овский] будут осведомлены во всем. Они взялись это дело устроить ради меня, понимая, как мне нужна спокойная работа года на три, чтобы написать что-либо значительное. Сейчас я пишу фельетон за фельетоном; и это утомительно; если же продать или заложить имение, я буду хотя бы на 2–3 года обеспечен; а если ближайшие 2–3 года я не буду иметь спокойствия работы, я надломлюсь: если бы за два года я истратил бы 5 тысяч рублей, то эти пять тысяч вернуться обеими частями «Голубя». Каждая часть «minimum» стоит 2500–3000 тысячи; обе части 6000 тысяч; но для этого нужно два года работы только над «Го-

лубем», не отвлекаясь ничем другим, а жить надо. Вот чтобы иметь кредит у самого себя мне нужно, чтобы кавказское имение было продано, хотя бы за 5000 тысяч; но, верю, менее 10 000 тысяч не продадут; продажу берутся устроить для меня друзья. Прими их, не удивись их появлению и передай им бумаги. Они будут в сохранности. Передай непременно; уже теперь они приступят к собиранию всякого рода сведений и справок. У Эм[илия] Карл[овича] есть опытный Карл Петрович;[5] Кожебаткин необыкновенно умело устраивает продажу. Сереже он продал издание Соловьева;[6] и Сережа получил 7000 лишних против ожидания.

Ну целую. Христос с Тобой.Тетю Катю целую.

Нежно любящий Тебя Боря.

P.S. Ася передает привет.

1. А.Белый написал число, месяц, указал какой стиль, но год указать забыл.
2. «Переезжайте в Европу. — Увещевала А.Д.Бугаева сына в одном из писем. —На Ривьере совсем летняя прекрасная погода, цветут розы и К.П.Христофорова гуляет в одном платье. Зачем уехал так далеко?». (ОРРГБ. Ф. 25. Карт. 12.)
3. А.Белый зачеркнул слово "три" и зыбыл зачеркнуть слово "через".
4. Уезжая из Москвы, Белый занял у издательства «Мусагет» 3000 рублей, которые он должен был погасить написанием нового романа. Условно его назвали продолжением «Серебряного Голубя».
5. Метнер Карл Петрович (1846–1921) — отец братьв Э.К.Метнера и Н.К.Метнера, один из директоров компании «Московская кружевная фабрика».
6. Имеется в виду продажа прав на издание собрания сочинений дяди С.М.Солоьева философа В.С.Соловьева.

№ 92

Радес, 22 февраля 1911 г.[1]

Милая мамочка, Целую Тебя. Мы здоровы и счастливы. Боже мой, как весна здесь хороша. Вот открытка, изображающая «гурба» — бедную бедуинскую хижину...

На днях пишу. Ася кланяется Тебе и целует. Тетю Катю целую. Твой любящий Боря.

1. Открытка с видом Кайруана.Почтовый штемпель: Tunis. 27-2.11.

Наброски Андрея Белого, изображающие Жореса

З.Гиппиус и Д.Мережковский

Мюнхен. 19 век. Открытка

Венеция. 19 век. Открытка

Сицилия. 19 век. Открытка

Мальта. 1911. Открытка А.Белого

Тунис. 1911. Открытка А.Белого

Тунис. 1911. Открытка А.Белого

Тунис. Торговая лавочка

Тунис. Базарная площадь. 1911. Открытка А.Белого

№ 93

Кайруан 26 февраля 1911 г.[1]

Милая мамочка, привет из Кэруана,[2] священного города Тунисии. Приехали сегодня. На днях возвращаемся в Радес. О перемене адреса извещу (пиши на Радес). Сейчас под впечатлением Кэруана: ходили по мечетям. Кэруан стоит на песчаной безмерной равнине, поросшей жидкой травой; недалеко уже пустыня; и это — чувствуется. Устали: пестрота в глазах. Христос с Тобой, родная. Целую нежно. От Аси привет. Любящий нежно Б.Б. P.S. Верстах в 150 уже подлинная пустыня — отроги Сахары.

1. Открытка. Почтовый штемпель. Tunis. 22-2.11.
2. Так у А.Белого.

№ 94

Кайруан, 27 февраля 1911 г.[1]

Милая мамочка!

Завтра едем обратно из Кайруана в Радес. Какого мы великолепного видели дервиша, очаровывающего кобру (ядовитая змея): молодой, стройный, прекрасный с бледным интеллигентным лицом.[2] Здесь тепло. Дует ветер и поднимает песок. Сейчас у нас в комнате на столе стоял огромный букет бледно-розового миндаля с одуряющим запахом. Миндальные деревья в цвету и что за роскошь! Вот открытка с изображением гробницы марабу (мудреца, святого). Такие гробницы торчат из зелени на полях всюду в Тунисии[3]. Любящий Тебя. Целую. Боря.

Тетю Катю целую.

1. Открытка с видом Кайруана. Почтовый штемпель Tunis. 26-2.11.
2. Встреча с дервишем послужила материалом для написания очерка «Дервиш».
3. Поездка в Кайруан (город расположен к югу от Туниса) состоялась 26–27 февраля 1911 г. (См. Африканский дневник. // Российский архив. М., 1991. С. 340–348).

№ 95

Тунис, начало марта 1911 г.[1]

Милая мамочка, отчего нет писем уже две недели? Получила ли мое большое письмо? Получила ли открытки из Кайруана; когда Ты получишь это письмо, мы уже будем в Каире. Едем завтра. Пиши так. Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. A monsieur Boris Bougaieff. Если едем в Египет, то будем и в Иерусалиме. Иерусалим на пути в Россию и близко от Египта. Христос с Тобой, милая. Из Мальты пришлю открытку. От Аси привет. Б.Бугаев.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Tunis. 7-3.11.

№ 96

Тунис, 7 марта 1911 г.[1]

Милая мама, на случай потери первой открытки, пишу вторую. Едем в Египет. Пиши: Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. A m. Boris Bougaieff. Когда получишь, мы будем уже в Каире. Пришлю привет с пирамид. Христос с Тобой, родная, милая. Боря. От Аси привет.

1. Открытка.Почтовый штемпель: Tunis. 7-3.11.

№ 97

Мальта, 9 марта 1911 г.[1]

Милая мама! Сегодня — в Мальте. Пишу из Мальты: странный город;[2] весь в лестницах. У горожанок на голове — целые паруса (черные). Сегодня же едем через 3 часа в Александрию; море — спокойное; переезд 3 с половиной суток. Хотели день отдохнуть в Мальте — пришлось бы ждать еще 3 дня парохода. Целую. Твой любящий Боря. От Аси — привет. Боря.[3]

1. Открытка с видом Валетты.Почтовый штемпель: Valletta. 9.3.11.
2. А.Белый имеетв виду столицу острова Мальта Валетту.

3. «Письмо и открытку получила от тебя из Мальты. — Сообщала Александра Дмитриевна сыну. —Будешь в Иерусалиме помолись один и сильно, с верой! Привези мне крестик или образок оттуда и веточку какого-нибудь растения. (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12).

№ 98

Пароход "Arcadia", 11 марта 1911 г.[1]
Море. 11 марта 911 года (26 февраля)[2]

Милая мамочка, пишу Тебе с парохода. Вот уже четвертый день мы в дороге. Выехали из Радеса 8-го утром. В три часа выехали на пароходе из Туниса. В 9 часов утра девятого были уже около Мальты; в 10 часов были в гостинице, а в 4 часа дня тронулись в Порт-Саид (смотри на карте); с 9-го марта не видали ни земли, ни парохода; плывем уже три дня и две ночи; осталось до Порт-Саида еще двое суток. Качка. Ася первый день пролежала; второй сидела на палубе, а уже сегодня со мной ходила по всему пароходу. У носа черно-лиловые и черно-синие горы кидаются на пароход разбиваясь бледно-бирюзовыми водопадами; и уже под ногами пролетает пена. Сейчас через борт переплеснула с грохотом волна под нашим окошком. Если бы не встречный ветер, то тринадцатого (по Вашему 1-го марта) были бы в Порт-Саиде; а теперь будем лишь четырнадцатого. У нас с Асей большая каюта; у меня есть стол, и я сегодня сижу и пишу письма. От моря не страдаю ни капли. Даже намеков на морскую болезнь не было. Ася же все время боится, что заболеет. Наш пароход идет с грузом рельс от Гамбурга, через Испанию — Мальту — Порт-Саид — Красное море — Индийский океан на Филиппины, Японию и Китай; мы единственные пассажиры. За нами ухаживают; обедаем и завтракаем в обществе бородатого капитана, его помощника и механика. Команда все китайцы; 45 китайцев и 15 европейцев. Мы с Асей рады, что не на пассажирском пароходе; нет глупых туристов и уютнее, как-то более по-домашнему; после ужина мы подолгу беседуем с офицерами. Пароход немецкий, приспособленный к кругосветному плаванию; офицеры, смеясь, зовут нас дальше в Японию. Вот только неудобно писать; а то сидел бы и работал; все это время вот какой наш

режим: встаем в 8 часов; в 8 с половиной уже чай, кофе и легкий завтрак, после завтрака долго сидим на палубе. В 12 с половиной обед; в 3 часа чай; в 6 ужин. Сейчас десять часов и уже скоро спать. Нисколько не утомляемся.

Мама, как сейчас хорошо море; когда выезжали из Мальты, оно было синее с белыми гребнями, вчера оно было серебряно-оловянным, сегодня лилово-черным; уже теплеет; сейчас мы уже проплыли морем от Мальты по моему расчету 1500 километров, то есть более 1200 верст; остается еще верст 700. От Туниса до Порт-Саида морем более 2000 верст. Мы плывем по самой середине Средиземного моря: берег справа и слева очень далеко (несколько сот верст): в этих местах года два назад видели громадную морскую змею; справа от нас теперь — Африка, слева — Европа; справа идет Триполи (и уже скоро начнется Египет), слева кончается Греция и уже вероятно теперь идет Турция. Мы уже от Туниса очень далеко. Милая, родная, целую Тебя. Боря.

P.S. Ася целует. Тете Кате привет. Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. A m. Boris Bougaieff.

1. Письмо написано на бланке со штампом «Hamburg-Amerika Line». На таком же бланке Белый отправил письмо А. Блоку. См. п. 238. Белый — Блоку. Море. ‹26 февраля› 11 марта 1911 года. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. С. 388.
2. Датировка А.Белого.

№ 99

Каир, 15 марта 1911 г.[1]

Милая мама!

Пишу Тебе, потрясенный сфинксом. Такого живого, исполненного значеньем взгляда я еще не видал нигде, никогда. Вчера ночью на осликах мы с Асей ездили к нему мимо чудовищно-прекрасных пирамид. Луна была ослепительна. На голубом небе, прямо из звезд в пустыню летит взор чудовищного сфинкса[2]; и он — не то ангел, не то — зверь, не то прекрасная женщина. Когда феллах под головой сфинкса жег магний, он казался белой букашкой; а во вспышках магния насмешливо кривилось лицо сфинкса. Кругом

на мертвенном фоне песка тянулись черные тени верблюдов и феллахи, все в черном или белом, точно призраки, вырастали там и здесь из песка; а кругом — пустыня тихая, мертвая. Такой картины не забуду я никогда. Боря.

1. Открытка с видом Каира. Датируется по связи с другими документами.
2. А.Белый со своей спутницей прибыли в Каир 14 марта. В этот же день они посетили пирамиды в Гизе и видели Сфинкса. Ср. его письмо к А. Блоку от 2(15) 1911 г: «Вчера была для меня незабываемая минута. Я глядел с полчаса, не отрываясь в глаза сфинксу». Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. М., 2001. С. 390.

№ 100

Каир, середина марта 1911 г.[1]

Милая мама!

Привет с Нила. Сейчас сидим там, где карточка изображает Нил, под громадными пальмами; жарко, как у нас летом. Мы сейчас мы в европейском квартале. Справа великолепный парк, слева — Нил, вдали старый темно-серый Каир и два громадных минарета. Целую. Боря.

P.S. Ночью были у пирамид. Луна была ослепительна. Сфинкс глядел нежно.

1. Открытка с видом Нила. Датируется по связи с другими документами.

№ 101

Каир, 15 марта 1911 г.[1]
Египет 2 (15-го) марта

Дорогая милая мамочка!

Вот мы и в Каире. После почти недельного путешествия приехали на место. Жаль белоснежного Туниса и незабываемого, милого нашего Радеса, где провели мы так безмятежно два месяца, где полюбили каждую тропинку. Тунисские арабы произвели на нас дивное впечатление: добрый, гордый, прекрасный народ. Жили

среди них два месяца — ни одной неделикатности не встретили; под конец у нас в Радесе было много знакомых.

Дорога прошла так: в среду 8 марта т.е. 23 февраля выехали утром из Радеса; и только в среду 3 марта (16-го)[2] можно сказать, что водворились в Каире; с пароходом поехали из Туниса в 3 часа; на другой день проехали на остров Мальта в 9 часов утра. Пять часов пошатались по Мальте и часа в 3 отплыли в Порт-Саид (на перешеек: здесь начинается Суэцкий канал, ведущий из Средиземного моря в Красное), 9, 10, 11, 12 и 13 были в море не видя ни одного клочка земли, даже не встретили ни одного корабля. Сначала была качка, потом море стало совсем спокойным; мы были единственными пассажирами и очень сдружились с капитаном (добродушным стариком-немцем); он звал нас с собой в Индию и Китай, куда шло судно «Arcadia». Нам жаль было покидать корабль в Порт-Саиде; корабль наш из Суэца пойдет 20 дней, не приставая никуда в открытом море и океане. Порт-Саид лежит между Сирией и Египтом.[3] 13 вечером приехали в Порт-Саид, маленький город, лежащий между пустыней и морем; 14 утром с поездом поехали в Каир. Пересекли рукав пустыни; справа шел сначала Суэцкий канал; слева беспредельные пространства песка с кое-где шагающим верблюдом; на верблюде, весь белый, застывает феллах; мертвое, странное, величественное зрелище; потом пустыня пошла справа и слева; и вот вдруг около Нила зазеленело все; гигантские пальмы, цветы, трава, убогие деревеньки феллахов (помесь древних египтян с арабами); Египет — пустыня с каймой тропической растительности на несколько десятков верст по берегу Нила; и эта полоса тянется на многие сотни верст; в Египте нет ничего, напоминающего Тунис; пустыня врывается в эту полосу зелени отовсюду; уже под самым Каиром — пустыня беспредельна; а ближайшие пирамиды всего в расстоянии 50 минут езды по трамваю от города; мы с восхищением смотрим по сторонам, а наш спутник по вагону сириец-араб (фабрикант) одетый с иголочки на великолепном французском языке подробно все объяснял. Феллахи ходят в длиннейших раздувающихся хитонах темно-черного, красного, синего и белого цвета; бурнусы не носят; на голове египетская феска (не имеющая ничего общего с тунисской чечьей (феской)) или гладкая круглая ермолка из верблюжьего волоса; они огромного роста

с громадными египетскими (как на древних барельефах) плечами и красивее тунисцев; но они некультурны, грязны, жадны до денег; стоит двинуть пальцем, и на тебя с криком кидается стая феллахов, тащит насильно; вещи, например, переносит по крайней мере с десяток совершенно ненужных людей, и чтобы отделаться от них нужно ругаться и чуть ли не драться; турецкие городовые жарят по их спинам кулаками, а им — нипочем…

Каир — огромнейший город; европейский квартал со всем возможным комфортом; арабский совершенно не похож на Тунис. Тунис очарователен, весел, грациозен; Каир значительный, внушительный, поразительный; Тунис уютен, Каир — угрожающ; что-то есть в Каире подавляющее: тысячелетья прошлого невольно встают. Тунисия дешевая страна; Египет[4] чуть ли самая *дорогая страна в мире для туриста*; и потом здесь все жадно смотрят на иностранца. В Тунисе все собрано в одном месте, в Каире все разбросано; можно прожить месяц, с утра до ночи бегать, и все таки всего не рассмотришь: один музей египетских древностей с мумиями фараонов требует едва ли не двухнедельного осмотра: здесь масса достопримечательностей 1) арабских (мечети, базары, музей) 2) египетских 3) окрестности Каира замечательны тоже (пирамиды, дальние пирамиды, Мемфис, Гелиополь). Вчера ночью ездили вокруг пирамид и дальше в пустыню на ослах; завтра восходим на пирамиду Хеопса; послезавтра едем по египетским подземельям; вчера сидели на пирамиде Хеопса с час, ночью под нами — ряд громадных ступеней, над нами — стена ступеней, а у ног — черное жерло: спуск во внутренность. Туристы уже ушли; мы сидим на пирамиде одни: рядом с нами застыл в картинной позе феллах; над ребром пирамиды стояла луна и освещала безмерную белую пустыню без единой травинки; издали по песку плыли черные точки верблюдов; такой картины я больше не увижу никогда в жизни!..

Сегодня переехали из Hotel'я в меблированную комнату сравнительно за дешевую плату; пансион с чистой комнатой стоит нам за две недели 9 фунтов стерлингов т.е. около 300 франков; сто тридцать рублей; и здесь это — баснословная дешевизна; в среднем отеле не найти пансиона для двоих менее чем за 30 франков в день. А в хорошем отеле самая дешевая плата за пансион 10 рублей; дерут ужасно; такой дороговизны я вовсе не ожидал; каждый шаг — и

летят пиастры, да пиастры (египетская монета). К этой дороговизне приучили миллионеры-англичане и американцы. Мы с Асей испугались. Но плыть почти неделю и тотчас уехать невозможно. Мы уже отдали вперед за две недели. И вот пока мы в Египте мусагетских денег не хватит, то есть хватит только прожить, а дальше уже опять нет; из Египта через три недели едем в Иерусалим (там встретим либо страстную, либо Пасху). Иерусалим от Каира очень близок: ночь парохода и несколько часов езды. Из Иерусалима — две недели отдыха в Грецию; и оттуда — в Россию. Мы совершенно справимся со всем путешествием в денежном отношении; но выбраться из Египта, где ужасная дороговизна — невозможно; я получаю в известные сроки; срок получения — через две недели; к этому времени уйдет остаток денег; и из полученной суммы на дальнейшее путешествие не хватит; милая, родная — временно помоги мне; по возвращении в Россию я Тебе в несколько месяцев выплачу из суммы, должной мне за авторизацию «Голубя» в Германии.[5] Мне нужно временно 200 рублей, чтобы выбраться; Ты получишь письмо не ранее, как через 10–12 дней; пошли немедленно, голубушка, через Лионский кредит перевод на Каир; переводят в 4-5 дней; я непременно частями выплачу. Дороговизна Египта превзошла все мои ожидания, а то вполне бы хватило. Я рассчитывал, что главное в Египет — дорога, а дорога оказалась сущими пустяками в сравнении с жизнью. Голубушка — вышли же 200 рублей; отдам неизменно в течение 6 месяцев. Только бы добраться до России. Иерусалим, Греция нас не разорит; все равно эти страны на пути в Россию. Помоги же мама. По получении дай телеграмму, что вышлешь. Перевод сделай по следующему адресу (адрес смотри на последней странице). А телеграмму, что выслала деньги, пошли так: Afrique. Egypte. Kaire. A Boris Bougaieff. Poste restante. Не удивляйся, что в адресе нет имени хозяйки; № 23 и третий этаж — вполне достаточно. Милая, родная: прости, что прошу у Тебя помощи, взаймы. Но как же мне не бояться в Африке, среди хищных турок, что не хватит денег; составили подробную опись того, сколько нужно для Египта, по Бедекеру; и оказалось *несравненно дороже*; *«Мусагет»* же не сможет просто выслать лишних 200 рублей сверх высылаемой суммы; милая, так жду дней через 12 телеграммы, что деньги идут. Не бойся, родная: я все отработаю и отдам Тебе.[6]

Целую крепко. Хотел Тебе в письме послать *цветок лотоса*, но лотосы уже сошли; они бывают зимою; здесь днем нестерпимая жара, комары и москиты, а ночью в пустыне свежо.

И все-таки я не жалею, что здесь; будет что вспоминать всю жизнь. Христос с Тобой. Целую крепко. Боря.

Тетю Катю целую.

Адрес (точный) Afrique. Egypte. Kaire. A monsieur Boris Bougaieff. Rue Kasr-el-Nil. 23. Maison Sabach. 3 étage. Cher madame Pech.

1. Письмо датировано А.Белым без указания года.
2. Здеь у А.Белого явная ошибка. Если он «водворился» в Каире 16, то он не мог физически отправить письмо 2(15) марта 1911 г. Кроме того, сохранилаь открытка, посланная им А.С.Петровскому из Каира, на которой сохранился четкий почтовый штемпель: Cairo. 15.III.11.
3. Первоначально А.Белый написал «Аравией» и «Африкой». Эти слова были им зачеркнуты.
4. После «Тунисии» слово «самая» зачеркнуто и «Каир» заменен А.Белым на «Египет».
5. Речь идет об издании «Серебряного Голубя» в Германии, но переговоры с немецким издательством успеха не имели.
6. Жизнь и путешествие по Северной Африке стоили дороже, чем мог предположить Белый, который рассчитывал покрыть финансовые затраты за счет путевых очерков. «Из 60 фельетонов в двух газетах могут быть помещены, — писал Э.К. Метнер в Африку, — 30 фельетонов, следовательно, 30 фельетонов надо напечатать в «Русской Мысли». Сноситься же с другими газетами неудобно, т.к. «Речь» и «Утро России» перестанут печатать Ваши фельетоны, если их будут печатать еще две газеты». (Ф.25. Карт.20. Д.7). В связи с этими обстоятельствами Белый вынужден был обратиться к матери.

№ 102

Каир, март 1911 г.[1]

Дорогая мама!

Сидим пока в Каире: ждем денег. Милая, милая, вижу Ты выслала переводом по почте, а не по телеграфу; и это ужасно печалит; уже с неделю мы готовы к отъезду; остается ждать денег, по телеграфу деньги переводятся самое большее в 1,2 дня; по переводу, высланному почтой — 10 дней. Эти *десять* дней мы без толку про-

живаемся в Каире, ибо все осмотрели еще неделю тому назад; и теперь деньги, которые ассигновали на Иерусалим, проживаем только ради ожидания денег. *«Мусагет»* мне всегда высылает по телеграфу, ибо расстояния громадны и письма идут очень долго, а в море, если буря, задержка вдвое.[2]

Родная, Ты конечно этого не знала, а я не догадался Тебе написать; телеграмму Твою получил уже дней 9, а денег все нет. Если получим деньги на днях, на днях же уезжаем; теперь с опозданием денег мы даром прожили здесь по крайней мере 100 рублей; и это обидно. 200 рублей нам было нужно в предположении, что в течение двух недель они придут. Мусагетская порция денег пришла давно, и мы бы теперь уже несколько дней были бы в Иерусалиме, а вот на ожидание денег могут уйти ожидаемые деньги.

Родная, целую Тебя. Христос с Тобою. Любящий Тебя Боря.

1. Письмо датируется по содержанию и по связи с другими письмами, в частности, к А. Блоку, А.С. Петровскому и Э.К. Метнеру.
2. При отъезде из Москвы Белый и Э.К. Метнер решили, что нет смысла брать с собой в дорогу все деньги, занятые у «Мусагета», а получать их небольшими порциями. Деньги из Москвы приходили неаккуратно и в неопределенные сроки, что приводило писателя в крайнее раздражение.

№ 103

Каир, 16–18 марта 1911 г.[1]

Дорогая мамочка,

Спасибо, что пишешь: всякий раз так хорошо от Тебя получать письмо. Милая мамочка; вот наш маршрут: дней через десять мы трогаемся в Иерусалим. Вероятно самое большое пробудем там, в Палестине неделю (посетим Иерусалим, Геннисаретское озеро, Галилею); Иерусалим у нас лежит прямо на пути: от него рукой подать до Египта; из Иерусалима наш путь лежит прямо на Афины (это же путь возвращения в Россию). В Афинах отдохнем с дороги недели две; кстати посмотрим Грецию. Из Афин прямо едем в Константинополь (тоже на пути), где пробудем очень недолго; если пароход стоит день, то и не слезем с парохода; сделаем лишь турне по городу. Милая, родная: пиши теперь, когда получишь это пись-

мо, так: *Grece*. Athenes. Poste restante. Узнай, милая, наведи справки, есть ли в Одессе чума. Если в Одессе чума, то мы едем из Константинополя не на Одессу, а на Констанцу — Бухарест — Лемберг — Луцк, т.е. через Румынию; не хочу с Асей даже проезжать через чумный город; если же в Одессе чумы нет, из Константинополя едем в Одессу прямо; и тогда на несколько дней я заеду в Луцк. Из Луцка еду на неделю на две в Москву, к *Тебе прежде всего*, и к *«Мусагету»* (множество вероятно накопилось дел); и потом возвращаюсь в Луцк на лето. Теперь: Ты собираешься в Эссентуки; родная, подожди меня; буду ждать Твоего письма в *Афинах*.

Милая, милая, милая мама: насколько хороши природа и древний Египет, настолько же грязен, пестр, дорог, неуклюж Каир. Здесь совершенно иной стиль костюмов, мечетей, более массивный, неуклюжий; чувствуется уже близость Турции. О, насколько изящнее, проще, милее белоснежный Тунис и белоснежный Радес; здесь мы скучаем с Асей по милому Радесу, по полям и цветам, по изящным арабам; вспоминаем лунные вечера, проведенные на крыше; здесь, в Каире, страшная жара; и чувствуется громадный город (в Радесе же мы жили в деревне). Наконец, французы бесконечно милее неприятных, за все дерущих англичан; за небольшую телеграмму в Москву с меня содрали 20 франков, т.е. 8 рублей !.. Иногда из пустыни дует жгучий ветер, *хамсин*, и тогда над городом желто-бурая мгла: мне приходится надевать на глаза синюю вуаль. Милая мама, как-то на днях с Асей катались по Нилу в легкой парусной лодке вот такой формы <...>[2]

Паруса на них с синими полосами, а сама лодочка древней формы.

На днях же всходили на Хеопсову пирамиду. Сначала хотели лезть одни, но нас не пустили: недавно разбился один англичанин, и лазить без феллахов нельзя. Мы полезли с шестью феллахами; для каждого человека — трое феллахов; сначала мы возмущались, но впоследствии оказалось, что это — было необходимо; каждая ступень Асе приходилась выше колена, а многие приходились по шею. На каждую ступень нужно влезать, а не ступать. Ступеней — несколько сот. Ступени — узкие; когда мы были на середине пирамиды люди уже казались крошечными мухами; под ногами — бездна крутых, обрывающихся ступеней, напоминающих наклонно

падающую стену; над головой — убегающая в небо стена ступеней; посередине пирамиды маленькое углубление: здесь стоял Наполеон, который не поднимался выше середины пирамиды. Когда мы полезли выше, то уже под самой вершиной Асе сделалось дурно; нас кольцом окружили феллахи; мы сидели на узенькой ступеньке, точно прилепленные к ней из воздуха: ни вниз, ни вверх идти было нельзя; и вот тут на минуту охватило жуткое чувство; и я был рад, что с нами феллахи; уже темно; вдали открывалось пространство белых песков; чтобы пересечь ту пустыню нужно полтора месяца ехать на верблюде; эта пустыня простирается до стен Каира.

На вершине пирамиды мы сидели до темноты; назад спускаться легче. Феллахи буквально взметывают людей наверх, не давая времени передохнуть. Милая, милая мама; целую: жду в Афинах письма. Любящий Тебя нежно Боря.

P.S. Ася Тебя целует.

P.S. Милая, если б Ты знала, как мне хорошо с Асей: как я ее люблю.

1. Датируется по соотношению с другими письмами и по содержанию.
2. Знак купюры поставлен на месте рисунка, судя по четкой графике, А.Тургеневой с изображениемй нильских лодок. Такой же рисунок есть в письме Белого к Э.К. Метнеру (ОР РГБ. Ф.167. Карт 2. Д.3.)

№ 104

Яффа, 10 апреля 1911 г.[1]

Дорогая мама!

Христос Воскресе. Пишу из Яффы. Сегодня вечером в Иерусалиме: нежно любящий Боря.

<Далее рукой Аси Тургеневой>

Милая Александра Дмитриевна,

Христос Воскресе и радостные праздники.

Ася.

1. Датируется по дате праздника Пасхи. В 1911 г. Пасха праздновалась 10 апреля.

№ 105

Иерусалим, 10 апреля 1911 г.[1]

Милая мамочка!

Как хорошо в Иерусалиме после Египта. Страна рдеет цветами. Сегодня были у Гроба Господня,[2] на Голгофе и у старого Иерусалимского Храма (Соломонова Храма). Здесь встретили русскую Пасху. Проживем здесь вместо Греции. Завтра переселяемся в Сергиевское подворье; здесь целый русский городок; так странно было увидать толпы мужичков среди арабов и турок. Остановились в аглицком отеле; но в Сергиевском подворье втрое лучше. Русских здесь более всего.

Христос Воскресе. Боря.

P.S. Едва уехали. Чек так-таки не получил: деньги выдали из любезности. Если бы не банк, просидели бы две недели из-за ожидания…

1. Датируется по соотнесенности с предыдущим текстом.
2. Подробное описание храма Гроба Господня дано в письме Белого к А.С. Петровскому от 1(14) апреля 1911 г. Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого. / Публ. Н.В. Котрелева. // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.172–174).

№ 106

Иерусалим, 11 апреля 1911 г.[1]

Милая мама!

Христос Воскресе. Встретили Святую ночь в Храме Гроба Господня. Послезавтра едем. Наш путь: Смирна — Константинополь; в Константинополе пробудем дней пять; потом Одесса — Луцк. В Луцке пробуду неделю, потом побываю в Москве. После того, как получишь это письмо, скоро увидимся. Христос с Тобою. Тетю Катю целую. В Афинах не будем. Любящий Тебя Борис Бугаев.

1. Открытка. Почтовый штемпель Иерусалима стерт. Московский почтовый штемпель — 25.4.11.

№ 107

Одесса, 22 апреля 1911 г.[1]
Море. 22 апреля.

Дорогая мамочка,

Пишу Тебе в виду Одессы. Через полтора часа мы в порту; но таможенный осмотр, санитарный и транспортный будут лишь завтра утром. Завтра же вечером постараемся уехать в Киев, послезавтра едем в Луцк и в понедельник 25-го мы в Луцке. Адрес наш таков. Луцк (Волынской губернии). Боголюбы. Владимиру Константиновичу Кампиони[2] для Б.Н.Бугаева. Через неделю-полторы после приезда еду в Москву.

Мы очаровательно провели время в Иерусалиме, попав в понедельник вербной недели и встретив Пасху. Все главные церемонии были на наших глазах: ход с пальмами к пещере Лазаря, омовение ног, благодать Огня в Храме Гроба Господня и святая заутреня (там же). Палестина вся рдела маками, когда мы там были. Но после Египта нам казалось холодно; в Каире нас невероятно жарило солнце и душил *хамсин* (палящий ветер пустыни); от *Порт-Саида* (Египет) до *Яффы* (Палестина) ночь езды, а уже природа, люди и климат совсем другие. Выехали мы из Яффы 11-го апреля вечером, а сегодня уже 22-ое, т.е. мы на корабле уже живем одиннадцатый день; и так мы свыклись с морем, что слезать не хочется. Плыли мы так. Выехали из Яффы во вторник 11-го в 10 часов вечера, прибыли в *Кайфу* 12-го на следующее утро. Выехали из Кайфы[3] утром же и прибыли в *Бейрут* к вечеру. В Бейруте мы поплыли вдоль сирийского берега Аравии. Из *Бейрута* вышли 12-го вечером и прибыли в *Александретту* 14-го утром; из Александретты вышли 14-го утром и прибыли в *Мерсину* 14-го вечером; с Мерсины (очаровательного уголка со снежными горами) пошла уже Малая Азия и кончилась Сирия; из Мерсины вышли 14-го вечером и прибыли на остров Родос 16 утром. С 16-го мы пошли греческим архипелагом (дивными дикими островами, омытыми голубым морем); два дня мы пересекали архипелаг; 16-го вечером прибыли в *Хиос*, а 17-го утром в *Смирну*, где в виду холеры стояли вдали от берега; 18-го утром мы прошли *Дарданеллы* и пошли уже не Средиземным, а Мраморным морем; 18-го вече-

ром вступили в Босфор и встали перед *Константинополем*; 19-го девять часов без устали ездили, бродили и плавали по Константинополю; 20-го тоже; 21-го к вечеру прошли Босфор и вступили в Черное море; и вот сегодня, сейчас огни Одессы приближаются. Милая, милая, целую Тебя: скоро увидимся. Любящий Тебя нежно Боря. Ася целует. Тете Кате привет.

1. Письмо датировано А. Белым.
2. В.К. Кампиони — отчим А.А. Тургеневой, служил под г. Луцком лесничем.
3. Так писатель называет г. Хайфа, расположенный на Средиземном море.

№ 108

Боголюбы, <конец июля> 1911 г.[1]

Дорогая мама,

Получил Твое письмо.[2] Что с тобой? Меня до крайности тревожит Твое нездоровье. Пиши. Мы с Асей живем очень тихо и хорошо. Может быть, на август поедем к Маргарите Кирилловне.

Живем с Асей теперь отдельно, в домике; у нас в окнах с одной стороны лес, с другой — поля.

Читаю, работаю,[3] время идет незаметно; особенно с Асей: она — такой мой друг.

Дорогая мамочка: мне чрезвычайно больно и обременительно исполнить одну Твою просьбу,[4] хотя, конечно, ее исполню: Ты сама знаешь, что чужим я Твои письма читать не даю; но при всей атмосфере доверия и отсутствия каких бы то ни было тайн друг от друга между мной и моей женой мне чрезвычайно больно не давать читать Твои письма (ибо я читаю все письма Аси и она — мои); мне и так приходится прятать Твои письма от нее: Ася всегда просит меня передать Тебе свой привет и разные другие слова, а между тем Твое полное молчание о ней заставляет меня прятать от нее Твои письма: она огорчилась бы Твоим неупоминанием о ней. Мне грустно Тебе это писать. Но… как же иначе? Приходится.

Ну всего хорошего. Желаю Тебе всякого благополучия и здоровья.

Твой Б.Бугаев.

1. Скорей всего письмо написано в конце июля, поскольку А.Белый пишет о намерении поехать к М.К.Морозовой в ее имение Михайловское.Об это же он пишет и в письме от 31 июля 1911 г. А.С.Петровскому.
2. Июнь — июль 1911 г. Белый провел в селе Боголюбы, близ Луцка, где жили мать А.А. Тургеневой С.Н. Кампиони и ее отчим.
3. В это время Белый работал над книгой «Путевые заметки». Воспоминания об африканском путешествии.
4. Дело в том, что А.Белый в мае приехал в Москву с тем, чтобы в очередной раз занять у Александры Дмитриевны денег: «Десятидневная жизнь в Москве кончается роем недоразумений с мамой, не желающей денежно мне помочь (между тем как я ей отдал когда- все деньги, оставшиеся от папы, и ей же пошли деньги от продажи имения (*Серебряный колодезь — С.В.*); у меня 3000 долга «Мусагету» <...> а надо поставить осенью жизнь с Асей в Москве; мама же жестоко бросает мне, что я желаю ее обобрать, тогда как я прошу по человечеству лишь 1000 рублей на устройство жизни с Асей, тут бросается мне: *Тургеневы эксплуатируют меня; Ася — интриганка.* (Материал к биографии. Л.94).

№ 109

Берлин, 31 марта 1912 г.[1]
Марта 18. 1912 года

Милая мамочка!

Как мы счастливы с Асей: все хлопоты за плечами и нам великолепно. До Берлина ехали хорошо, незаметно. В Берлине: завтра утром — в Кельне. Весь день сегодня шатались по Берлину: тепло, распускаются деревья. Обедали — пили великолепное мюнхенское пиво, ходили долго по королевской картинной галерее. Потом отправились через весь Берлин к Эллису, но Эллис уже в Финляндии.[2]

Потом долго гуляли по солнечным улицам: взяли извозчика и изъездили весь Thiergarten, Unter den Linden, Friedrichstrasse. Берлин сейчас красив, сух, чист.

Устали ужасно: завтра утром — в Кельн, где пробудем сутки, а потом уже в Брюссель. Как не остановится в Кельне у старого, старого собора.

Сейчас Ася берет ванну, а я ее поджидаю с чаем. Потом — спать: завтра в 6 утра в Кельн.

Одно только противно: всю дорогу болит десна.

Ну Христос с Тобой, милая. Видишь — пишу часто. Боря. Целую.

P.S. Знаю, что если не пошлю Тебе привета от Аси, то она меня за это прибьет. Тете Кате наш привет.

1. Письмо написано на бланке отеля «Hotel Kosmos». Датировано А.Белым по ст. ст.
2. Эллис, стал последователем Р. Штейнера, осенью 1911 г. уехал за границу с целью встать на путь «ученичества» у Штейнера. См.: Виллих Хайде. Эллис и Штейнер// Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С.182–191.

№ 110

Брюссель, 2 апреля 1912 г.[1]
21 марта 1912 г.[2]

Дорогая мамочка,

Вчера вечером приехали в Брюссель. Остановились в чопорной гостинице и сегодня отправляемся искать себе помещение. Доехали прекрасно. Сутки пробыли в Кельне: что за очаровательные город; собор — это одно великолепие. Так бы и не выходить оттуда. Сегодня будем у Асиного учителя, Данса.[3] Вероятно, завтра, послезавтра переберемся. Тогда напишу точный адрес. А пока: Bruxelles. Poste restante. Христос с Тобой. Любящий Тебя Боря.

От Аси привет и поцелуй. Тете Кате кланяемся.

1. Письмо написано на бланке отеля «Palace Hotel». Датируется по брюссельскому почтовому штемпелю.
2. Датировано Белым по ст.ст.
3. Данс (Дапсе) — известный гравер в Брюсселе. «Поражает меня и Асин учитель: Дапсе. — Пишет А. Белый А. Блоку 4(17) апреля 1912 г. — Это великолепный старик, пользующийся уважением и известностью в Бельгии.Ему уже 86 лет...». Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. — М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С.448.

№ 111

Брюссель, 4 апреля 1912 г.[1]

Милая мамочка!

Привет. Приехали. Хорошо в Брюсселе. Наш адрес: Belgique. Bruxelles. Rue St.Lazare. 69. Chambre № 8. Целую Тебя нежно. От Аси привет.

Боря.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Bruxeller. 4.04.1912.

№ 112

Брюссель, 10 апреля 1912 г.[1]

Милая мамочка,

Христос Воскресе.[2] Наш адрес: Belgique. Bruxelles. Place St. Gudule. № 25. A monsieur Boris Bugaieff. Пишу коротко, потому что больны чуть-чуть. Когда [оправимся] напишу. Боря.

1. Открытка с изображением собора. Датируется по почтовому штемпелю: Bruxeller. 10.04.1912.
2. Пасха в 1912 г. по православному календарю 25 марта.

№ 113

Брюссель, 12 апреля 1912 г.[1]

Милая мамочка!

Окна наши выходит вот на этот собор, почти так вот, как на этой открытке. Христос Воскресе. Любящий Тебя Боря.

1. Открытка с изображением собора St. Gudule. Датируется по почтовому штемпелю: Bruxeller. 12.04.1912.

№ 114

Брюссель, <середина апреля> 1912 г.[1]

Милая мамочка!

Пишу Тебе первый раз письмо. Дело в том, что мы с Асей оба схватили сильнейший грипп и лежали в жару пять дней. Оттого писал только открытку. Теперь поправляемся совсем: вероятно скоро можно будет выходить. Живем мы на соборной площади: окна выходят на старый, старый собор: St. Gudule. Это самый большой и старинный собор в Брюсселе. В Брюсселе нам будет хорошо. Пока еще мы не жили, собственно говоря, настоящей жизнью: по приезде дни проходили в отыскании помещения, а потом Ася схватила сильнейший грипп. Через 2 дня я. И едва мы переехали на место и Ася должна была приняться за работу, как неделя выпала у нас в болезнях.

Брюссель большой интересный город. В нем великолепный музей, ряд предместий, утопающих в зелени; центр города напоминает Париж; а другой, старый город, представляет собой нечто очень своеобразное.

Милая мама: у Вас теперь пасхальная неделя. У нас — тоже. Как Твое здоровье: пиши о себе. Ну всего хорошего. Искренне любящий Тебя Твой Боря.

Адрес: Belgique. Bruxelles. Place St. Gudule. № 25. A monsieur Boris Bugaieff.

<Далее рукой А.Тургеневой>

Милая Александра Дмитриевна, хотя и поздно немного — Христос Воскресе!

Вы не пугайтесь тому, что Боря писал о нашей болезни. Доктор сказал, что это только сильный грипп. Теперь жар прошел, остается кашель, но скоро можно будет выходить. За нами ходит одна знакомая, мой учитель и знакомый доктор.

Скоро примемся за работу. А вы как? Хорошо провели праздники? Тепло ли было на Пасху. Все предсказывали холода. Целую Вас очень. Ася. Наш привет Екатерине Дмитриевне.

1. Письмо датируется по содержанию.

№ 115

Брюссель, 18 апреля 1912 г.[1]
Брюссель, 5 апреля

Милая мама,

Что же ты не пишешь? За все время мы не получили от Тебя ни одного письма. Писала бы хоть на Poste-restante; это — самый удобный адрес, когда не знаешь адреса точного. Мы всегда заходим на Poste-restante. Мы было остановились в одном пансионе и оттуда я писал Тебе; но вскоре мы оттуда уехали. Теперь мы живем на старой площади перед старым, старым собором. У нас две милые комнаты и уютно.

Наш адрес Belgique. Brusseles. Place st. Gudule. 25 A monsieur Boris Bugaieff. Это удивительно живем здесь с 25 марта. Теперь 5 апреля, и никаких писем. 25 марта, в день переезда заболели мы с Асей: недолго у нас были жесточайшие гриппы. Три дня у обоих температура поднималась почти до 40. Был 4 раза доктор. Теперь мы поправились почти. Третий день, как ходим. Погода здесь стоит чудная: всюду цветы. В Брюсселе много зелени. На днях поедем провести день в Брюгге (около 1,5 часа езды от Брюсселя) — помнишь Брюгге у Роденбаха.[2] Роденбах — бельгиец и тут его хорошо помнят.

Милая мамочка, было ли у Вас четвертого апреля солнечное затмение. Вчера в Брюсселе около 12 часов дня на безоблачном небе вдруг стало меркнуть солнце и приняло форму узкого месячного серпа: стало темно, как в сумерках и ложились какие-то странные тени, мертвенные. Затмение продолжалось около часу. Полного затмения не было. Кажется в Москве затмение было видно.

Милая мама, мы довольно часто обедаем у Асиного учителя Dance. Это великолепный старик. Ему уже 86 лет, а он бодр, как юноша.

Ну Христос с Тобой: пиши же скорей и побольше о себе, о том, что в Москве. Нежно любящий Тебя Боря.

Ася целует Тебя: она еще лежит в постели.

1. А.Белый датировал письмо по ст. ст. 5 апреля.
2. Роденбах Жорж (1855–1898) — бельгийский прозаик и поэт. Спрашивая у А.Д.Бугаевой о Брюгге он имел в виду роман писателя «Мертвый Брюгге».

№ 116

Брюссель, апрель 1912 г.[1]

Дорогая милая мамочка!

Чувствую теперь себя превосходно. У Асиньки продолжается еще кашель, но грипп прошел: дорогая мама, верь же мне — мы совсем поправились и уже 6 дней выходим. Сейчас в Брюсселе чудно: зелень густая, цветут тюльпаны и огромные цветы белых магнолий. Вчера были на представлении Вагнеровского Лоэнгрина. Часто бываем у Данса, учителя Аси. Не беспокойся, дорогая мамочка, нам хорошо и всякая болезнь прошла. Было плохо святую неделю. Представь себе: у обоих 4 дня жар был около 40 не спуская. И я было уже пал духом: все время бывал доктор. Но было очень неудобно с прислугой: прислуга здесь приходит убирать по утрам. Мы живем на 3-ем этаже, а наша хозяйка в первом. Во время жара доктор не позволял выходить из комнаты, и мы на несколько дней были совершенно отрезаны от людей.

Родная, хорошая, спасибо за весточку о Тебе. Живем мы монотонно и тихо.[2] Встаем в 10, 9 часов. Работаем: в час дня идем обедать в ресторан; после шатаемся до 4,5 часов по городу. В 6 уже дома, а в 11–12 часов — спать. Дни идут незаметно, спокойно, тихо: здесь много, много цветов, и мы покупаем себе цветы. Сейчас начинает цвести сирень.

Живем мы в старинной части города: недалеко от старой ратуши; перед нашим домом огромный собор: я его Тебе пришлю на открытке. Скоро собираемся в солнечный день съездить в Антверпен, старый бельгийский город, находящийся на море и от нас в расстоянии S езды по железной дороге. Поедем и в Брюгге (2 часа езды). Ведь мы — на родине Роденбаха (помнишь «*Корильонер*» и «*Мертвый Брюгге*»).[3] Асины знакомые знавали хорошо покойного Роденбаха. Здесь в конце нашего апреля ждут Метерлинка из Франции и будут чествования его.

Сейчас в брюссельском театре цикл вагнеровских опер. Мы хотели попасть на «*Тристана и Изольду*» и «*Гибель богов*». Но билеты все давно уже разобраны. Попадем, и то не наверное, лишь на «*Гибель богов*».[4] Ну Христос с Тобой, милая родная: пиши почаще. Твое письмо пришло лишь 10 апреля, т.е. неделю было в пути. Целую крепко. Боря. Тетю Катю целую.

<*Далее рукой А.Тургеневой*>

Милая Александра Дмитриевна,

Право не беспокойтесь — Боря совсем здоров и я тоже — у меня еще кашель и от кашля болит ухо. Но доктор говорит, что это скоро пройдет. Погода великолепная, днем почти не жарко. Живем тихо и хорошо, гуляем, едим и набираемся сил. Понемногу начинаем работать. Месяца через 1 S — 2 едем к д'Альгеймам.

Целую Вас милая Александра Дмитриевна. Екатерине Дмитриевне мой привет.

Ася.

1. Письмо датируется по содержанию в связи с другими источниками.
2. «Брюссель — жизнь в Бельгии; болезнь; странные сны; изучение фламандской живописи; беседы с Дансом». (Ракурс к дневнику. Л. 56 об.).
3. А.Белый упоминает романы Жоржа Роденбаха «Корильонер» («Le carillonneur» — «Звонарь» — 1897 г.); в русском переводе роман вышел подназванием «Выше жизни», «Мертвый Брюгге (1892 г.).
4. А.Белому и А.Тургеневой удалось попасть на три оперы Р.Вагнера. «После нашей болезни и совершенно заббытого сна мы были на трех Вагнеровских спектаклях с байрейтскими исполнителями («Лоенгрин», «Тристан», Валькирия)» (Андре Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001. С.455.

№ 117

Брюссель, 21 апреля 1912 г.[1]

Милая мамочка!

Посылаю письмо одновременно с открыткой: вот собор, перед которым мы живем. Крестиком я отметил наш дом. Успокойся, мамочка, мы здоровы и все хорошо. Христос с Тобой.

<*По левому полю почтовой карточки рукой А.Белого.*> Boris Bougaieff. Belgique. Bruxelles. Palace S-te Gudule 25.

<*На лицевой стороне почтовой карточки рукой А.Белого*>. В этом доме живем.

1. Открытка датируется по почтовому штемпелю: Brussel. 21. IV. 1912.

№ 118

Брюссель, 25 апреля 1912 г.[1]

Милая мамочка!

Получила ли Ты открытку, где я пишу о Венгерове.[2] Это — очень важно. Сделай поскорей. Мы здоровы. На днях были на «Тристане и Изольде». Чудовищно хорошо. Посылаю открытку с брюссельской улицей. На днях едем в Брюгге. Целуем Тебя (я и Ася). Боря.

1. Открытка с видом собора. Почтовый штемпель: Bruxeller. 21.04.1912. На лицевой стороне почтовой открытки рукой А. Белого: «В этом доме живем».
2. Венгеров Семен Афанасьевич (1885–1920) — историк литературы, известный библиограф.

№ 119

Брюссель, 25 апреля 1912 г.[1]

Милая мамочка!

У меня к Тебе просьба. Вышли профессору Венгерову немедленно папин портрет для «Энциклопедического словаря». В энциклопедическом словаре печатаются биографии русских ученых и деятелей. Кожебаткин в прошлом году не отправил портрета, забыл: портрет заложен у меня в вещах; по возвращении я верну папин портрет, который у Тебя взял Кожебаткин. Венгеров год ждет моего папиного портрета. И мне совестно, что я перед очень почтенным человеком так некорректен. Вышли Венгерову немедленно карточку папы по следующему адресу: С.-Петербург. Загородный 21. кв.36. Профессору Семену Афанасьевичу Венгерову. Целую Тебя. Здоровы. Идем сниматься (для Венгерова). Вот вид брюссельской ратуши. Тетю Катю целую. Боря. От Аси привет и поцелуй.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Bruxeller. 25.04.1912.

№ 120

Брюссель, 10 мая 1912 г.[1]

Милая мама!

Пишу Тебе после долгого перерыва. Все эти дни мы то были не дома, то работали, то видели людей: наконец, — мы 2 дня были в Кельне (Кельн от Брюсселя в нескольких часах пути). Мы слышали 3 лекции Штейнера и даже познакомились с ним. Прекраснее и сильней этого человека я не видал никого.

Нам очень любезно разрешили присутствовать в заседании его ложи. Перед этим слушали «*Гибель богов*» с байретскими исполнителями; в день же возвращения из Кельна попали на чествование Метерлинка. Метерлинк выглядит гораздо старше, чем на портретах: у него совсем седая голова. Шла его «Пелеас и Мелизанда» с музыкой Форе. Мелизанду играла жена его, выступающая на сцене под именем Жоржетты Леблан, и играла великолепно.

Я познакомился здесь с несколькими бельгийцами; и мы часто бывали в гостях у Данса, у одной барышни, и т.д. Мы часто бываем в обществе M-r и Madame Destre. Он — писатель, адвокат и депутат в здешнем парламенте; жена его очень милая дама и дружит с Асей.

Ася много работает. Сейчас она чуть-чуть нездорова и уже легла; из постели просит Тебя поцеловать. Она Тебе напишет.

Спасибо за то, что переслала карточку Венгерову. Мы с Асей снялись и портреты Тебе на днях пошлем.

Привет Екатерине Ивановне Черновой.

Милая, пиши мне: пиши, когда переедешь в Демьяново и куда теперь Тебе писать. Христос с Тобой. Нежно любящий Тебя Боря. Тетю Катю целуем.

В Брюсселе мы до первых чисел июня. А потом у д'Альгеймов под Парижем.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Brussell. 10. V. 1912.

№ 121

Брюссель, <18 мая> 1912 г.[1]

Милая мамочка!

Милая, милая бесконечно прости меня: меня просто охватил ужас, когда уже после я вспомнил, что не послал телеграммы к Твоим именинам. Это не потому, что я забыл Тебя, а потому что именно в эти дни мы переживали с Асей очень странное время, о котором расскажу Тебе потом; дело в том, что вокруг нас происходило что-то совсем особенное: началось это со сна — в одну и ту же ночь нам приснился Штейнер — мне и Асе. Потом начались странные явления в Брюсселе. Это было именно в 20-х числах апреля. Тут же мы получаем письмо, что Штейнер в Кельне, что надо тотчас же ехать к нему. Мы бросили все дела и поехали в Кельн:[2] это было именно 23 апреля. Милая, Ты простишь нас, если примешь во внимание, с каким волнением мы ехали в Кельн: ведь мы ехали не на лекцию только, а на свидание с ним.

В Кельне мы прожили 3 дня, слышали три лекции. Имели получасовой разговор с Доктором.[3] Ты просто не можешь себе представить, что это за человек: его *аура* (свет вокруг) прямо видна глазами. Он читал лекцию о близости пришествия Христа. Такой громовой, сильной речи я не слышал никогда в жизни. У него словно разрывается лицо, из лица светит лицо и т.д. Мы были совсем потрясены, и за эти 3 дня пережили года. Нас допустили в интимные заседания Ложи (в виде исключения). Доктор выслушал нас (у нас был к нему ряд вопросов); сначала говорил я, потом Ася через переводчицу — М.Я.Сиверс.[4] В итоге разговоров случилось вот что: Доктор нас позвал к себе — в июле. С июля месяца он в Мюнхене. В августе он читает курс. Он сказал: «Приезжайте в Мюнхен не к курсу, а к нам: поживите с нами нашей общей жизнью, а там посмотрим». Словом выходит, что мы едем прямо вступить на путь ученичества под руководством Штейнера или Штейнером приставленного лица. Движение, начатое Штейнером, громадно: в будущем человечеству предстоит перенести ряд испытаний, и кто не готов, тому трудно придется. Пора вступить на твердый путь. Мы — поедем. Денег нам хватит. Я могу работать и за границей пока. Три недели еще мы в Брюсселе. Потом июля до 6 мы у д’Альгеймов. С 8

июля мы в Мюнхене при Штейнере. В августе слушаем его курс (к августу в Мюнхене буду жена М.И.Сизова, М.В.Волошин, кажется К.П.Христофорова, Эллис и еще кое-кто из русских). Ты — пойми: книги Штейнера ничто перед Штейнером. Он — невероятен, невероятно прекрасен. Он — настоящий Учитель.

Мы вернулись в Брюссель точно во сне. Написали Эллису в Берлин о нашей встрече со Штейнером. Через два дня к нам прилетел Эллис, взявший отпуск у Доктора, и провел с нами 3 дня. Эллис очень окреп, очень помолодел, изменился к лучшему. Он — бритый, и ему это очень идет. Мы читали дневник Эллиса (записанные им беседы со Штейнером: это нечто удивительное).

Наша жизнь здесь тихая, скромная: теперь мы оба работаем; я пишу роман, чтобы к июлю окончить его и сдать издателю.

Милая мама: передай привет К.П.Христофоровой и скажи ей, как восхитил нас Доктор. Карточки вчера Тебе послал. Не послал своей, потому что моя карточка не удалась.

Милая, милая, родная: Христос с Тобой — Твой Боря.

Нежно целую. Тете Кате привет.

P.S. В Брюгге все еще не были. Перед отъездом во Францию поедем. А пока оба работаем. Нас от Брюгге отвлек Кельн. Кельн между прочим очаровательный город: множество уютных церквей, множество старых домов. И народ в Кельне такой же милый, как в Мюнхене.

Пишу это письмо 5 мая по нашему стилю.

Ну прощай, милая…

Ты спрашиваешь, понял ли я лекции Штейнера: о да, — «Путь к Посвящению»[5] читал: это — прекрасная книга, но она ничто перед его эзотерическими курсами и лекциями. Лекции Штейнера невероятно значительны. Погода у нас стояла жаркая, как в Москве в июне, а теперь с первого мая стало совсем прохладно. Теперь занимаемся с Асей немецким языком, чтобы облегчить себе понимание Штейнера. Ведь он был: весь май в Гельсингфорсе и туда ездили Сизов и Петровский оба [заболели штейнерианой].

1. Датируется по содержанию и по сопоставлению с другими документами.

2. В Кельн А. Белый с А. Тургеневой приехали 6 мая 1912 г.

3. Личная встреча с Р. Штейнером произошла 7 мая 1912 г.
4. Сиверс Мария, секретарь Р. Штейнера. См.: Спивак М.Л. Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс// Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С.44–68.
5. Речь идет о книге Р. Штейнера «Путь к посвящению, или как достигнуть познания высших миров», которая вышла в Москве в 1911 г.

№ 122

Брюссель, 28 мая 1912 г.[1]

Дорогая, родная мамочка!

Целую Тебя. Христос с Тобою. На днях напишу Тебе большое письмо. Сейчас только сообщаю, что я в Bois-le-Roi, куда Ася приедет из Брюсселя через 3 дня. Мой адрес: France. Bois-le-Roi. Seine-et-Marne. Cher Monsieur Pierre d'Alheim. Pour Boris Bougaieff. Христос с Тобой. Целую. Боря.

Тете Кате привет.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Bruxeller. 30.05.1912.

№ 123

Брюссель, 30 мая 1912 г.[1]

Дорогая мамочка, спасибо за открытку!

На днях пишу. Теперь же в суете. Переезжаю во Францию. Ася остается неделю у Данса (он ее не отпускает), а я еду к д'Альгеймам, потому что надо кончать роман,[2] а в Брюсселе стало шумно и жарко. Адрес мой: France. Bois-le-Roi. Seine-et-Marne. Cher Monsieur Pierre d'Alheim. Мне. Христос с Тобой. Целую. Твой Боря.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Bruxeller. 28.05.1912.
2. В это время А.Белый работал над 4-ой главой «Петербурга».

№ 124

Буа-ле-Руа, 11 июня 1912 г.[1]

Милая моя мамочка!

Давно Тебе не писал: давно не получал от Тебя никаких писем. Вот уже неделя, как я в *Bois-le-Roi*, работаю. Здесь дивно: у нас в саду все рдеет, все покрыто громадными красными маками. *Bois-le-Roi* нечто вроде дачного места под Парижем. Кругом леса, идущие в Фонтебло.[2] Я устал в Брюсселе; и когда наступила жара, то не мог работать. Ася меня отправила работать одного в *Bois-le-Roi*, а сама осталась на неделю в Бельгии оканчивать работу у Данса (переехала к нему). Завтра она приезжает. Мы живем сейчас втроем в *Bois-le-Roi.* Варвара Алексеевна Оленина (сестра Марии Алексеевны) и одна очень милая дама, француженка, мадам Окинс (жена художника). д'Альгеймы[3] же в Англии: Мария Алекс[еевна] давала 2 концерта в Лондоне. На днях они возвращаются; на днях же сюда приезжают из России ученицы Марии Алексеевны. Живу в милом домике с громадной библиотекой очень редких и ценных книг. Жду с нетерпением Асю. Мы пробудем в Bois-le-Roi до начала июля. В первых числах июля же (то есть по нашему стилю в 20-х числах июня) — мы едем в Мюнхен. Тогда адрес: Deutschland. Mынchen. Poste restante.

Милая моя мамочка! Как Ты? Переехала ли в Демьяново: отчего долго нет от Тебя никаких известий? Мой поклон милым демьяновским местам.

Пиши же. Может быть Ты в августе соберешься в Мюнхен? Только что в Германии появился роман мой «Серебряный голубь» в очень изящном виде и с предисловием, где меня сравнивают с Гоголем. Получил письмо от немецких издателей, предлагающих перевести и издать в Германии мой второй роман «Петербург». Хочешь я напишу издателю, чтобы Тебе выслали книжку?

Тороплюсь окончить мой *«Петербург»* до июля, чтобы *свободным* и неутомленными ехать слушать Штейнера.

Только что получил длиннейшее письмо Эллиса из Норвегии: он, как тень, следует за Доктором: голодает, отказывает себе во всем и на последние деньги ездит за ним всюду.

Штейнер будет в Мюнхене с 6 июля и остается там до сентября. Не помню: писал ли я Тебе, что мы были в Брюгге. Город очарователен: это — северная Венеция: весь в каналах. Перед отъездом из Бельгии был в Шарлеруа (город) в гостях у очень милых людей Дэстрэ: он депутат парламента, писатель, адвокат и один из виднейших бельгийских социалистов. Мы видели выборы в Брюсселе: всюду были процессии, митинги, манифестации. Ну Христос с Тобой, милая моя, хорошая мама. Целую крепко. Боря. Тетю Катю целую.

Адрес: France. Bois-le-Roi. Seine-et-Marne. Cher M. Pierre d'Alheim. Мне.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю Bois-le-Roi.11-6.12.
2. Фонтенбло — город к югу от Парижа, в департаменте Сена-и-Марна. Здесь в 1814 г. Наполеон отрекся от престола.
3. В доме барона Пьра Д'Альгейма (1862–1922) и его жены известной певицы Марии Алексеевны Д'Альгейм (1969–1922) А.Белый и А.Тургенева прожили почти весь июнь 1912 г. М.А.Д'Альгейм приходилась теткой А.Тургеневой. Здесь писатель работал над 5-ой главой романа.

№ 125

Буа-ле-Руа, 16 июня 1912 г.[1]
Bois-le-Roi: 16 июня (нового стиля).

Дорогая мамочка!

Получил Твою открытку: вероятно письма наши разошлись — я писал Тебе в Москву. Напиши же мне подробно о Твоей жизни в Демьянове. Будем ждать с нетерпением Твоего письма.

Мы устроились прекрасно в Bois-le-Roi. Живем в отдельном уютном домике с Асей: она уже 4 дня как вернулась из Брюсселя. А третьего дня вернулись из Лондона д'Альгеймы, где Мария Алексеевна с большим успехом дала 4 концерта.[2]

Bois-le-Roi прелестное место, утопающее в зелени и цветах. Кругом большой и густой лес.

У Петра Ивановича прекрасная библиотека,[3] и я имею возможность читать очень редкие книги.

У нас с Асей три комнаты: одна наверху, две внизу: спальная, гостиная и столовая. А завтракать и обедать ходим к д'Альгеймам[4].

В Париже были только 1 раз, да и то лишь по делу: Париж летом производит отвратительное впечатление; и едва попав туда, хочется вырваться.

Милая мама: Ася просит Тебя передать свой привет и поцелуй. Она напишет Тебе скоро. Остаюсь нежно любящий и преданный Боря.

1. Датировка А.Белого.
2. «В те дни, когда мы поселились в поселке, д'Альгейм пела в Лондоне;с невероятным успехом; ее удостаиваили чести спеть пред королевской фамилией.» (Начало века. 445).
3. В Буа-ле-Руа в доме П.И. д'Альгейма и М.А. Олениной — д'Альгейм (тетка А. Тургеневой) прожили почти весь июнь.
4. Барон д'Альгейм был писателем, поэтом, переводчиком, переведшим с санскрита поэму «Рама». А.Белый посвятил этому человеку в своих воспоминаниях две главы — «Д'Альгейм» и «Безумец».

№ 126

Мюнхен, 11 июля 1912 г.[1]

Дорогая милая, мы — в Мюнхене. На днях подробно напишу. Пока адрес: Poste restante. Кажется, будем жить в доме у ворот (см. открытку); я поставил крестик на этом доме. Целуем, обнимаем. Пиши. Твой Боря.

1. Датируется по почтовому штемпелю:Muchen.11.7.07.

№ 127

Мюнхен, 27 августа 1912 г.[1]

Дорогая мамочка!

Не сердись, милая, что давно не писал. Мы уже 3 недели, как работаем без устали с утра до ночи: 1) работа немецким языком 2) разучиваем циклы Доктора 3) к нам ходила 2 недели теософка,[2] приставленная Доктором объяснять мистерии (здесь ведь неделю шли мистерии), а теперь съезд теософов и курсы Доктора: каждый день его слушаем. После каждой из мистерий, тянувшейся по 8 часов мы сидели точно оглушенные громом. Вагнеровское «*Кольцо*»

игрушка по простоте сравнительно с гигантской глубиной и красотой «*Мистерий*» Доктора.[3] Теперь идет курс под заглавием «*О посвящении*»; мы живем в такой напряженной атмосфере, что просто не в состоянии ничего делать. Кроме того, скоро нас примет Доктор и надо ему сдать урок. Вот отчего и молчу. Здесь до 30 человек русских. Из Москвы здесь: Петровский, Сизов с женой, М.И.Сизова, Викентьев,[4] Киселев, madame Недович,[5] Волошина,[6] Григоров с женой[7] и др. Из Петербурга приехала Сер. Павл. Ремизова, жена Алексея Михайловича. На этой неделе кончается курс, и тогда мы переезжаем в Базель, где Доктор прочтет 12 лекций «Евангелие от Марка». Оба мы с Асей поступаем в Теос. О-во, в берлинскую ложу; это, конечно, форма: без вступления в О-во очень трудно работать и очень трудно видеть Доктора. Кажется в Базель приедет и Кл[еопатра] Петровна Христофорова.

Милая моя мама, очень, очень было бы хорошо, если бы Ты приехала на следующий год в Мюнхен: каждый год в это время в Мюнхене 1) съезд германских теософов 2) идут мистерии 3) Доктор читает курс. Самое удобное время для того, чтобы иметь точное представление о германском движении розенкрейцерства, это приехать в августе в Мюнхен[8]. В это время съезжаются и русские. Для русских всякие удобства.

Ну милая, милая целую Тебя крепко и нежно. Христос с Тобой. Ася Тебя целует и напишет скоро. Остаюсь нежно любящий Борис Бугаев.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Munchen. 27.8.12.
2. Занятия проводила антропософка Матильда Шолль.
3. В Мюнхене в августе были поставлены три из четырех мистерий Р.Штейнера — «Врата посвящения», «Душевный искус», «Страж Порога».
4. Викентьев В.М. — историк-египтолог, антропософ, муж М.И.Сизовой.
5. Недович — антропософка.
6. Сабашникова-Волошина Маргарита Васильевна (1882–1973) художница, родственница известных московских издателей братьев М. и С. Сабашниковых; первая ; первая жена М.А.Волошина.
7. Григоров Борис Павлович (1883–1945) — один из деятельных участников антропософского движения; Григорова Надежда Афанасьевна (1885–1964).
8. А.Белый и А. Тургенева приехали в Мюнхен в начале июля 1912 г., где в это время находился Р. Штейнер.

№ 128

Мюнхен, 3 сентября 1912 г.[1]
3 сентября (нового стиля)

Дорогая мамочка,

пишу Тебе несколько слов; не знаю, где Ты. Пишу на московский адрес. Мы едем в Базель. Ася укладывается, а я сейчас поеду на вокзал. Дорогая мамочка: мы, усталые, после мюнхенского цикла; теперь дней 10 передышка, потом снова 12 лекций Доктора.[2]

Курс был потрясающе хорош. Сегодня утром проводили Наташу.[3] Москвичи разъезжаются.

Уже в воздухе стоит осень. И грустно: жаль лета. Лето у нас все время было холодное. И в *Bois-le-Roi*, и в Мюнхене всюду стояли дожди. Уже с месяц почти нет солнца. Не знаю, что-то встретит в Швейцарии нас.

Дорогая мамочка, дай свой *точный* адрес: где Ты? В Москве или все еще в Демьянове. Если в Демьянове, то когда едешь в Москву?

А наш адрес пока таков: Schweiz (Suise). Basel (Bale). Post lagernde (Poste restante). В скобках адрес по-французски, без скобок по-немецки.

В Базеле у нас будет свидание с Доктором. Туда же приедет и Эллис.

Мы с Эллисом очень дружим: он — хороший.

Еду в Базель с нетерпением. Это город, где 10 лет Ницше был профессором. Из Базеля я Тебе подробно напишу.

Ася Тебя целует, она не пишет, потому что укладывается.

Ну Христос с Тобой, родная, милая мамочка, целую Тебя нежно.

Остаюсь глубоко любящий Боря.

1. Датировка А.Белого.
2. В августе Белый и А. Тургенева прослушали курс лекций Доктора «О вечности и мгновении».
3. Тургенева Н.А.

№ 129

Базель, 8 сентября 1912 г.[1]

Дорогая мамочка,

Мой адрес следующий: Suisse. Bale. Hotel Bernerhof. Chambre № 20. A monsieur Boris Bugaieff. У нас из окна очень чудный вид; комната же маленькая. Из всех теософов приехали первыми; буду здесь много работать. Базель — старинный город и небольшой. Но смотрим с наслаждением на очаровательные дома... Холода все стоят: лета не было. Пиши же. Христос с Тобой, моя родная, Твой нежно любящий Боря.

Ася целует Тебя; она сейчас берет ванну. Тетю Катю целую.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Basel. 8.9.12.

№ 130

Базель, 19 сентября 1912 г.[1]

Дорогая моя мамочка,

Пишу Тебе из Базеля. Под впечатлением лекций Доктора.[2] Каждый день мы возвращаемся домой потрясенные, почти убитые слышанным. Мюнхенский курс был великолепен. А Базельский уже нечто неописуемое: остается одно — слушать смиренно. Послезавтра у нас свидание с Доктором, за городом, где он живет. И тогда же решится наша судьба. Милая, а должно быть мы теперь не вернемся в Россию: прямо поедем в Берлин, к Доктору, ибо мы только вступаем на путь ученичества; и первые шаги этого пути надо проделать под непосредственным руководством учителя. Мы уже слишком приблизились к Доктору, чтобы отступить; и еще недостаточно сильны, чтобы мочь уехать без *опасных последствий.*

И так родная 9/10 за то, что мы остаемся на зиму при Докторе. Мамочка, грустно, что Тебя еще долго увидим, но верь: мы поступаем единственно разумно.

После курса Доктор уедет отдыхать в Италию на месяц, а мы, вероятно, недели на 2 останемся в какой-нибудь деревушке в горах отдыхать от курса и работать. Потом — в Берлин. Сейчас сидела у

нас M-le Анненкова[3] и рассказывала про Тебя: она с Тобой встретилась у Христофоровой.

Здесь в Базеле очаровательно: теперь солнце и тепло; вчера были в горах, за городом. Мы сидим на лекции рядом с Madame Недович и с русскими. Несколько дней назад к нам в гости из Лозанны приезжал Вячеслав Иванов; прожил с нами 3 дня и уехал.

Милая, пиши же скорей; впрочем мы уже не получим Твоего письма в Базеле. Это ничего: Poste restante перешлют по назначению. А потому-то пиши: Suisse. Bale. Poste restante.

Милая моя, Христос с Тобою, горячо целую Тебя, крепко люблю и остаюсь нежно преданный Тебе Твой Боря.

Ася целует Тебя тоже и на днях пишет: сейчас она страшно занята.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Basel. 19.9.12.
2. В Базеле А.Белый слушает курс лекций Штейнера «Евангелие от Марка».
3. Анненкова Ольга Николаевна (умерла в 1946) — антропософка.

№ 131

Фицнау, 1 октября 1912 г.[1]

Дорогая мамочка! Мы живем в очаровательном месте недалеко от Люцерна. Наши окна выходят прямо на озеро, и из окон видны снеговые горы. Здесь отдохнем недели 3. Потом в Берлин — к Доктору. Христос с Тобой, моя милая, милая. Адрес наш таков. Schweiz. Vierwaldstallersee (via Luzern). Vietznau. Post legernde. Herrn Boris Bugaieff. Открытка с видом, где живем. Целую. Боря.

P.S. Тетю Катю целую.

1. Открытка с видом Фицнау. Почтовый штемпель: Vitznau. 1.10.12. На лицевой стороне открытки рукой А. Белого: «Здесь живем (в этом доме)».

№ 132

Фицнау, 1 октября 1912 г.[1]

Дорогая, близкая мамочка,

Едем из Базеля. Доктор Штейнер ждет нас в Берлине, где будем около 20 октября нового стиля т.е. числа 10 октября нашего. Пока же Штейнер едет отдыхать в Италию, а мы работать куда-нибудь в тишину. Мы пока выбрали себе Фирвальтшетское озеро;[2] наметили деревушку в горах (на берегу озера) около Люцерна. Пока адрес наш Suisse. Luzerne. Poste restante. Когда будет определенный адрес, черкну. Из Люцерна же пишу Тебе подробно о Докторе, о нас, о наших работах, о том, почему мы должны остаться в Берлине, почему уехать теперь нам нельзя. Все благополучно: мы здоровы; едем — Ася писать, я доканчивать роман и так же работать для Доктора. Всю эту неделю не мог писать писем, ибо с утра до ночи мы разрывались на части: было много знакомых. 500 теософов (с лишним) приехали ведь сюда следом за Доктором. В Мюнхене (на курсе) было 1100 теософов (человек 30 из России). В Берлине будет все интимнее; можно будет больше говорить с Доктором Штейнером. Кроме того, лекции будут интимные (в ложе, для постоянных членов). О.П.Сизова (жена Мих[аила] Ивановича) остается в Мюнхене навсегда изучать медицину под руководством учеников Доктора. Эллис просит Тебе передать, что вспоминает Тебя, вспоминает «*синематограф*», наши собрания у нас. Ему хорошо: он поручен опытной ученице Доктора; и вообще изменился до неузнаваемого. Милая, вообще здесь хорошо, тихо, спокойно. Только устаешь от работы.

Остаюсь глубоко любящий Тебя Боря.

P.S. Ася Тебя целует. Посылаем наши карточки.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Vitznau. 1.10.12.

2. Правильно — Фирвальдштетское озеро.

№ 133

Фицнау, 1 октября 1912 г.[1]

Милая, родная мама!

Вот Тебе тип домов старого Базеля. Есть целые кварталы домов, которым уже 300-400 лет. Базель стоит на Рейне. Рейн зеленый и бежит здесь прямо с гор. Милая, дорогая мама. Именно в этом городе особенно радостно слушать Доктора. Христос с Тобой. Целую. Твой Боря.

1. Открытка с видом Базеля. Почтовый штемпель: Vitznau. 1.10.12.

№ 134

Фицнау, 1 октября 1912 г.[1]

Милая мамочка, вот еще вид Vitznau, где мы живем. Вчера Тебе послал открытку, сегодня Ася послала письмо. Христос с Тобой. Боря.

1. Открытка с видом Фицнау. Почтовый штемпель: Vitznau. 1.10.12.

№ 135

Фицнау, конец октября 1912 г.[1]

Дорогая близкая мамочка,

Прости за долгое мое молчание о нас. Очень порадовала Ты нас своим приездом в Берлин. Мы там будем к концу ноября. Теперь же едем в Штутгарт. Работа Доктору разрастается у нас с Асей; кроме данных Доктором правил мы ему сдаем кое-что: в роде уроков. И вот: Доктора нам нет смысла видеть ранее ноября, ибо ранее ноября не поспеет работа. Мы же едем в Штутгарт потому, что нас зовет заниматься с нами одна из лучших учениц Доктора. Штутгарт недалеко от Мюнхена. В Мюнхене Доктор будет к 10 ноября нашего стиля (он прочтет там курс); и после мы за ним уже переезжаем в Берлин.

Пока же мы в Vitznau: Тебе не писали, потому что работали с утра до ночи: и Ася, и я.

Мы одни в отеле. Туристов — никого. Кругом горы, снега. И нам это на руку; окна наши над озером. С балкончика видны неимоверные утесы. *Vitznau* от Флуэлена очень близко; и если Ты в Люцерне была, то Ты мимо Vitznau проезжала. Милая моя, только извести нас за месяц; дело в том, что может быть на Рождество будет *курс лекций* вне Берлина, на котором пока мы при Докторе, нам быть — обязательно.

Сейчас до ноября нам, так сказать, отпуск; а есть периоды, когда надо неподалеку от Доктора быть. Оттого-то надо заранее с Тобою списаться.

Милая моя, целую крепко. Ася благодарит Тебя за письмо и скоро напишет. Через три дня мы уезжаем отсюда: адрес наш будет пока — Deutschland. Stuttgart. Postlagernd. Нам уже там загородом приискана комната, около леса, на горе и рядом с Frau Pulman, той дамы, которая нас зовет и которая так много нам помогает разбираться во многом и сложном. Из Штутгарта тотчас же напишу. Остаюсь глубоко любящий и всегда Тебя помнящий Боря. Тетю Катю с Асей целуем мы.

1. Письмо датируется в сопоставлении с другими письмами.

№ 136

Штутгарт, 29 октября 1912 г.[1]

Дорогая мама,

Мы в Штутгарте. Адрес наш таков: Deutschland. Stuttgart. Degerloch. Werrastrasse. № 45. Bei Schrenk. Herrn doctor Bugaieff. Дегерлох — это загородная станция, местечко; нам очень хорошо. Страшно заняты. На днях пишу. Остаюсь глубоко любящий Тебя. Борис Бугаев.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Stuttgart 29 окт.12.

№ 137

Дегерлох, 2 ноября 1912 г.[1]

Милая мамочка,

Отчего от Тебя давно нет письма?

Мы уже с неделю, как в Штутгарте. Собственно мы не в Штутгарте, а в окрестностях, на вилле; недалеко от нас большой, большой сосновый лес. В двух шагах другая вилла, где живет Эллис со своими друзьями, голландцами. M-er и M-me Polmann.[2] День у нас расположен так: встаем, работаем;[3] после гуляем; потом опять до вечера занимаемся. В 8 с половиной часов идем к Эллису; там беседуем, занимаемся; много говорим о балканской войне,[4] вспоминаем Россию. В 12 часов идем домой.

Так монотонно идет день за днем.

Адрес наш: Deutschland. Stuttgart. Degerloch. Werrastrasse. № 45. Bei Schrenk. Herrn doctor Bugaieff.

Милая мама, пиши же нам о себе, о Москве: где бываешь, кого видишь. От Тебя последнее письмо получили уже более 3-х недель тому назад в *Vitznau.*

Мы здесь еще недели 2 с половиной — 3. Потом мы едем в Мюнхен на свидание с Доктором, который в Мюнхене прочтет небольшой курс; пробудем в Мюнхене дней 5 и затем в Берлин; по дороге мы осмотрим Нюрнберг и Дрезден... Нюрнберг — это немецкий Брюгге; Дрезден — столица Саксонии и замечателен художественной галереей.

Потом мы уже водворяемся в Берлине: в Берлин, как в город, не хочется: все Берлин ругают. Но удобство там жить, это, конечно, Доктор.

Милая мама, пиши же. С нетерпением жду от Тебя письма: здорова ли?

Остаюсь искренне любящий и преданный неизменно Боря.

P.S. Ася Тебя целует. Тетю Катю целуем. Оканчиваю письмо, потому что идем гулять.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Degerloch. 2 nov.12.
2. Польман — Мой Иоганна (1874–1959) — теософка из Голландии.
3. В Дегерлохе А. Белый перерабатывает первые главы «Петербурга».

4. Речь идет о 1-ой Балканской войне (9 октября 1912 г. — 30 мая 1913 г.), в которой Болгария, Греция, Сербия, Черногория воевали против Османской империи. Согласно Лондоскому мирному договору Турция уступала Балканскому союзу о.Крит и все свои владения в Европе, кроме г. Стамбул.

№ 138

Берлин, 4 декабря 1912 г.[1]

Дорогая мамочка!

Вот мы и в Берлине. Наш адрес: Berlin. Scharlottenburg. Luther Strasse. 27. Moblierte Zimmer (bei Frau Wegner). Herrn doctor B.Bugaieff. Но в виду того, что мы чего доброго будем вынуждены уехать, *пиши лучше*: Berlin. Postlagernd. Это проще и лучше. Ибо я буду 2 раза в неделю бывать в почтамте, а при перемене адреса всегда пропадают письма. Целую нежно. Боря. Ася целует.

1. Датируется по почтовому штемпелю:Berlin. 4.12.12.

№ 139

Дегерлох, 24 ноября 1912 г.
Degerloch. 12 года. 24 ноября (н.ст.)[1]

Дорогая, милая мамочка,

Очень давно Тебе не писал, не потому что не помнил, а потому что весь месяц в Штутгарте мы были заняты. 1) делами с «*Мусагетом*» (ведь я из-за границы пишу у нас в журнале)[2] 2) переработкой заново романа 3) медитациями, данными Доктором 4) работой Доктору, что особенно трудно (приходиться писать по-немецки) 5) каждый вечер мы чем-нибудь занимаемся у frau Polmann.

День проходил так: утром мы с Асей работали (с 12 до 6,7 вечера); (и Ася пишет доклад Доктору); в 7 часов шли обедать; в 8 с половиной шли к frau Polmann. И сидим там до 12. Потом спать.

Так регулярно каждый день. Жили мы не в Штутгарте, а за городом в *Degerloch*, выдающимся на горе над всем Штутгартом. В двух шагах от нас был дивный сосновый лес.

Вообще с середины сентября до сих пор жили мы в большом уединении и сосредоточенности; и теперь уже как-то невольно одичали.

Не будь Доктора, прожили бы здесь и еще.

Пишу *«жили»*, ибо завтра утром уезжаем в Мюнхен (завтра вечером публичная лекция Доктора). В Мюнхене пробудем дней 6, 5 (там — 4 лекции) и — в Берлин. В Мюнхене, вероятно, будем иметь аудиенцию у Доктора. Каждое свидание с Доктором своего рода экзамен: так и живешь — от экзамена к экзамену; в промежутке — лекции, медитации, работа и подготовление отчета к следующему свиданию.

Мне эта жизнь напоминает студенческие годы, потому что мы с Асей при Докторе напоминаем студентов при профессоре.

Сегодня мы одни, тишина, недалеко лес: завтра — знакомые, теософы, лекция и — толчея.

Хочется страшно видеть Доктора, но не хочется из уединения в толпу. Почти наверное из Мюнхена едем в Берлин, впрочем сперва спросим у Доктора: где велит быть. Иным Берлин он не советует.

Если едем в Берлин, то остановимся на день в Нюрнберге (город, как Брюгге) и день в Дрездене, чтобы осмотреть знаменитую галерею...

Милая, милая, как я хотел бы Тебя видеть: ужасно жаль, что не будешь в Берлине, ужасно жаль. Пиши о себе подробно: все, касающееся Тебя нам близко и дорого. Где бываешь, кого видишь, как в Москве с войной:[4] чего доброго может вспыхнуть всеобщая европейская война. За вещи — спасибо. О всех адресах тотчас же черкну. Остаюсь нежно любящий Тебя и всегда помнящий Твой Боря.

Ася целует Тебя. Тетю Катю целуем и приветствуем.

1. Письмо датировано А.Белым.

2. Для мусагетского журнала «Труды и Дни» написал статьи — «Линия, круг, спираль — символизма», «Круговое движение».

3. Речь идет о первых главах «Петербурга».

4. Имеется в виду 1-я Балканская война.

№ 140

Берлин, 8 января 1913 г.[1]

Милая, родная, глубоко любимая мамочка!

С Новым Годом! Желаю Тебе тишины, здоровья и счастья: и еще желаю Тебе хоть раз в жизни встретиться с Доктором. Мама: если бы не близкие, не Ты, мы были бы вполне счастливы в Берлине. Одно нас жжет просто, на одно досадуешь: за что мы такие счастливцы слышим вещи, еще никогда не разглашавшийся миру: узнаем тайны, никому никогда не сказанные. За что нам такое счастье что с нами Доктор. Единственное, что испытываешь на лекциях: почему рядом нет близких. Я не знаю, кто такое Доктор: я только знаю: во всей истории мистики, у замечательных мистиков истории, проповедников, мудрецов не услышишь и десятой доли того, что льется на нас, как из рога изобилия от лекций Доктора. Потрясены, оглушены, изумлены часами после лекций сидим с Асей и улыбаемся и забываем где мы: Германия, Европа, Мир весь улетает куда-то: остается сплошное какое-то мировое пространство: и в нем сияющий образ Доктора. И тут особенно чувствуешь отсутствие Тебя: вот кого тебе надо увидеть.

Оттого-то не писали Тебе давно: ведь мы только что вернулись из Кельна, где прослушали курсы «Бхагават-Гита и послание апостола Павла».[2] Курс был столь огромен по содержанию, столь потрясающий по открывающим горизонты, что Кельнская неделя пролетела сплошным оцепенением. Милая: а по приезде из Кельна на столе оказалась груда писем, на которые тотчас же пришлось отвечать, ибо дело шло об одном деле: о продаже собрания моих сочинений одному издательству.[3] Если дело состоится, мы надолго еще обеспечены, что дает нам возможность спокойно и без житейских тревог учиться у Доктора. И так надо было хлопотать об этом деле. И из-за суеты переписки не хотелось Тебе наскоро писать.

Дело о продаже моих сочинений очень нам в руку, ибо мы как раз в той полосе, когда мы еще много месяцев буквально должны покорно учиться: мы за эти 8 месяцев многое, многое узнали, чего и не снится мудрецам, во многом изменились, постарели: и нам кажется, что целая бездна отдаляет нас от нас самих; а прошло всего 8 месяцев. Ты даже не можешь себе вообразить, до чего реально

изменяется человек, когда он находится под руководством Доктора: как повязка за повязкой спадает с его глаз, начинаешь *видеть* и понимать такие вещи, которые даже не снились; открывается новое зрение, изменяется сон, изменяются самые привычки: многое новое прорезывается в душе совершенно также, как у детей прорезываются зубы: и как дети, у которых прорезываются зубы, болеют, так и мы подчас *болеем* особыми так сказать *детскими болезнями* оккультизма: но болезни эти нормальны: без них многое осталось бы в тумане.

Вот в таком положении и мы: живем с режимом, уединенно, видим людей лишь на лекции, работаем Доктору; и еще ряд месяцев мы должны быть неподалеку от него, ибо мы переживаем *переходное состояние*: от прежнего к новому. Многое новое нам открылось: [сумятно] неясно мы уже начинаем видеть некоторые вещи, лежащие не на физическом полюсе, а на эфирном; Доктор внимательно следит: за нашей работой, за мыслями, за всею жизнью: свидания он нам дает редко; на свиданиях мы ему даем отчеты от увиденном, понятом, пережитом. Но дело не в частых свиданиях. Доктор (*это между нами*) с иных планов всегда следит за учениками и работает над ростом и развитием их эфирного и астрального тела. Нам не прежде можно будет уехать от Доктора, чем мы окрепнем в *ином плане*. А когда мы оккультно обопримся, первой нашей задачей будет вернуться в Россию, чтобы нести учение Доктора русским. Россия так страдает, а Доктор такой единственный, невыразимый свет, что обязанность русского ученика Доктора нести Доктора страдающим душам. Если мы сумеем стать хоть немного на ноги, мы *должны* говорить о том свете, который вспыхивает в душе на этом пути. Пока же мы ничего не можем, ничего не слышим; наше дело — сидеть у ног учителя. Милая, так хочу, чтобы и Ты увидела Доктора. Теперь уже его мало будет в Берлине; большую часть времени он будет разъезжать.

С новым же годом родная, хорошая, близкая.

Христос с Тобою.

Тетю Катю целую, благодарю за открытку и поздравляю.

<Далее рукой Аси Тургеневой>

Милая, милая Александра Дмитриевна, с Новым годом! Верю, и надеюсь, что для всех нас он будет хорошим. Как мне стыдно — я

написала вам длинное письмо и потеряла. А второго все не могла собраться написать — так Доктор заваливает нас потоком все новых мыслей и переживаний. Может быть Вы все же на месяц приедете к нам? Я рассчитала, что приехать, прожить месяц и уехать стоит меньше 300 рублей. Так было бы хорошо.

Целую Вас очень. Мой привет и поздравление Екатерине Дмитриевне.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Berlin. 8.1.13.

2. В Кельне А. Белый и А. Тургенева прослушали курс Р. Штейнера «Послания апостола Павла и Бхагаватгита» в конце декабря 1912 г.

3. Речь идет об издательстве «Сирин». «Усиленная переписка с Блоком о «Сирине»». (Ракурс к дневнику. Л.60 об.).

№ 141

Берлин, 14 января 1913 г.[1]

Милая, родная мамочка!

С Новым годом! Вспоминаем, обнимаем, целуем: желаем покоя, счастья и радости. Встретили Новый год вместе — у нас с цветами; и хорошо. Обнимаю, нежно любящий Боря.

Тетю Катю поздравляем, целуем.

<Далее рукой Аси Тургеневой>

С Новым Годом, целую Вас и поздравляю очень, милая Александра Дмитриевна. Ек[атерине] Дм[итриевне] мои поздравления Ася и любящая Вас нежно К.Христофорова.

1. Открытка. Почтовый штемпель: Berlin. 14.1.13.

№ 142

Берлин,<начало февраля> 1913 г.[1]

Дорогая, милая мамочка!

Мы здоровы. Скоро пишу Тебе большое письмо. Пока же посылаю эту открытку. Вот знаменитая Motzstrasse на углу которой мы живем и на которой живет Доктор. Крестиком я обозначил угол

нашего дома, выходящего на Motzstrasse (он на углу Motzstrasse и Lutherstrasse). А буквой «а» я обозначил дом, куда ходим каждую неделю на заседания Теософского о[бщест]ва. Здесь слушаем Доктора. Ася послала Тебе письмо. Получила ли? Христос с Тобой. Нежно любящий Тебя Боря.

1. Открытка с видом Берлина. Датируется по содержанию.

№ 143

Берлин,<после 10февраля> 1913 г.[1]

Дорогая милая мамочка,

Не сердись на меня за долгое молчание. Молчание это от многих причин: 1) от усталости после генерального собрания[2] 2) от того, что страшно много времени пришлось утомляться деловой перепискою с Москвой и Петербургом по поводу продажи собрания сочинений (и дело это еще не кончено); кроме того: какая-то вдруг на нас с Асей напала апатия.

Милая, родная: здорова ли Ты? Пиши; не получая от Тебя вот уже около 2 недель писем, я начал беспокоиться; Ты писала, что у Тебя грипп; грипп — пустяки но его можно застудить; береги Твое здоровье, дорогая, милая мамочка.

Милая, а мы все еще в неизвестности, когда мы вернемся на лето и вернемся ли в Боголюбы; когда мы спросили Доктора, можем ли мы ехать после курса в Гааге, то Доктор сказал: «Недели через три я скажу». Дело в том, что иногда, работая над задачей, данной Доктором, не безопасно уехать и жить вдали от него; мы же сейчас в такой *стадии* работы, когда контроль Доктора нужен. Так что и не знаем, пустит ли нас Доктор в Россию; т.е. пустить то пустит, но ... отпуская от себя, он дает совсем другие, легкие упражнения, а так не хочется переходить от более сложного на пустяки. Вот и не знаем, поедем ли. Знаем только, что марта 4 старого (нашего) стиля мы едем в Голландию, в Гаагу, на 10 дней слушаем курс «Влияние оккультной работы на астральное, эфирное и физическое тело». Этот курс нам особенно важен. В Голландии пробудем до 15 чисел русского Марта, а там, далее, или вернемся в Берлин, или же в Боголюбы — до июля;

в июле — опять в Мюнхен, к мистериям и августовскому курсу. Если будет много денег и если будет охота и свободное время, может быть поедем в июне в Христианию (тоже на курсы Доктора).

Видимся здесь часто из русских с Кл[еопатрой] Петровной и m-me Бергенгрюн (урожденной Андреевой: она Тебя знает). Недавно, на общее собрание, приезжали в Берлин наши русские мюнхенцы: М.В.Волошина,[3] Трапезников с женой,[4] Ольга Павловна (жена Миши Сизова)[5], Кисилевы.[6] Генеральное собрание тянулось неделю, непрерывно — с 10 утра и до 10 вечера (ряд докладов). Доктор прочел нам целый курс. Ты знаешь, что мы все (вся немецкая секция Теос[овского] о[бщест]ва, Швейцария, Австрия, Дания, Голландия, Норвегия) вместе с Доктором ушли из о[бщест]ва; уходят и многие англичане, бельгийцы, итальянцы, французы. Наше о[бщест]во называется «Антропософское о[бщест]во». Конечно, все осталось так же: просто формально мы перестали числиться (дело не в этом, а в Докторе). Милая, пиши же. Целую Тебя много раз. Остаюсь нежно любящий Тебя Боря.

Тетю Катю целую. Марье Алекс. привет и уважение.

Ася целует Тебя и приветств[ует] тетю Катю.

Кроме докладов Доктора слушали еще следующие доклады 1) Юлэ (Швейцарец) «*О стихиях в природе*» 2) Юлэ «*О стихиях в природе в связи с культурой*» 3) *Штинде* (ученица Доктора) «*Об эпохах истории*» 4) Унгер (учен[ик] Доктора) «*О мистерии «У врат посвящения*» 5) Унгер «О мистерии «Очищение» 6) Унгер «*Антропософическое о-во*» 6) Шолль (женщина-математик, учен[ица] Доктора) «*О мистериях доктора Штайнера*» 7) Шолль «*Христов Импульс*» 8) Бауэр (учен[ик] Доктора) «*О Гегеле*» 9) Ленхарт «*О Гельдерлине*» 10) Вальтер (уч[еник] Доктора) «*Евангелие от Марка*» 11) Вальтер «*О назначении мышления*» 12) Вальтер «О «*Я*»» 13) Зелигер «*О книге блесков*» 14) Пайперс (уч[еник] Доктора) «*Парсифаль в свете естествознания*» 15) Аронсон «*Творчество и усвоение оккультных знаний*» 16) какой-то пастор-теософ «*Христианство и антропософия*» 17) «*Антропософия и механика*».[7]

Кроме того слышали два очень эзотерических доклада «*О четырех архангелах*», «*О розенкрейцерском лозунге*».

Видишь, сколько мы кроме огромной личной работы, выслушали и усвоили.

Так что мы времени не теряли. За то время (от июля до февраля) мы выучились стольккому, сколько не выучишься вдали от Доктора в течении 5 лет; каждые 3 месяца нас около Доктора подвигают. Оттого-то мы и остались при нем.

Милая мамочка. Ты не думай, что мы бездельничаем. Никогда в жизни мы так много не учились. За это время я прочел следующие интимные курсы Доктора (для учеников).

1) *«Теософия розенкрейцерства»* (10 лекций) 2) *«Евангелие от Иоанна»* (11 лекций) 3) *«О небесных иерархиях»* (курс) 4) *«Апокалипсис»* (читаем). Кроме того мы прослушали следующие интимные курсы, читанные нам Доктором.

1) *«О посвящении»* (7 лекций) 2) *«Евангелие от Марка»* (10 лекций) 3) *«Бхагават-Гита и послания Апостола Павла»* (5 лекций) 4) *«Между смертью и новым рождением»* (6 лекций, читанных в Берлинской ложе и составляющих курс) 5) *«Мистерии Востока и мистерии Запада»* (4 лекции).

Это все связные курсы. Кроме того Доктор прочел нам еще следующие отдельные лекции: 1) *«Храмы, как выражения культурных эпох»* 2) *«О календаре»* 3) *«Наука и запросы духа»* 4) *«Естествознание и тайная наука»* 5) *«Христос и XX век»* 6) *«Духовное знание и современность»* 7) *«О Гельдерлине»* 8) *«Правда духовного опыта»* 9) *«Ошибки духовного опыта»* 10) *«Результаты духовного опыта»* 11) *«Точная наука и духовный опыт»* 12) *«О Христиане Розенкрейце»* 13) *«О любви»* 14) *«О Новалисе»* 15) *«Яков Беме»* 16) *«О возрастах»* 17) *«Герман Гримм»* 18) *«Миссия Рафаэля»* 19) *«Лекция на генеральном собрании»* 20) *«Сказочные стихи в свете духовной науки»* 21) *«Леонардо да Винчи»* 22) *«О формах храма»* 23) *«Биография»* 24) *«Заключительная лекция на собрании»* 25) *«О сущности Антропософии»*.

1. Письмо датируется по содержанию.

2. Первое генеральное собрание Антропософского общества открылось 2 февраля 1913 г. (н.ст.) «<...> открывается генеральное собрание вновь открывшегося А[нтропософского]О[бщества}, продолжающееся более недели,< ...>где заседания и лекции происходят с 9 часов утра до 3-4-х: на заседаниях разрешается ряд дел, а в прочие часы происходит ряд докладов и рефератов съехавшихся членов общества...» (Минувшее. Вып. 6. С.348).

3. Имеется в виду М.В.Сабашникова. Первая жена М.А.Волошина.
4. Трапезников Трифон Георгивич (1882–1926)- историк искусства, антропософ. Его жена Любовь Исааковна.
5. Первая жена М.И.Сизова
6. Николай Киселев и его жена Татьяна.
7. Подробнее об авторах лекций см.: Джон Малмстад. Андрей Белый и антропософия. Минувшее. 1988. С. 337–448.

№ 144

Берлин, <март> 1913 г.[1]

Дорогая, родная мама!

Пишу Тебе спешно — из-за укладки: спешу, потому что завтра мы уезжаем, но не в Гаагу,[2] а — представь себе — в Боголюбы, где пробудем месяца два (это на австрийской границе) и где скопим деньги. Буду подробно писать о наших планах Тебе: о том, почему не поехали в Гаагу, а поехали в Боголюбы и о том, что намерены делать впредь. Пока знаем *наверно лишь*: к середине русского июля мы будем в Мюнхене (приедем к мистериям). У нас было много сложностей и мы не знали, можно ли нам уехать, но Доктор нас отпустил (давши урок) с условием, что мы для продолжения учения приедем к нему (иначе он не дает урока в отъезд). Почему мы изменили план поехать в Гаагу это долго объяснять, но среди всех бывших причин — экономия денег: может быть придется ехать в Гельсингфорс (в середине мая и далее в Стокгольм, Христианию: тут 3 курса) т.е. в смысле ученья больше услышишь, а ехать и туда и сюда — дорого: за два месяца же мы б.м. скопим деньги. Итак, целую. Христос с Тобой. Адрес Россия. Луцк (Волынской губернии) лесничему В.К.Кампиони. Мне. Боря.

Ася целует Тебя.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. В Гаагу, где Р.Штейнер 20–29 марта читал курс лекций, А.Белый не поехал из-за отсутствия денег.

№ 145

Боголюбы, середина марта 1913 г.[1]

Дорогая, милая, хорошая мамочка!

Наконец-то пишу Тебе. Вот уже 10 дней, как мы в Боголюбах, упиваемся природой после душного утомительного Берлина, где жизнь у Доктора была единственным условием, прикрепляющим нас к городу, потому что крепко мы невзлюбили Берлин; здесь же я упиваюсь природой и работаю над окончанием романа, который и спешу сдать. Я устроил мой роман в книгоиздательстве «*Сирин*», где его в принципе приняли за 5000 рублей, из которых часть пойдет на покрытие долга Некрасову (моему первому издателю);[2] в общем мне удалось обеспечить нас на 4000 рублей, т.е. на год свободной жизни при Докторе; только теперь надо скорее кончать роман; я Тебе не писал, родная, пока не выяснилась форма переговоров с «*Сирином*»; также и потому, что первые дни по приезде мы просто одурели от весны (здесь весна в разгаре: трелют жаворонки, зацветают медуницы и т.д.); а потом, когда удалось мне выгодно пристроить роман, то надо его скорее заканчивать; милая, хорошая; мы в Москву не поедем сейчас, потому что страшная даль и нам 1) надо беречь деньги 2) надо мне работать в тишине.

Наш план следующий: в апреле или мае (пока еще не выяснено) мы едем в Гельсингфорс на курс Доктора через Петербург, где мне надо на день остановится для окончательных переговоров с «*Сириным*». До Гельсингфорса нужно все время проработать; вот бы Тебе проехаться в Гельсингфорс (он близко от Петербурга); Ты повидала бы Доктора, мы бы встретились; другая моя комбинация увидеться, это — из Гельсингфорса заехать на день или два в Москву (только никому не говори об этом, а то меня разорвут на части дела, «*мусагетцы*», визиты и т.д. Пожалуйста не говори, ибо мы бы приехали только повидаться с Тобою и ни к *кому* другому; а если Москва узнает о нашем приезде, придется, хочешь — не хочешь сделать ряд визитов и вести деловые разговоры). Третья моя комбинация повидаться, это, чтобы Ты приехала к нам в Боголюбы уже после Гельсингфорса; к тому времени будет готов новый дом, а теперь мы все еще живем в маленьком доме (и ютим-

ся по флигелькам). Милая, хорошая, как хочется Тебя повидать, как хочется, чтобы и Ты повидала Доктора; так дешево и приятно проехаться в Гельсингфорс. Доктор там будет или на русской Пасхе,[3] или мая от 10-го до 20-го. После Гельсингфорса мы вернемся в Боголюбы, поживем до июля, а в июле едем опять в Мюнхен, к мистериям и циклу; далее будет вновь цикл в Швейцарии (в сентябре), октябрь, быть может, отдохнем в Италии, и зиму опять при Докторе мы в Берлине (там мы и поставили наш большой сундук).

Мы в России — на побывке; еще около году придется поучиться у Доктора.

Милая, милая, хорошая, как хочется Тебя видеть, как многое хочется пересказать Тебе, что не поддается слову, что не укладывается в письма. Надо непременно увидеться нам.

Пишу скоро. Напишу о Гельсингфорсе точно, когда точно узнаю число, а пока еще о числах определенного сказать нельзя.

Пиши же мне скорей и Ты о своих планах.

Христос с Тобой! Остаюсь горячо любящий Тебя Боря.

Ася целует Тебя и мы шлем тете Кате сердечный привет. Ася скоро напишет.

Наш адрес: Луцк (Волынской губернии) лесничему В.К.Кампиони для меня.

1. Письмо датируется по содержанию и по связи с другими текстами. А.Белый получил 25 февраля/10 марта телеграмму от А.Блока, в которой сообщалось, роман «Петербург» принят издательством «Сирин» к печати.

2. А. Белый, уезжая за границу, договорился с ярославским издателем К.Ф.Некрасовым о публикации первых глав романа «Петербург». По словам А.Белого он передал К.Ф.Некрасову до 14 печатных листов и получил от него аванс в 1000 рублей, которые он прожил за границей, поэтому ему было необходимо вернуть ярославскому издателю эту сумму.

3. Пасха праздновалась 14 апреля 1913 г.

№ 146

Боголюбы, 26 марта 1913 г.[1]

Милая, родная моя мамочка!

Получил оба твои письма. И то, где Ты беспокоишься, где мы, и следующее. По поводу первого письма я скажу лишь, что Ты вероятно не получала моего большого письма из Берлина, где я подробно Тебе писал, что мы уже в Боголюбах, и о том, отчего мы не поехали в Гаагу; но письмо, видно, пропало.

Милая мама, отчего же Ты не хочешь приехать к нам? В Боголюбах чудесно, и все были бы рады Твоему приезду. Приезжала бы встретить Пасху, на Страстной неделе. Мы бы прожили вместе недели три; это было бы лучше, чем если бы мы всего на 3-4 дня приехали бы в Москву; лучше вместе пожить, чем просто свидеться.

В это время здесь, кроме Наташи будем лишь мы; летом же в Боголюбы многие съедутся; нам не так удобно будет видаться. Если же мы приедем в Москву, то 1) более 2–3 дней нам нельзя будет пробыть 2) заехав в Москву невозможно не повидаться с рядом друзей, от которых я и завишу, с которыми у меня дела и т.д., что может невольно укоротить наши часы совместного пребывания 3) избежать эти свидания, значит обидеть многих. Самое удобное время, это если бы ты собралась к нам на Пасху, или к Пасхе и пожила бы с нами до мая 10-го; десятого мая мы едем в Гельсингфорс через Петербург (в Петербурге у меня дела с издателем).[2] Доктору же мы обещали быть в Гельсингфорсе. Право, самая удобная комбинация, если Ты приедешь к нам пожить: к Пасхе здесь уже будет все зеленеть; и Тебе приятно встретить весну в деревне.

Если это Тебе не улыбается, *то мы, конечно*, приедем к Тебе; и вот тут только у меня к Тебе вопрос. Не лучше ли нам приехать в Демьяново, если это удобно. Если этот приезд неприятен В.И.Танееву, то ведь мы едем к Тебе, *не к нему*! И он просто *может не видеть меня*; я же в свою очередь буду стараться избавить его от своего присутствия. Мы могли бы занять у Тебя одну комнатку, и этим избавиться от докучного и утомительного беганья по Москве. Напиши, возможно ли это?

Наконец, только в том случае, если 1) Ты не приедешь в Боголюбы 2) если в Демьяново нам нельзя, *мы конечно приедем в Москву*, но, это было бы самое неприятное и неудобное для нас.

Итак, если бы Ты приехала к нам недели на 3, то лучше приехать к нам на Пасху (между 15 апрелем до 10 мая); если это нельзя, мы приедем в конце мая либо в Демьяново, либо в Москву, но ... дня на 3, не более.

С нетерпением, милая мамочка, жду от Тебя ответа и остаюсь глубоколюбящий Тебя Боря.

P.S. Ася целует Тебя и зовет. Софья Николаевна тоже очень просит Тебя приехать. Ну, целую нежно. Тете Кате привет.

1. Письмо датируется по почтово штемпелю: Луцк 26.3.13.
2. А.Белый имеет в виду владельца издательства «Сирин» М.И.Терещенко.

№ 147

Боголюбы, 15 апреля 1913 г.[1]

Христос Воскресе!

Дорогая, милая мамочка!

Получили Твое письмо, и тут только убедились, что Ты не приедешь. А то все как-то не верилось, не хотелось верить. Ну что же? Мы будем у Тебя, в Демьянове. Страшно хочу Тебя видеть: ведь уже больше году, как мы не виделись. Как Твой грипп? У Аси тоже эти дни был грипп.

Вчера мы ездили в деревенскую церковь: встречать заутреню. Сегодня Пасха и мы вспоминаем Тебя. Желаю Тебе радости, света, счастья. Два уже года, как мы не встречали Пасху в России и теперь мы наслаждались службой и ... весной: поют соловьи, оглушительный крик лягушек. На столе у нас букет великолепных цветов и громадная кисть дикой черешни, вся белая от цветов.

Такая тишина, такая красота кругом в природе, что делается на сердце светло и легко. Мы живем в большом, только что отстроенном доме — мы с Асей и Наташа с Александром Михайловичем[2] с нами рядом. Пока дом пуст: все другие живут в старом доме, и мы точно в келье на опушке старого леса, где кругом стоят деревья такой причудливой, фантастической формы, что нельзя оторваться

от них; из окна — огромное, зеленое поле, где встает солнце. Дивно как хорошо, и жаль, что Тебя с нами не было это время.

Эту неделю я мало работал; у Аси был грипп, приехал Ал[ександр] Михайлович, и еще один молодой человек из Москвы, родственник Аси. С завтрашнего дня сажусь за работу и до — 9 мая. 9-го едем в Петербург. 12 или 13 в Гельсингфорс; с 15 до 24 курс; числа 25-го опять в Петербург, а числа 30, 29, 28 или даже 27 мая мы у Тебя и числа до 10 июня — в Демьянове.

Милая, пиши скорее о твоем здоровье: как оно? Надеюсь, что Ты уже выходишь. Пиши, мамочка, а то буду беспокоиться. Целую. Христос с Тобою.

Остаюсь глубоко и нежно любящий Тебя Боря.

Ася целует Тебя и поздравляет с праздником: она Тебе напишет скоро.

1. Письмо датируется по содержанию и в связи с другими письмами А. Белого к другим адресатам.
2. Имеются в виду Н.А.Тургенева и ее муж А.М. Поццо.

№ 148

Боголюбы, 7 мая 1913 г.[1]

Дорогая, милая мамочка !

Прости меня, милая, что давно не писал. Я совершенно измучился с романом, подготовляя к сроку работу. Через три дня везу работу в Петербург проездом в Гельсингфорс. Оттого и не писал.

Мы, слава Богу, здоровы и собираемся ехать в Гельсингфорс. На днях, милая, пишу подробно и много; будем у Тебя, в Демьянове мая 27-28. Из Гельсингфорса тотчас напишу. Пока же адрес: Гельсингфорс. Poste restante. Herr Boris Bugaieff.

Милая, целую тысячу раз, обнимаю, нежно любящий Боря.

Не пишу от усталости. Ася целует Тебя.

В Христиании антропософы слушали курс Доктора «Пятое Евангелие». Здесь А. Белый принял окончательное решение связать свой путь с Р. Штейнером.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Луцк. 7.5.13.

№ 149

Мюнхен, конец июля 1913 г.[1]

Милая мамочка,

Вот мы уже как четыре дня в Мюнхене. Сегодня переезжаем в наш пансион. Были на теософском собрании. Доктора Штейнера не видали, еще вероятно не скоро увидим: он страшно занят. Видели Льва.[2] Лев живет в часе езды от Мюнхена; и приезжает к нам в гости. Доктор предписал ему строгий режим, и к нему нельзя ездить. Вообще он очень углубился и выглядит хорошо.

Мюнхен очарователен: ходим с Асей по старым местам, где я некогда жил.[3]

Адрес наш таков: Deutschland. Munchen. Akademiestrasse. № 7. Pension Romana. Но пока лучше и вернее писать так: Deutschland. Muпchеп. Poste-restaпte. Лучше это потому, что мы еще может быть переедем; а тогда — вечная путаница.

На poste-restante же письма пропасть не могут: лучше пиши на poste-restante. Мы пробудем в Мюнхене июль и август. В августе здесь цикл лекций и постановка мистерий. После вероятно проедем слушать курс в Базеле.

Июль же месяц мы подготавливаемся, знакомимся с теософской здешней жизнью, изучаем курсы Штейнера и по возможности стараемся со Штейнером повидаться.

Здесь довольно жарко, но живем мы в 2-х шагах от английского парка, и даже днем прохладно. Вчера мы гуляли за городом, в полях с двумя русскими теософами и одним немцем, Рихтером (который, кажется нам, уже приставлен от Штейнера).[4] Ну Христос с тобой, мама. Пиши. Ася целует Тебя. Тетю Катю целую.

Нежно любящий Боря.

1. Письмо датируется по содержанию и в связи с другими источниками.
2. Эллис (Кобылинский) Л.Л.
3. А.Белый вспоминает осень 1906 г. (октябрь), когда он жил в Мюнхене в первый свой приезд.
4. Рихтер (Rychter Tadeuz) — антропософ.

№ 150

Мюнхен, <август> 1913 г.[1]

Дорогая, милая мама,

Мы уже неделю, как в Мюнхене. Через несколько дней увидим доктора Штейнера. Пока же живем, подготовляясь. Приехала Наташа, в начале августа приезжает Киселев, Сизова, Кл[еопатра] Петровна,[2] Сабашникова, Трапезниковы, Петровский и др. русские. Как видишь, будет много, много знакомых. Здесь из теософов познакомились лишь с немцем Рихтером и графиней Калькрейт.[3] Мы живем тихо и в великолепном месте: против Академии художеств, на углу с Людвиг Штрассе, где ворота с львами. В двух шагах английский сад. И нам кажется, что мы в деревне. Быть около Штейнера очень важно. При свидании с ним поговорим о многом. И вероятно он даст мне внутреннюю работу, как и Асе. Вот почему эти два месяца жизни близ него нам так важны.

Милая, часто вспоминаю Тебя. Вспоминаю Демьяново. Нам с Асей хорошо и тихо: очень серьезно, потому что оба мы не знаем, что с нами станет после разговора со Штейнером. Но у нас есть протекция к Штейнеру. Через Льва.[4] Лев живет за городом; Штейнер к нему приставил одну даму, которая наблюдает за его работой, направляет его: и во многом он — неузнаваем. Штейнер — явление единственное, непередаваемое. В многие века такие *явления* не повторяются. Мамочка, пишу Тебе это письмо деловое, серьезное. Напишу подробно, в чем дело.

Теперь *окончательно* решена постройка Черноморской дороги (я об этом читал в «*Речи*»).[5] Совет Министров утвердил скорейшую ее постройку. С постройкой дороги (года через два) цена на нашу землю удвоится и более. Продавать имение жаль. Все эти месяцы мы переписывались с Владимиром Константиновичем Кампиони, Поццо, Метнером: через Поццо, Метнера и Вл[адимиром] Конст[антиновичем] Кампиони совершенно точно установили: 1) продавать теперь жаль 2) у нас был (и есть еще) покупатель петербуржец Троцкий,[6] который приезжал из Петербурга к Поццо и спрашивал обо мне, о земле (я с ним говорил о продаже в Петербурге — он сразу дает 15 тысяч). Но продавать за эту цену — безумие; через 2 года имение будет стоить 30-40 тысяч (теперь, когда дорога прохо-

дит это — *точно*) 3) «Мусагет» же, нуждаясь в деньгах, настаивает на том, чтобы я уплатил 3000 долг. И вот самое рациональное и простое сейчас — вот что: не продавать, а *заложить* землю. Это я решил. Заложив за несколько тысяч (я буду платить %, то есть несколько сот рублей в год (300-400) через 2–3 года мы продаем уже. Пока же землю надо разбить на участки и сдать в аренду с условием, чтобы на ней разводили культуру плодовых деревьев.

По этому поводу у меня была переписка с Вл[адимиром] Кон[-стантиновичем] Кампиони, которого я упросил взяться за это дело, ибо он специалист по этому вопросу (по образованию и службе). И он, после некоторого колебания, согласился для меня это сделать.

Он соглашается съездить на место, разбить землю по участкам, снять планки, заботиться об отдаче участков в аренду (за что будут арендаторы платить), а также заложить в Тифлисском банке (ибо в Тифлисском банке выгоднее всего) теперь летом (все справки о банках и % наведены А.М.Поццо и Метнером. Но он находится на государственной службе и имеет отпуск (в начале августа); если пропустить случай, то с имением будет неразбериха и опять все затянется до бесконечности; а так как я ждать не могу, то придется продать за бесценок.

Деньги на поездку, % за заклад (до продажи) все это Тебя не касается: буду платить я (кстати: заложенное имение, разбитое на участки и *возделываемое* арендаторами) продать легче и за него дадут дороже).

Но от Тебя я прошу следующего (очень немногого): 1) дать доверенность Вл[адимиру] Конст[антиновичу] Кампиони *по форме*, которую Тебе пришлет в Демьяново А.М.Поццо. По получениию формы доверенности Ты немедленно поезжай в Москву, к нотариусу: по составлению у нотариуса доверенности немедленно перешли или завези ее Поццо (Кудринская-Садовая, д. Шереметева. кв. 92) или вышли, что лучше, по адресу: Луцк (Волынской губернии). Лесничему Владимиру Константиновичу Кампиони. Я со своей стороны через консула высылаю доверенность Вл[адимиру] Константиновичу.

Это во-первых. Во-вторых: достань бумагу о том, что отец мой и я приписаны к Московскому Дворянству (она понадобится).[7] Это — *бумага о Дворянстве.* Она должна у Тебя быть.

Если к первому августа это не будет сделано, то Вл[адимир] Конст[антинович] Кампиони *не поедет*, и тогда чепуха 1) *«Мусагет»* подводится 2) я сажусь на мель 3) мы упускаем случай выгодно продать имение в близком будущем (ибо: сейчас если имение стоит 15 тысяч, а заложив его в 7 тысячах, то — чистая цена его 7 тысяч, да через два года еще 15 тысяч (после жел. дороги) т.е. мы теряем сейчас при продаже 15 тысяч).

Повторяю: деньги на устройство поездки, и % *заклада плачу* я.

В.К.Кампиони по службе и образованию *именно* эти дела знает и только он может разбить на участки и привести землю в состояние хорошее. Он же лично и заложит. Вот почему для действия ему к августу нужна доверенность. Если доверенность опоздает к августу, то он уже ехать не может, и все мои просьбы к нему, вся трехмесячная переписка пропадает даром. К тому же я года на полтора попадаю в *очень трудное положение*. Я прошу Тебя немного: 1) съездить в Москву и по получению формы доверенности от Поццо 2) составить у нотариуса доверенность 3) выслать *немедленно* ее Вл[адимиру] К[онстантиновичу] Кампиони по вышеприложенному адресу 4) найти бумагу о дворянстве и держать ее наготове, чтобы при первой просьбе выслать ее, выслать. Вот и все.

Этим Ты освобождаешься: 1) от ряда хлопот 2) мы сохраняем имение до более выгодного времени 3) ценность земли устанавливается специалистом и знатоком по земельному делу 4) мы получаем возможность *годные участки* сдать в аренду.

Видишь, милая мама, вот какие дела.

Мне так не хочется тащиться к консулу, составлять доверенность, ибо душа занята не тем, а все так надо эту бесконечную канитель с имением привести к отчетливости.

Получаю все время разные письма. Удивляюсь, как многое происходит: Блок пишет все какие-то мрачности, мусагетцы мало делают дел, Сережа[8] совершенно *навсегда* вылечился здоров и (это секрет) кажется женится на Тане Тургеневой этой осенью. Они — жених и невеста. Сережа сейчас в Боголюбах у Кампиони. Наташа рассказывала много о нем. Ну, милая, Христос с тобой. Пиши мне.

Остаюсь любящий Тебя нежно Боря.

Ася целует. Она напишет на днях.

1. Датируется по содержанию и в связи с письмами к другим адресатам.
2. К.П.Христофорова.
3. Калкрейт П.(1856–1929) — графиня, антропософка. 3. Эллис (Л.Л.Кобылинский).
4. А.Белый хотел устроить свои финансовые дела за счет продажи земли на Кавказе, которая досталась ему в наследство от отца. Все усилия его друзей, связанные с залогом и продажей земли успеха не имели. Подробнее об этом см.:Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб. 1998. С. 39.
5. «Я об этом читал в "Речи" (газета)».
6. Установить личностьТроцкого не удалось.
7. По вполне понятным причинам А.Белый в советское время о своем дворянском происхождении ни в каких автобиографических документах не упоминал. Тем не менее это факт. Сохранилась копия свидетельства, о котором он пишет А.Д.Бугаевой: «Свидетельство. Московское Дворянское Собрание на основании ст. 276. Т.IX Св. Зак. Изд. 1876 г., сим удостоверяет, что Борис Бугаев, родившийся четырнадцатого Октября тысяча восемьсот восьмидесятого года естьдействительно сын действительного Статского Советника Николая Васильевича Бугаева и что он определением Собрания, состоявшемся 27-го Ноября 1896 года, причислен к роду, который внесен в третью часть родословной книги и об утверждении онаго в дворянском достоинстве из Правительствующего Сената последовал Указ от 8 Августа 1860 года за № 6993. Гербовый сбор оплачен. Москва 3 Декабря 1896 года. Московский губернский Предводитель Дворянства: подпись.
Секретарь Дворянства. Подпись Столоначальник подпись
8. С.М.Соловьев лечился от психического заболевания. Он женился на младшей из сестер Тургеневых Татьяне 16 сентября 1913 г.

№ 151

Мюнхен, <начало августа...> 1913 г.[1]

Дорогая, родная мамочка!

Спасибо Тебе, огромное за беспокойство, которое я Тебе причинил. Но более подходящего случая с имением[2] не представилось бы долго, а мне для того приезжать сейчас в Россию нельзя. Милая моя, родная: мы теперь при Докторе Штейнере. Уже 2 раза здесь у него были. Завтра идем опять. Дело в том, что кто хочет серьезно работать и вдумчиво относится к словам Доктора, тот не может не стать его учеником, т.е. не только обращаться за советом и спрашивать, но и исполнять ту работу, которую дает Доктор и которая ведет к очень большим следствиям, как в отношении к внутренне-

му миру (раскрывает глаза), так и в отношении самочувствия, здоровья и т.д. Лев Львович оттого-то не может уехать от Доктора *без позволения*, что проходит сложный и тернистый путь обучения и работы над волей, чувствами, «*Я*» и т.д. Особенно первое время, где каждый шаг неопытен, нужно находиться при Докторе, чтобы в случае чего тотчас же искать у него совета и помощи.

Мы попали теперь в то положение, когда мы еще не ученики, но уже не просто любопытные. Доктор дает нам работу, в которой мы отдаем ему отчет. И теперь уехать от него — невозможно.

Вероятно мы естественно перестанем курить и есть мясо, как естественно при методе нашей жизни пришли к убеждению, что невозможно пить вино и пиво.

И — увы — мюнхенское пиво не для нас.

Ты спрашиваешь, почему мы едем в Базель. Мы едем в Базель за Доктором. После окончания мюнхенского цикла лекций начинается цикл (12 лекций) в Базеле. Вот почему мы туда едем (Базель близок от Мюнхена) — всего 5 часов езды.

Время наше строго распределено: утром работа, данная Доктором. Потом работа литературная; в час — обед. После 3 раза в неделю приезжает Лев и читает нам курсы Штейнера. Если Льва нет, то мы читаем (переводим) курс Доктора «*Теософия розенкрейцерства*», занимаемся немецким. От 5 до 8 или гуляем или отдыхаем. В 8 ужинаем, пьем чай, а там готовимся к ночи и опять исполняем то, что дал нам Штейнер. Оторваться от этой осмысленной жизни нам нельзя. Милая, родная, пиши же: как твои ноги? Это у Тебя нервное; милая, ничего серьезного нет. Ну Христос с Тобой, моя родная. Целую Тебя. Ася целует. Остаюсь любящий нежно Твой Боря.

P.S. Наш адрес: Deutschland. Munchen. Akademiestrasse. № 7.

P.S.S. Если я не уплачу 3000 «Мусагету»теперь, то «Мусагет» года 2 будет мне *не платить* за работу, вычитая долг, т.е. 2 *года* я должен работать не получая ни копейки из «*Мусагета*», заплатив же 3000 «Мусагету», я опять-таки *беру их назад*, ибо я работаю на «*Мусагет*». Вот еще причина, заставляющая меня имение заложить; и немедленно. Продавать же сейчас — безумие.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. А.Белый имеет в виду хлопоты А.Д.Бугаевой, связанные со сбором документов для оформления залога под кавказскую землю в Банке.

№ 152

Льян, 12 сентября 1913 г.
12 сентября нового стиля (30 августа русского)[1]

Милая мамочка,

Что же от Тебя не было письма в Мюнхен? Получила ли Ты мое письмо в Демьяново? Не знаю, куда Тебе писать. Из Мюнхена не мог писать, потому что все дни и часы были расписаны и заняты. Кроме того, ничего не напишешь во время курса. В Мюнхене мы прожили около 3 недель, потом проездом были в Дрездене, где прожили 2 дня из-за Метнера, с которым повидаться мы приехали (Дрезден лежал у нас на пути). В Дрездене мы совершенно восхитились Сикстинской Мадонной Рафаэля, вечером с Метнером были на Валькирии.[2] Из Дрездена через Берлин, Швецию мы проехали в Норвегию; представь себе, что через Балтийское море мы переехали в поезде. Берлинский поезд въехал на пароход, пароход перевез поезд через море; поезд поставили в Швеции на рельсы и он покатил себе по Швеции. Доктор будет здесь через 2 с половиной недели, а мы пока, поджидая его, живем в очаровательной местности под Христианией. Наш пансион стоит среди соснового леса на серых отвесных скалах, внизу громадный фьорд и необозримое пространство воды, островков, гор; издали видна Христиания, столица Норвегии. Комната наша выходит окнами на фьорд, и когда находишься в ней, то имеешь впечатление, точно Ты висишь над водой в высоте. А когда выйдешь на балкон (у нас комната с балконом) и перегнешься через перила, что видишь, как внизу растут сосны. Дивно хорошо, спокойно, тихо: запах моря, смолы, грибов, сосен; кое-где золотые березы и — даль фьорда. Фьорд, это длинный залив моря, глубокий, окруженный горами и скалами. Адрес наш или: Норвегия, Христиания. Norwegen (Norge). Kristiania. Poste restante. Herrn doctor Boris Bugaieff. Или: Норвегия. Norwegen (Norge). Kristiania. Ljan. Pansionat Heim. Herrn dr. Boris Bugaieff; Ljan т.е. Льян, это дачное место недалеко от Христиании на берегу фьорда. В пансионе мы до 30 сентября нового стиля т.е. до 17 сентября старого. Потом мы неделю живем в Христиании (курс Доктора); далее едем в Берген (на лекцию) — дня на два, оттуда дня на два в Копенгаген (с Доктором) и оттуда уже или на постоянное житель-

ство в Берлин, или постоянное жительство в Базель (где Доктор будет часто бывать); пока еще точно не знаем.[3] Пиши же скорей нам, пока мы еще здесь.

Ну Господь с Тобою. Пиши больше, пиши о себе все.

Целую Тебя и остаюсь любящий Тебя Боря.

Ася просит передать Тебе свой привет.

1. Датировка А.Белого.
2. Интересно отметить, что в «Материале к биографии» А. Белый пишет, что они с Э.К.Метнером присутствовали на «представлении "Тристана и Изольды"» (Андрей Белый и антропософия. С. 355).
3. Эта поездка окончательно связала судьбу А.Белого и А.Тургеневой с Р.Штейнером: «Далее: мы едем за д-ром в Берген, в одном поезде; во время пути, когда поезд пересекает ледники, к нам с Асей в вагон входит М.Я.Сиверс и между нами происхолит разговор, который решает нашу судьбу; мы с доктором поедем в Дорнах» (Джон Малмстад. Андрей Белый и антропософия. Минувшее. 1988. С. 356).

№ 153

Берлин, октябрь 1913 г.[1]

Дорогая, милая мамочка,

Спешу Тебе написать. Наконец-то мы вернулись в Берлин. Поездка по Норвегии с Доктором не поддается никакому описанию. Можно только молчать. Ты меня спрашиваешь, почему я Тебе ничего не написал о Мюнхене, ни о мистериях; милая, по той причине я Тебе не писал, по какой не пишу о норвежском курсе лекций.

Пойми, не даром Доктор читает свои курсы для членов и не позволяет присутствовать на них не членам. Нужна специальная жизнь, специальная привычка для того, чтобы воспринимать те высокие истины, которые мы имеем счастье слушать. В письме обо все этом и сказать-то нельзя, а писать восклицательными знаками — в общих выражениях восторга, не передающих сути дела и ничего не объясняющих читающему, значит подать повод говорить: «Он увлекается...». И это будет неверно. Я никому ничего не писал о своих впечатлениях от Мюнхена и Норвегии. Слиш-

ком все это сильно и хочется после пережитого одного: *тишины и молчания.*

Если бы Ты, родная, поняла, это теософия просачивается во всю жизнь, проницает неуловимо все Твои прежние привычки и вкусы и незаметно, капля за капле, начинает открывать Тебе глаза на то, что прежде было скрыто от Тебя под густой завесой тумана, — если бы Ты это *поняла*, то Ты была бы с нами. Ты сама бы могла присутствовать в той радости, которую нам открывает Доктор — радости *вечной, новой всегда и вечной*; много нужно сделать усилий, много шагов нужно сделать человеку самому, одному, падать, подниматься, отчаиваться, видеть жизнь разбитой, разорванной в клочья, чтобы причалить через бурное море к новому берегу — к берегу радости новой, о которой так хорошо сказано в Евангелии от Иоанна: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ею; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости; Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и *радости вашей никто не отнимет от вас; и в тот день вы не спросите Меня ни о чем* (Еванг[елие] от Иоанна. Гл.16, стих 21-23). Вот такую же радость испытали мы в Норвегии, не рассказать, передать словами в чем эта радость, которую дает нам жизнь у Доктора, в чем радость наша, когда мы слушали христианийский цикл, в чем радость поездки нашей с Доктором в Берген, — для этого нужно много и долго заниматься теософией, переживать и умственно, и сердцем, и волей многие пути *восхождения*, страдать новым страданием, учиться новой науке — и не только сердцем, или мыслью, или волей в отдельности, а тем, другим, третьим вместе, в жизненной нераздельной связности; а без этого слово, теплое от радостной мудрости Доктора покажется отвлеченным, нежизненным знанием, а тихая радость покажется бурным, поверхностно-легкомысленным выражением. Теософия — не слова, а жизнь. И знаки этой жизни не поддаются описанию; надо войти в теософию, идти годами ее путем, и тогда только она будет доставлять ту бодрость и силу, о которой говорят слова Евангелия: «Радости вашей никто не отнимет у вас». «В тот день вы не спросите Меня ни о чем».

Потому то я и не писал ни о Мюнхене, ни о Христиании. Слова — пустые знаки; они покажутся полными лишь при совмест-

ном видении и слышании. Надо вместе жить при Докторе, чтобы расслышать в пустом знаке письма отражение того биение жизни, смысла счастья и радостной боли, в которой мы живем, когда мы при Докторе.

Милая мама, мы теперь в Берлине. Наш адрес: Berlin. Ausburger strasse. 52. Pension Begg-Klau. Berlin W. Herrn doctor Boris Bugaieff. Живем в пансионе, где жила Кл[еопатра] Петр[овна] Христофорова. Этот адрес вероятно постоянный адрес.

Были мы в Бергене. Прожили три дня. Потом опять чудесной горной дорогой вернулись в Христианию. Оттуда приехали в Копенгаген. Здесь были опять лекции. И из Копенгагена уже вернулись в Берлин. В Берлине мы прочно 8 ноября (нов[ого] стиля) едем на три дня в Нюрнберг, потом с 26 декабря нового стиля т.е. с 12 декабря русского до русских 23–24 декабря мы Лейпциге на курсе.

Ну Христос с Тобой. От Аси привет.Боря.

1. Письмо датируется на основании содержания.

№ 154

Берлин, конец октября 1913 г.[1]

Милая, милая мамочка!

Прости, что так долго Тебе не писал, страшно был занят. Теперь чувствуется как-то по осеннему. В Берлине туман, сырость (не люблю я Берлина): если бы не Доктор, ни за что не стали бы мы здесь жить.

День проводим мы очень монотонно; Ася читает, работает; я весь день тоже. Целыми днями сидим у себя: совсем не выходим. Никто у нас не бывает, да и мы на у кого не бываем. Никого видеть не хочется. Теперь чувствуется, какое-то утомление после курсов (Мюнхенского, Норвежского, Нюрнбергского)»[2].

Ты пишешь об Эллисе. Да, бедный: он болен, совершенно болен; и считаю его поступок с *брошюрою*, которую он печатает в Мусагете,[3] более чем слабостью, но почти *подлостью*... Да, вообще меня разбила Москва. Этот эллисовский пасквиль на антропосо-

фию Мусагет печатал тайно от нас и когда мы обнаружили весь этот поступок, то они пришли в негодование на то, что мы члены ред[акции] Мусагета и одновременно антропософы требуем, чтобы брошюра Эллиса не была напечатана.

Они отказали.

Нам пришлось уйти из *Мусагета.* Но хорош *Мусагет*: Рачинский и Метнер можно сказать выгнали из Мусагета меня, Петровского, Сизова. А я столько лет (4 года) портил кровь, отдавал свои нервы и силы *Мусагету.* И не уважить просьбы целых четырех человек (меня, Петровского, Сизова, Ахрамовича[4]) — во чтобы то ни стало печатать пасквиль.

Все это дело страшно угнетающим образом отозвалось на нас с Асей. Ведь пришлось не только уйти из *Мусагета*, но и в сущности покончить с целым рядом друзей: с Эллисом, Метнером, Киселевым, Рачинским и вероятно, придется мне выйти из Религ-Фил[ософского]-О[бщест]ва, прервать все с Морозовой,[5] Булгаковым[6] и т.д. Фанатики они: действительно они нас просто теснят за антропософию.

Впрочем не сержусь на них: не ведают, что творят.

Дорогая мама, пиши о себе. Мне писать почти нечего. Доктор уехал и в Берлине тянутся теперь для нас длинные, монотонные дни. Отчего так мало Ты в себе пишешь? Нам с Асей все о Тебе интересно и близко знать.

Остаюсь искренне любящий Тебя и нежно преданный Боря.

P.S. Ася целует Тебя. Наш привет тете Кате. Передай мой привет от меня Ек[атерине] Вас[ильнвне] Владимировой,[7] если она еще не уехала и если она меня помнит.

P.S.S. Напиши мне о своих впечатлениях от Московского Кружка Антропософов. Что ты вынесла.

1. Письмо датируется на основании содержания и в связи с другими документами.

2. Имеются в виду циклы лекций Р.Штейнера «О мистериях», «Пятое Евангелие», «Христос и духовные миры», прослушанные А.Белым и А.Тургеневой Мюнхене, Льяне (близ Христиании) и Нюрнберге.

3. Речь идет об инценденте с издательством «Мусагет», которое опубликовало брошюру Эллиса «Vigilemus», содержащую критику Р.Штейнера и его учение. В письме от 9 ноября на имя секретаря издательства Н.П.Киселева писатель просил его известить редактора-издателя Э.К.Метнера о своем выходе из состава редакции издательства.

4. Ахрамович (Ашмарин) Витольд Францевич (1882–1930) литератор, секретарь Ритмического кружка при издательстве «Мусагет».
5. Отношения с М.К.Морозовой прерваны не были, о чем свидетельствует их последующая обширная переписка.
6. Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — философ, богослов, публицист.
7. Владимирова Екатерина Васильевна — сестра художника В.В.Васильева.

№ 155

Базель, 4 февраля 1914 г.[1]

Дорогая, милая мамочка!

Прости меня, что я так давно не писал на Твое хорошее письмо, которое меня так порадовало, но ... после лейпцигских дней была передышка в две недели, во время которой прошли 4 удивительнейших лекции д-ра Штейнера «*О Парсифале*», о «*Микеланджело*» и др. После этих лекций мы были удивлены и потрясены; не успели отдохнуть, а уже ... генеральное собрание т.е. неделя заседаний, докладов, лекций с 10 часов утра до 10 часов вечера *почти непрерывно.* Веришь ли, как устали! Так устали, что даже не записались на «*Евритмию*» и потом собирались в Швейцарию. Теперь мы уже не Берлине, а пока в Базеле... Под Базелем в деревушке Дорнах строят спешно будущий наш Театр-Храм для мистерий; здесь воздвигнется ряд построек, вырастет целый поселок; здание для курсов, художеств[-енная] мастерская и т.д. Идет грандиозная спешная постройка, и кто чем может помочь, помогает. Вот мы и приехали, чтобы поселиться в Дорнахе на ряд месяцев (до самой мистерии) и одновременно предложить свои услуги по работе: меня приняли помогать в «Бюро» по постройкам пока, и Асю тоже;[2] потом она будет работать со стеклами (особенным способом приготовленными); будем мы жить в прелестных деревушках (в природе), кругом горы; на горах замки (старые); и радостно хоть чем-нибудь реальным (работою) прикоснуться к делу Доктора; Доктор сюда в Дорнах, очень часто наезжает (в сущности здесь он жить будет больше, чем в Берлине: он и сейчас в Дорнахе); он руководить всеми работами лично сам: сам лепит, чертит планы, задает задачи архитекторам и т.д. Словом и здесь — он самый *опытный* из всех.

Милая, к осени вероятно откроется Храм-Театр и осенний съезд будет не в Мюнхене, а в Дорнахе: вот бы ты приехала; вообще: для Доктора Штейнера сотни людей специально выучиваются немецкому языку и едут издали, а Ты... говоришь о каких-то вещах и двух, трехстах рублей и ... не едешь. Ведь *такого явления*, как *наше* движение со времени появления и проповеди Спасителя *никогда еще не было*. Ведь дело Доктора начало иной эры всемирной истории; ведь эта так! Я надеюсь, что Ты из членов соревнователей[3] вступишь в действительные члены А[нтропософск]ого О[бще]ства и приедешь к нам, чтобы вместе видеть мистерии и слушать осенний курс, присутствовать при открытии «Johannisbau».

Милая, знаешь ли, что мы женимся (гражданским браком), чтобы нам не теснили швейцарские власти и теперь хлопочем с бумагами, ездим в Берн к поверенному и т.д. Скоро водворимся в Дорнахе; пока же наш адрес следующий: *Schweiz*. Bazel. Posterestante. Herrn Boris Bugaieff (фамилию пиши точно, а то если хотя бы в одной букве не так, здешняя почта не выдает).

Ну Христос с Тобой. Целую Тебя крепко. Любящий Тебя нежно Боря. Ася целует Тебя и говорит, что скоро напишет. Тете Кате сердечное спасибо и сердечный привет.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Basel: 4.II.1914.

2. «<...> моя должность заключалась в том, что записывал в книги нанимавшихся на работу столяров, а также высчитывал заработную плату, а Ася пристроилась при чертежной» (Андрей Белый и антропософия. С.372).

3. А.Д.Бугаева посещала занятия «вводительного» кружка Московской группы антропософов, которым руководил Б.П.Григоров. В письме от 9 декабря 1912 г. (ст.ст.) она сообщает сыну: «Кружок я посещаю каждую пятницу и Борис Павлович Григоров мне ужасно нравится. Такой умный, тактичный и выдержанный <...>Я этим и раньше, давно, всегда интересовалась и конечно в этом направлении я теперь сознательно развиваюсь. Всех нас собирается 18–14 человек. Не могу сказать, чтобы посещающие, т.е. члены были мне симпатичны!» (ОР ГБЛ. Ф. 25. Карт. 12.)

№ 156

Базель, 25 февраля 1914 г.[1]

Милая мамочка,

Страшно порадовала Ты нас; просто не верится, что Ты приедешь; смотри же, приезжай: ну, конечно, Тебе пришло счастливое решение; и мне-то как хорошо пожить с Тобой. Когда я получил Твое письмо, раскрыл и стал читать, просто не поверил я тому, что Ты собралась ехать к нам. Не только нам приятно и радостно будет с Тобой встретиться, но и Тебе перемена места, воздуха, наконец сама поездка будет крайне полезна. Ну — как хорошо: приезжай, приезжай же, милая мама. До скорого, скорого свидания.

Теперь деловая часть письма: как удобнее всего нам встреться, как жить, где и т.д. я Тебе подробно все опишу.

Сейчас мы живем в Базеле (Schweiz, Basel. Aeschenvorstadt. "Hotelzum Baren" № 25) в двух смежных комнатках, хотя Ася с утра уезжает работать в Дорнах; живем мы здесь по сложным причинам. Швейцарцы очень косятся на тех, кто не женаты, но живут в одном помещении; так как нам придется жить в Дорнахе долго (в будущем), то у нас потребуют документы и узнав, что мы не венчаны, нас вышлют из пределов Швейцарии (по ихним законам); в виду этого мы венчаемся гражданским браком (которого нет в России и который единственно законен вполне здесь); но для этого надо бумаги, оглашение и прочее. Пока идет дело о нашем венчании, мы не можем снять в Дорнахе общее помещение и живем в отеле (в Базеле). Повенчаемся мы марта 15-го нов[ого] стиля.[2] И далее: только 1 апреля освобождается нам две комнаты в Дорнахе, которые мы снимем. В Дорнахе и в окрестностях очень трудно устроиться: это все деревушки, где все сдаваемые комнаты на перечет; впоследствии тут будет и теософские пансионы все прочее, а пока это — деревни, около которых строится наш Храм; далее в виду массы художеств[енных] работ с апреля съезжается в Дорнах до 50 художников, скульпторов и прочее, что вместе с находящимися составит до 100 человек; каждый старается заранее запастись помещением, чтобы не ездить из Базеля на работы; потому с комнатами трудно; мы сделаем все усилия приготовить Тебе хорошую комнату, но Ты должна телеграфировать точно, когда Ты приедешь.

Теперь сроки и числа: 4, 5, 6, 7 и 8 марта мы уезжаем на лекции Доктора в Штуттгарт и Пфорцгейм, т.е. с 21 февраля старого стиля до 25 февраля мы в отлучке; от 9 до 15 наша свадьба (точно числа не знаю), а с 17 апреля нов. ст. (т.е. с 24 марта старого стиля) курс Доктора пасхальный (в Вене),[3] на котором нам *необходимо* быть, потому что до осени уже курсов не будет.

Стало быть 2-го марта русского стиля мы в Вене (дней на 8); и потом опять в Дорнахе уже прочно.

Стало быть возможно так:

1) Ты выезжаешь 2 марта, приезжаешь к нам в Базель марта 4 (комнату мы или приготовим Тебе в Дорнахе, или живем вместе до апреля в Базеле), а марта 22 мы от Тебя дней на 8-9 уезжаем в Вену на курс Доктора (в этом случае неудобство то, что Ты курса Доктора не услышишь, его не увидишь и проживешь без нас дней 10).

2) Вторая комбинация: Ты едешь с нами в Вену. Неудобство этой комбинации то, что все равно Тебе можно было бы через Вену приехать в Базель (Вена на пути); и, таким образом, Ты делаешь крюк.

3) Еще комбинация: так как Вена, где будет курс Доктора лежит на пути из Москвы в Базель, то если бы Ты приехала к курсу в Вене, то есть к 24 марта, выехав из Москвы 22 марта, то мы бы съехались и встретились в Вене, вместе выслушали курс (это важно) и вместе бы поехали в Базель, заодно вместе бы друг с другом провели праздник Пасхи, слушая и видя Доктора. Страшно обидно и досадно то, что Твой приезд отсрочился бы на три недели.

4) Наконец 4 комбинация: за десять дней до Вены Д-р читает 4 лекции в Мюнхене; мы *не хотели* ехать в Мюнхен (дорого); но можно было бы нам после Мюнхена поехать в Вену марта 15-го; тогда мы бы пожили еще с Тобой до венского курса; неудобство этой комбинации то, что пришлось бы заодно ехать в Мюнхен и прожить в Вене не 8 дней, а дней 15–16, на что у нас при готовом помещении в Дорнахе пожалуй не хватит денег.

Ужасно неудобно, что 1) скорей, скорей Тебя хочется видеть и что 2) необходимо нам быть на венском курсе (долго объяснять почему): но действительно необходимо.

Нарисую тебе карту: (рисунок)

Видишь: неудобство то, что приехав к нам через Вену в Базель 2-го марта, Тебе или пришлось бы жить без нас дней 10 пока мы *в*

Вене, или же опять ехать в Вену из *Вены* опять в *Базель* и на возвратном пути опять через Вену.

И *практичнее всего* (но грустно, что на 3 недели поздней тогда увидимся) нам съехаться в *Вене*: Тебе из Москвы; нам — из Базеля; и прожить после *Вены апрель и май* уже не разлучаясь.

Удобство еще то, что Ты увидишь и услышишь Доктора на курсе (это ничего, что Ты будешь плохо понимать: я Тебе буду рассказывать; главное, видеть какой он, когда читает).

Милая мама, ужасно обидно, что в то время, когда хочется скорее, скорее Тебя обнять приходится говорить о сроках, времени, практичности; я Тебе все наши сроки написал и предоставляю выбрать самой:

1) приедешь ли Ты до Вены к нам 2 марта и потом с нами поедешь в Вену

2) или не поедешь в Вену (останешься без нас)

3) или приедешь на неделю позднее в Вену

Итак, пиши скорей или телеграфируй: выезжаешь ли Ты 2 или откладываешь свой приезд до Вены. Еще 9 дней наш адрес таков: Schweiz, Basel. Aeschenvorstadt. "Hotelzum Bazen" № 25. После же Bazel. Poste-restante (лучше всего poste-restante, я всегда туда захожу).

Проехать в Базель можно двумя путями: 1) через *Берлин*. Приехав в Берлин, Ты берешь поезд прямого сообщения *Берлин-Базель*. Или с вокзала *«Friedrichstrasse»* Ты едешь на вокзал *«Anhalte Bahnhof»*, или же на вокзал «Potsdamer Bahnhof».

2) путь через Вену: приехав в Вену Ты спрашиваешь у специального чиновника, прекрасно говорящего по-русски и приставленного, чтобы помогать иностранцам (он стоит в зале, где таможенный осмотр), на какой вокзал Тебе ехать в Цюрих; и потом едешь Вена — Инсбрук — Цюрих (выбери поезд без пересадок); это путь, по которому мы ехали когда-то (через Тироль) и далее: Цюрих — Базель (2 часа пути).

Итак: Москва — Варшава — Вена — Цюрих — Базель; это путь второй (он — приятнее, живописнее); и Москва — Варшава — Берлин — Базель; это — путь первый.[4]

Клеопатры Петровны[5] уже месяц нет в Берлине, она уехала к отцу уже с месяц до Вены; в Вену приедет.

Вот, милая мамочка, подробные указания; но — как радостно, что Ты едешь; у меня страшная потребность скорее, скорее Тебя обнять и расцеловать и так скорее жду от Тебя извещения, когда Ты приедешь; прямо в Базель, или к Вене; пиши скорее, или даже телеграфируй, ибо в первом случае надо тотчас же озаботиться с помещением.

Ну милая Ты моя: как хорошо же Ты надумала к нам приехать! Давно пора!!

Крепко и нежно целую

Твой Боря.

Милая мама, еще раз хочется крикнуть: «Как хорошо, что Ты приедешь!.» Приезжай, приезжай: посмотришь на нашу работу: увидишь, как строится Johannisbau. Вот еще что: в виду того, что Тебе надо будет непременно бывать на лекциях Доктора (это ничего, что Ты будешь не понимать слова: он весь говорит невыразительным, бессловесным), — в виду этого запасись членским билетом в Москве; а если Ты член-соревнователь, то лучше перейти просто в члены; здесь у нас теперь непременно спрашивают билеты. Конечно, можно в крайнем случае без билета, но лучше иметь уже антропософский билет; убедительно советую Тебе прослушать курс в Вене (7 лекций); курс это не то, что отдельная лекция; это как полнозвучная симфония по сравнению с музыкальным этюдом.

Переговори с Б.П.Григоровым относительно билета и прочее...

Да! И лучше всего: пиши мне на *poste-restante* (я захожу через 2 дня туда).

Милая, милая, милая: да как же хорошо, что Ты едешь. Не умею сказать, как радуюсь!..

Ася просит Тебе передать, что она ужасно рада Твоему приезду, и что сегодня вечером напишет Тебе (она с утра уезжает в Дорнах, где работает: чертит планы и т.д. с Наташей). Две недели работал и я, а теперь собираю переводить на русский язык первую мистерию Доктора.

Ну Христос с Тобой!

Тетю Катю целуем.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Basel: 25.II.1914.

2. А.Белый и А.Тургенева сочетались гражданским браком 23 марта 1914 г. в Берне.

3. На самом деле Штейнер прочитал в Вене курс лекций 6, 8–14 апреля. (Андрей Белый и Антропософия. С.377).
4. А.Д.Бугаева выбрала первый путь и предположительно 27 марта она была в Базеле, поскольку уже 29 марта они (А.Белый, А.Тургенева, А.Д.Бугаева, Н.Тургенева, А.М.Поццо) прибыли в Мюнхен на лекции Штейнера. В день отъезда в Вену между А.Д. и А.Тургеневой разразился скандал: "<...>главное впечатление от Мюнхена: ужасная ссора Аси с мамой, в которой Ася была ни в чем не виновата, а мама была вопиюще несправедлива к Асе; в мое отсутствие она ей наговорила таких вещей, что Ася была вынуждена ей указать на дверь; я, конечно, принял сторону Аси и решил в Вене поселить маму отдельно от нас, чтобы из Вены отправить ее в Москву <...>Пасха пала на последнюю лекцию д-ра. Пасху мы встретили в Вене; и потом проводили маму в Москву (она примирилась с Асей). (Джон Малмстад. Андрей Белый и антропософия. Минувшее. 1988. С.377).
5. К.П.Христофорова.

№ 157

Арлесгейм, <апрель> 1914 г.[1]

Милая мамочка!

Спасибо за хорошее, хорошее письмо. Я долго не отвечал, потому что работа у нас кипела; с утра до вечера мы работали над архитравом. А вечером у нас был постоянно народ: Трапезников, Рихтер, Софья Николаевна[2] и т.д. Теперь засели на несколько дней дома.

И вот пишу.

Yоганнисбау[3] подвигается . Здание Ты бы не узнала; оно все увеличивается в размерах. Доктор бывает часто с нами; вчера он уехал на несколько дней. Народу теперь здесь человек за 80. Русских человек 20. Маргарита Васильевна,[4] О.П. (жена М.И.)[5] Трапезников и другие. Погода стояла все время ясная. Цвели вишни, когда мы вернулись из Вены; растительность такая пышная, сочная; все — в цветах. Жизнь здесь очень напряженная, как вообще напряженно *все*, к чему ни касается Доктор. Милая мамочка, скоро напишу Тебе подробно, много, а сейчас какая-то усталость да и работа «Сирину». Поздравляю Тебя с русской Пасхой.[6] Христос Воскресе. Ася целует Тебя. Она сейчас на работах (я дома один). Тетю Катю целуем тоже. Софья Николаевна уехала.

Еще раз нежно целую Тебя. Остаюсь глубоко любящий Тебя Боря.

Адрес пока: Schweiz, Arlesheim (bei Basel). Mattweg 318. Herrn Boris Bugaieff.

1. Письмо датируется по содержанию и по сопоставлению с другими источниками.
2. С.Н.Кампиони.
3. Так в тексте письма.
4. М.В.Сабашникова.
5. О.П.Сизова — первая жена М.И.Сизова.
6. Пасха в 1914 г. праздновалась 6 апреля.

№ 158

Дорнах, <конец июня> 1914 г.[1]

Дорогая, близкая мамочка!

Чувствую перед Тобой огромную вину. Я не писал Тебе так долго. Верь, что причина тому не лень, а отчасти усталость (чисто внешняя, физическая), отчасти — работа. Дело в том, что мы бешено работаем — с утра до вечера. Месяца полтора я работал в *Bau*, а теперь, вторую неделю готовлю к изданию свои стихи, перерабатываю их и т.д.[2] Я все время хотел Тебе писать подробно о нашей жизни (*не хотелось писать несколько слов*), *а времени — не было*, оттого и молчал. Johannisbau растет не столько во внешнем смысле, сколько в деталях; внешняя постройка подвигается, хотя уже не так быстро; месяца через 3 корпус будет готов; в августе будут покрывать особой черепицей, выписанной из Норвегии; в июле, кажется, будут вырезывать портал т.е. украшение над входными дверями. Но зато работа внутри утроилась; уже стоят *там*, где при Тебе ничего не было, 26 колонн с резными капителями; и то, что мы выколачивали (помнишь) красуется где-то там высоко, высоко; уже два месяца работают над архитравом т.е. над пространством между колоннами.

Это пространство будет таково:

Огромные, стройные деревянные формы должны быть вырезаны также, как капители; *архитрав* состоит из 26 кусков — каждый в две — три сажени в длину и более сажени в вышину; и все должно быть вырезано. Видишь, какая работа! Недавно Ася с Наташей работали: Наташа — с 8 часов утра до 11 часов вечера, а Ася с 8-30 и тоже до 11-ти. Надо было к сроку кончать тот кусок, кото-

рый уже поднимается вверх. Доктор остался очень доволен их работой, приходил к ним по несколько раз в день и т.д. Скоро начнут выделывать стекла. Johannisbau внутри будет совершенно поразителен; между прочим: там будет стоять огромный, особого устройства орган. Мистерии Доктора пройдут с органной музыкой.

По вечерам 2 раза в неделю берем уроки *еуритмии*; все мужчины почти делают еуритмию в греческих белых туниках, белых чулках и белых туфлях, а дамы — в белых платьях; воображаю себе, как будет странно, когда в *Johannisbau* под звуки органа будут танцевать храмовые танцы уже прошедшие школу еуритмии в этих белых греческих костюмах. Вообще: около *Johannisbau* будет совершенно новая культура. Милая: пиши о себе. Мы все здоровы (у меня только 2-й день болят зубы). Здесь теперь Петровский; он приехал на год; скоро приедет Сизов. Доктор все время с нами, уезжает на короткие сроки (читать лекции) и опять возвращается; теперь он расписывает модель купола, с которой будет копировать художники. Доктор оказывается и художник.

Целую Тебя нежно Боря. Ася целует Тебя.

1. Письмо датируется по содержанию в связи с другими письмами документами.
2. В июне А.Белый готовил к изданию сборник стихотворений для издательства «Сирин». Проект не был реализован в связи с разразившейся 31июля 1-ой мировой войной.

№ 159

Берлин, 10 июля 1914 г.[1]

Милая мама!

Прости, что давно не писал. Целуем. Пишу из Берлина. Едем на милый север, в Норд-Копинг (Швеция)[2] на курс, через 10 дней вернемся назад. Сейчас сидим на северн[ом] вокзале, радуемся лицам норвежцев и шведов. Будем в Стокгольме. Ася целует. Из Норд-Чопинга напишу подробно. Боря.

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю: Berlin: 10.7.1914.
2. Белый ошибается в названии. Правильно — Норчёпинг.

№ 160

Дорнах, <август> 1914 г.[1]

Милая мама,

Целуем, здоровы, не волнуйся: все вокруг нас хорошо. Пишу эти слова, потому что дама одна едет через Англию в Гельсингфорс: мы отрезаны от России.[2] Получила ли телеграмму... Работаем в Bau.

Целую нежно и крепко. Боря.Ася целует..

1. Записка датируется предположительно.
2. 31 июля 1914 г. начало Первой мировой войны.

№ 161

Арлесгейм, <конец августа> 1914 г.[1]

Дорогая, милая, милая мамочка,

Вот наконец представилась оказия Тебе переслать письмо. Ведь мы были более 2 с половиной недель совершенно отрезаны от России. Через Германию и Австрию письма не шли. Т.А.Полиевктова,[2] уезжая в Россию через Турцию, везет это письмо к Тебе.

Родная моя, милая, не беспокойся: в Дорнахе и Арлесгейме все тихо, спокойно, хотя мы и на французско-немецкой границе, но Швейцария нейтральная страна; на границе около 200 000 швейцарского войска охраняют нейтралитет. И мы мирно работаем над *Bau.* Чем страшнее война, тем мирнее и дружественней настроены те из антропософов, кто по воле судьбы оказался в Швейцарии, около Bau. Здесь немцы, русские, австрийцы, поляки, голландцы, англичане, норвежцы, шведы и т.д. сгруппированы около Доктора, а с Доктором хорошо и спокойно. На прошлой неделе слышалась канонада в Эльзасе; это шел бой французов и немцев под Мюльгаузеном; и всем нам было горестно и стыдно, что так близко от нас льется кровь и гибнут люди, а мы спокойно себе слушаем канонаду из мирной, невоюющей страны. Вот карта (положение Базеля, Франции и Германии относительно нас).= **схема, нарисованная А.Белым.**

Где у меня стрелки, там все время происходят стычки французских и немецких войск и мы слышим канонаду, но война не может коснуться нас: Швейцария. Милая, милая, я Тебе не писал, потому что письма в Россию не принимались. Теперь, как только выяснилось, что письма идут через Францию обходным путем мы послали телеграмму, что здоровы. Милая мама, не зови нас в Россию. 1) нам тут тепло, хорошо и спокойно 2) единственный путь через Италию — Константинополь т.е. через все Средиземное море, этот путь и дорог, и длинен, и неприятен (к осени на море будут бури); и главное: Турция мобилизировалась и со дня на день может объявить войну; и мы рискуем застрять в Босфоре, что было бы совсем неприятно. Будь спокойна и тиха: ничего с нами не может произойти, если будут периоды молчания, то знай, что это где-нибудь временно прервалось почтовое сношение. Пиши нам скорей *через* Францию почтовое сношение возможно. Хорошо, что мы вернулись из Швеции *до войны*; только что вернулись, как сношение прервалось и война началась. Здесь приехал Макс Волошин[3] и теперь тоже, как и мы, работает в *Bau*. В Швеции мы были вместе с Григоровыми, которые вернулись и теперь живут на станции *Поварово* Николаевской ж.д. (около Тебя). Кажется: имение Бурышкиных;[4] повидайся с ними; они Тебе расскажут, как нам хорошо и спокойно.

Милая, милая, милая

Целую нежно Тебя, не забывай, пиши, но хорошенько справься сперва, как нужно пересылать письма, чтобы они доходили[5].

Адрес наш: Suisse. Arlesheim, pres Bale, Maison *Schmiedt* (Buchdruckerei). Herrn Boris Bugaieff.

Целую Тебя Боря.

Тетю Катю целую

<*Далее рукой Аси Тургеневой*>

Целую Вас, милая Александра Дмитриевна. Не беспокойтесь о нас. В случае опасности мы всегда можем уехать вглубь страны.

1. Письмо датируется по содержанию

2. Полиевктова Татьяна Алексеевна (урожд. Орешникова) — близкая подруга Е.А.Бальмонт.

3. «В день объявления войны, до него, или днем позднее (не помню) какою-то бурею появился в Дорнахе Макс Волошин, заявивший, что он

едва успел проскочить в Швейцарию через Австрию и теперь является последним нечистым животным, которое в дни европейского потопа должно быть принято на ковчег "Bau"» (Андрей Белый и Антропософия. С. 406).

4. Бурышкин Павел Афанасьевич (1887–1953) — брат Н.А.Григоровой (урожд. Бурышкина), автор известных воспоминаний «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954).

5. Знак купюры поставлен там, где Белый нарисовал схему, из которой А.Д. Бугаева должна была понять место расположения Арлесгейма.

№ 162

Арлесгейм, 12 ноября 1914 г.
12 ноября нового стиля Арлесгейм[1]

Дорогая мамочка,

Отчего нет от Тебя писем вот уже полтора месяца? Заключаю отсюда, что сношения прерваны, письма пропадают. Я Тебе написал последний раз и послал с М.В.Мордвиным[2] письмо, но Мордвин застрял в Салониках и только через месяц после отъезда его получилась телеграмма, что он добрался. Получила ли Ты письмо мое, посланное с ним? Теперь О.Н.Аненкова[3] едет (это безумие!) в Россию через Францию-Шотландию, Норвегию и чуть ли не через Лапландию, т.е. огромным крюком и по местам, где разбросаны немецкие мины. Мы все отговариваем ее ехать, но она неуклонно едет несмотря на то, что пароход может наткнуться на мину и взлететь. И вот пользуясь *«оказией»* пишу Тебе. Письмо, вероятно, дойдет очень нескоро. Во всяком случае, вероятно, Ты его получишь из рук в руки. О.Н.Аненкова обещала лично у Тебя побывать и рассказать Тебе о нашей жизни: мы очень дружны с ней и все последнее время часто виделись и бывали вместе.

Хочу Тебя успокоить: нам хорошо и тихо в Арлесгейме. Кружок антропософов во время войны как-то теснее слился, и мы здесь, вокруг *Bau*, действительно как дружная семья: англичане, русские, немцы, австрийцы, голландцы, норвежцы, мы действительно являемся живым противоречием войны. Конечно, мы, русские, остается глубоко русскими, и во время войны я ощущаю Россию так,

как никогда. Время *тяжелое* и конечно все мы страдаем невыносимо, когда льется кровь, все мы безмерно привязаны к родине: но — человеконенавистничества нет. Мы в нейтральной Швейцарии: потому мы читаем все газеты (итальянские, французские, швейцарские, немецкие и те из русских, которые доходят до нас). И вот общее впечатление от газет: ненависть и клевета. Немецкие газеты полны рассказами о жестокостях русских и французов, французские полны рассказами о жестокостях немцев. И создается впечатление, что люди превратились в зверей. *Но*, милая мама, верь мне: ряд наших друзей, антропософов-немцев, ушли из Дорнаха на войну; мы знаем, какие это прекрасные, благородные, добрые люди. Зная, что сейчас иные из них дерутся против нас, мы не можем поддаться чувству национальной ненависти. Хорошо, что в войне просыпаются глубокие чувства к родине; ужасно, что во время войны забывается чисто человеческое; и если сейчас в России слово *«немец»* произносится с ненавистью, то вспомни мама, что немцы, французы, русские прежде всего люди. И как-то наперекор разлитому чувству ненависти и разложению народов хочется вспоминать то прекрасное, что дала нам культура каждого народа:[4] я люблю Россию не только потому, что я русский, но потому что Россия — страна Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, которые дали нам не узко-национальный, а широко-человеческий идеал; и потому что не могу я видеть в Германии страну варваров (варвары — везде есть); я вижу в Германии страну Бетховена, Канта, Гёте, Шиллера, Вагнера, Шумана, Шуберта, науки, философии; а читая русские газеты, видишь перед собой не Германию Шиллера, а какую-то варварскую страну дикаря; более того: мы сейчас, здесь, окружены немцами, которые так нежны, деликатны с нами, русскими. Более того: Доктор в своих лекциях, которыми он так балует нас здесь, часто касается России, на которую он смотрит, как на страну великого и огромного будущего. А ведь он, Доктор, — немец. И тем не менее дай Бог русскому так понимать неуловимые тонкости русской души, как понимает их Доктор.

Словом, чем более проливается кровь, чем сильнее ужасы войны, тем более хочется молиться о *«мире всего мира»*, тем более хочется благодарить каждый из враждующих народов за то прекрасное, что он дал человечеству: Шекспир — вот англичанин, Воль-

тер — француз, Доктор — немец, Вл[адимир]Соловьев — русский; и мы здесь соединяем имена великих людей, вспоминаем, что война марево и недоразумение.

Очень, очень важно именно теперь в душе сохранять чувство любви, гуманности, потому что, как у нас во время революции, все кругом охвачены чувствами злости и ненависти.

Мы продолжаем работать в *Ваи*. *Ваи*подвигается, хотя очень многие разъехались. Доктор особенно внимателен со всеми нами, часто читает нам лекции. Третьего дня он назначил нам с Асей свидание; мы просидели у Доктора полтора часа и вышли от него успокоенные и укрепленные. Доктор говорит, что те, кто остался сейчас при *Ваи* — будут особенно связаны с *Ваи*, что такова их *карма*; и настоятельно советует оставшимся не разъезжаться до окончания войны и постройки *Ваи*.

Видишь мама, нам хорошо, в пределах возможного; *конечно*, мы очень страдаем, что в эти тяжелые времена мы не в России, но еще более страдаем мы от того, что кругом смерть, что люди кругом звереют; особенно тяжело было в августе и сентябре, когда все время работали мы под отдаленный пушечный гром в Эльзасе. Вот уже месяц, как пушки менее стучат; последняя канонада была недели три тому назад.

Милая, милая, милая, люблю Тебя нежно и постоянно вспоминаю. Христос с Тобой. Целую Тебя крепко. Твой Боря. 1914 года. 12 ноября н.ст.

Тетю Катю целую. Всем знакомым привет.

Адрес: Schweiz. Arlesheim bei Basel. Buchdruckerei. Hans Schmidt.

1. Письмо датировано А. Белым.

2. Мордвин М.В. — последователь Р.Штейнера, участвовал в строительстве Гетеанума.

3. Анненкова Ольга Николаевна (?–1949) — ученица Р.Штейнера, одна из основательниц Русского антропософского общества.

4. Перед «я» слово «русский» зачеркнуто.

№ 163

Арлесгейм, 8 декабря 1914 г.
8 декабря н.ст. (25 ноября)[1]

Милая мамочка,

Огромное спасибо за письмо; оно мне доставило громадную радость. Так хорошо *теперь* получить весть от своих. Я Тебе не писал так давно, потому что все время ходили слухи, что письма из Швейцарии не доходят. Во-вторых, месяца два тому назад уехал отсюда М.В.Мордовин, и я дал ему на руки письмо Тебе; но, вероятно, Ты письма не получила, потому что письма у пассажиров отбирают на границах; по крайней мере это обнаружилось в случае, происшедшим с О.Н.Аненковой; около 3-х недель О.Н.Аненкова все собиралась уезжать и я приготовил большое письмо Тебе с тем, чтобы она передала из рук в руки; но в Англии у нее письмо отобрали. Теперь, когда я пишу это письмо, Ты, вероятно, уже виделась с Анненковой и знаешь о нашей жизни; мы с ней видались каждый день, она у нас постоянно бывала; она может рассказать и о том, как мы живем, как работаем *в Bau*. Многое пережили мы за эти 4 месяца. Конечно, пережили мы страшную тоску по России, страшную тревогу за исход войны; конечно, были и тяжелые моменты в жизни нашего о[бщест]ва: ведь здесь немцы, австрийцы, англичане, поляки, русские и французы *вместе* работают с утра до ночи, вместе читают газеты, обсуждают военные события; конечно, не обходилось без ссор, препирательств; немцы нападают на Россию, русские на Германию. Был даже момент, когда возникло сомнение о том, можем ли мы вместе работать... Но — ведь на то с нами Доктор, чтобы рассеять эти нарастающие недоразумения. После периода национального охлаждения друг к другу наступил период нового какого-то соединения; мы после всего пережитого как-то теснее сплотились друг с другом, как антропософы; и верь: немцам это тяжелее, чем нам, потому что некоторые из работающих в Bau уже ходят в трауре; у той убили сына, у того — брата. Ряд молодых людей, работавших с нами — на войне; и все же: немцы безукоризненно хорошо, по-братски относятся к нам; и горе войны только усиливает наше общее соединение в Антропософии. Теперь, по доходящим из России газетам, ругают не только немец-

кое правительство, но и вообще немцев; милая мама, мы окружены немцами, и видим от них столько внимательности, тепла, и сердечного отношения, что действительно становится неприятен тон «*Русского слова*», «Утра России» и т.д., когда слово «германец» становится символом чего-то позорного.

Доктор прочел нам ряд изумительнейших лекций о войне, национальных культурах, о России; постоянно Доктор балует нас; недавно мы были на свидании у Доктора (у меня было недомогание), да и вообще я чувствовал себя тяжело; Доктор нас подбодрил, обласкал (недомогание мое не недомогание, а что-то такое с эфирным телом, вполне нормальное, что однако воспринимается как недомогание); недавно мы сидели у М.Я.Сиверс (я и Ася) пять часов: сидели за русским самоваром; я читал ей свои стихи; она была очень ласкова со мной и Асей; русских всех здесь любят; и мы чувствуем, что мы *у себя*, вроде как дома; в Швейцарии все спокойно; население тоже хорошо относится к нам, хотя пушки продолжают иногда греметь в Эльзасе; и ясную погоду вдруг отчетливо, как на ладони встанут … (кажется будто всего-то они в пяти верстах); оттуда иногда непрерывные раскаты грома; это — пушки; там кончается западный фронт; там четыре месяца в окопах друг перед другом французы и немцы. Но мы так привыкли к пушкам, что давно уже перестали обращать внимание (и не слушаем даже); война теперь уже не перекинется к нам; странно: четыре месяца мы живем собственно в линии огня, потому что если бы фран[цузские] или нем[ецкие] пушки сражающихся в Эльзасе повернулись на Арлесгейм; то гранаты долетали бы до Арлесгейма; и мы в нескольких километрах от конца громадного фронта, но мы — вне войны, в мирной Швейцарии; в Арлесгейме 4 месяца стоят швейцарские солдаты, они — милы, предупредительны, любезны; ходят иногда осматривают Bau: удивляются его грандиозности. Посылаю Тебе открытку с *Bau*; купол теперь лазурно-прозрачный, нежный, нежный; тем где крестики сделали навесы, скрывающие порталы, громадный деревянные резные формы; где у меня стоит 2 крестика, там уже почти вырезанный портал т.е. все пространство ab есть огромная резная форма: здесь работает Петровский, Трапезников, работала Наташа; теперь внутри Bau, в первом этаже — лабиринт переплетающихся комнат, зал — странных, колончатых; второй этаж

занимает сцена и зал, обставленный 26 колоссальными колоннами с резными капителями, на которые опирается огромное пространство резных форм (архитрав), которые теперь мы отделываем над куполом, далее идет купол, который скоро начнут расписывать художники. Теперь мы учимся работать в домике «С», где стоят машины для вырезывания картин на огромных цветных стеклах (пока у *Ваи* стекол нет; и окна заколочены), пока мы не приготовим стекол, над окнами, все пространство вырезано нами; это пространство состоит из огромных деревянных вырезанных форм. *Ваи* уже невыразим по красоте и открытка не дает никакого представления о впечатлении, которое он производит; серый странный низ, разное дерево стен желтовато-янтарного отлива и лазурно легкие, почти призрачные купола, меняющие, как море, свой цвет от каждой перемены воздуха (то зеленые, то — лазурные, то — молочно-серебряные, то туманно-свинцовые) создают дивную цветовую гамму.

Странная судьба: в двух-часовом расстоянии от нас в Цюрихе 4 месяца жил и живет Э.К.Метнер, загнанный сюда из Германии; и мы этого не знали; и он этого не знал. Недели полторы тому назад мы узнали это. Наташа ездила к нему; в это воскресенье он приедет к нам в гости; Эллис же живет в Берне. Странно: в это роковое время весь бывший «*Мусагет*» судьбою оказался загнан в одно место: Эллис, Метнер, я, Петровский, Сизов. Только Киселев оказался в России. Милая, милая, хорошо, что Ты ухаживаешь за ранеными, это — святое дело... Странное время: я нарочно не пишу ничего о войне, потому что *слишком тяжело* переживаем мы все войну; встаешь, ложишься спать, работаешь, — в душе непередаваемое, гнетущее чувство: *кровь проливается*, жизни гибнут... Война слишком на меня отразилась; месяца 2 я был совсем, как больной; а только теперь оправляюсь, стараясь отвлечь внимание от преследующей мысли: кровь льется. И если я не касаюсь войны в письме, так это оттого, что она сама слишком коснулась всех нас (кругом трещат барабаны, фыркают лошади; громадная масса швейцарских войск занимает мирные наши деревушки, раздаются команды; и — пушки; то с левой стороны (за замками): это учебная стрельба швейцарцев; то — с левой, за долиной: это бои в Эльзасе. Мы гораздо более в атмосфере войны, чем вы в Москве (дня 3 тому назад, на-

пример, непрерывно гремели орудия); оттого-то мы все почти разболелись в одно время от войны и ее близости к нам; оттого-то вопреки всей военной атмосфере мы теснее сближаемся около Доктора и *Ваи* и уходим в работу. Но мы — в полной безопасности и от этого стыдно.

Милая, милая мама: пиши же, пиши. Твои письма — радость для меня; пиши чаще; я буду тоже часто писать; кажется, все-таки письма доходят, хотя очень много писем и пропадает.

Поцелуй от нас милую Клеопатру Петровну: скажи ей, что мы часто-часто вспоминаем ее, вспоминаем пережитые с ней дни в Берлине, вспоминаем незабываемый, родной нам Норд-Чопинг, где, накануне войны, блеснул нам яркий такой луч света.

Христос с Тобой, милая.

Боря.

P.S. Григоровым пишу. Тетю Катю целую.

<Далее рукой Аси Тургеневой>

Милая Александра Дмитриевна

Боря здоров — это говорит докторша, которая его выслушивала и Доктор Штейнер. У него были всевозможные нервные ощущения, очень болезненные, но ни с чем не связанные. Так один день у него была боль на сердце, другой — удушье, на третий чахотка, подагра и т.д. Но, повторяю, он все время был здоров, а теперь, когда он успокоился нервно, и ощущения прошли. Не беспокойтесь так же о пушках: хотя они и гремят, но очень далеко и никакой опасности, что немцы или французы перейдут швейцарскую границу — нет. Очень жаль, что наши письма пропали и так трудно пишется, когда не знаешь, дойдет ли письмо и через сколькие руки оно сначала пройдет. Целую Вас очень, милая Александра Дмитриевна. Скажите Клеопатре Петровне, что помним о ней и любим. Привет Екатерине Дмитриевне.

Ася.

1. Письмо датировано А. Белым без указания года.

№ 164

Дорнах, 13 февраля 1915 г.
13 февраля нового стиля.[1]

Милая, милая мамочка,

Прости меня, что я так долго не писал; не писал я потому, что страшно уставал: у меня была инфлуэнца, а у Аси инфлуэнца с бронхитом переходящим в воспаление; я поправился в неделю, а Ася 11 дней лежала и месяц после того, как встала, была на положении больной; нам с ней приходилось топить (днем и ночью) и готовить обед; весь день был занят, а оба мы были так слабы, что просто месяц невозможно было писать. Кроме того: с февраля нового стиля мы переехали; Асю, больную, надо было перевозить (с вещами и прочим). Только теперь оправляемся оба от усталости этих месяцев. Можно сказать, что с 24 декабря до 6 февраля Ася у меня была больная, слабенькая, требующая ухода. Переехали мы прекрасно, у нас 2 комнаты, коридор, кухня, 3-я комната, которую мы сдали одной англичанке (антропософке) и терраса с видом на *Ваи.* Мы прямо под *Ваи* (очень близко); утром к нам на 3 часа приходит прислуга; в 12-30 приносят обед из *кантины.*[2] Ваu под боком и кроме того: мы соседи с Доктором;=**схема расположения домов и Гетеанума** кругом поля, уже весна: тепло, снег стаял. Хорошо нам теперь: тихо. Одна только у меня тревожная мысль: это — Ты. Не огорчайся, милая мама, будь твердой. Не надо слишком связываться со здешним существованием; все здесь — преходящее. Непреходящее — там. Устроились более или менее дешево. 100 франков за квартиру (30 франков нам платит антропософка); нам приходится … 70 франков квартира; франков 100 стол; франков 30 прислута; остальное на мелочи, так что живем на 300 франков в месяц (очень дешево, т.е. в обычное время на 125 рублей в месяц; беда только: теперь курс упал ужасно). Меня радует, что в абсолютной тишине, в абсолютной деревне. И ходьба в *Ваи* — 3 минуты, не больше. А то мы жили среди солдат, боя барабанов, музыки и т.д. Кругом нас с 4-х сторон горизонт и природа. Только вот — пушки в Эльзасе; они — гремят, гремят, гремят. Было лето, а там, в глубине горизонта — гремели пушки. Потом была осень; у нас шла своя жизнь, своя работа; а пушки… — гремели все так же, то глуше, то совсем

громко. Потом замолчали на месяц. И опять загремели с декабря; а вот уже недели 4 гром постоянный. Этот пушечный гром так вошел в жизнь, что стал обычным аккомпанементом работы, мыслей, прогулок. Вот и сейчас: пишу Тебе и — *«дрррр, дрррр»* — громко так раздается за горами. Это французы наступают на Альткирх. Огромный западный фронт, начинающийся в Бельгии и проходящий через всю Францию, спускается далее в Эльзас-Лотарингию и упирается в Швейцарскую границу — около нас (километрах в 15–20 должно быть). Возьми как-нибудь подробную карту этого угла Европы и Ты увидишь, что мы живем в местности, где сходятся 3 страны — Франция, Германия и Швейцария. Ты увидишь на карте пространство от Бельфора до Кольмара и от Кольмара до Базеля (этот — треугольник). Все происходящее здесь — мы слышим. Когда стреляли осадные орудия между Кольмаром и Мюльгауэзеном («Мюльгуз» как писали по-русски) мы слышали. Фронт проходит через Сен-Гейм, спускается к Альткирху и упирается в Швейцарию: 6 ½ месяцев этот кусочек обстреливают и французы и немцы. Когда побеждают французы, то гром канонады отчетливый, громкий, когда они отступают, звук пушек глуше. А в августе, когда французы взяли Мюльгауэзен и оказались в *Сант-Людвиге* (предместье Базеля, находящееся в Германии уже), то стреляла немецкая артиллерия из Ихштейна — гряды укрепленных холмов — отлично видных *с Ваи. В* это утро (в 6 часов утра) я был на вахте в Bau (мы тогда сторожили *Ваи*) и отлично видел дымки немецких орудий. Впоследствии (в августе) немцы оттеснили французов и канонада дальше: но она не прерывается. Когда ко мне приехал Метнер из Цюриха и мы вышли гулять, и загремели пушки, на него это произвело сильное впечатление. А мы так привыкли уже, что уже не обращаем внимания.

Только Ты пожалуйста не беспокойся: происходящее в Эльзасе не имеет никакого отношения к нам: и французы и немцы всячески стараются, чтобы не было никаких инцидентов на границе, ибо обоим не выгодно иметь Швейцарию против себя. Швейцарцы — прекрасный, милый народ и очень любезны со всеми. Что же касается нас, антропософов, то все без различия наций прежде всего антропософы: прежде все строят *Ваи.* Кроме того, — я видел столько прекрасного в людях, что для меня нет *«немцев»*, а есть *«антропо-*

софы» — немцы, от которых мы с Асей видели до сих пор только привет, дружбу и ласку. Были конечно и споры: я даже прослыл здесь за неукротимого русского патриота, потому что, верь, Россию в обиду я не даю и всякое неделикатное касание России осаживаю резко. Но споры — совершенно не касались личных отношений людей, хотя — русские здесь вовсе не космополиты какие-нибудь, а именно *«русские»*, а *немцы* — готовы умереть за свою родину. Было трогательно видеть, как уходили наши *«друзья»* немцы на войну, как они прощались с нами; верь, все-таки в нашей жизни здесь много прекрасных моментов, а главное — с нами Доктор, балующий нас рядом удивительнейших ... (недавно мы опять были у него и он был — ласковый, ласковый — нежный-нежный).

Милая, родная моя пиши же, пиши: подробнее о Твоем здоровье. Нервы — это ничего; это — пройдет; вот будет весна, и Ты — поправишься. Наш новый адрес. *Schweiz.* Dornach (bei Basel). Kanton Soloturn. Haus Thomann (Baumalesei). Herrn Boris Bugaiff. Остаюсь глубоко и нежно любящий Тебя Боря.

От Аси привет. Она целует Тебя. Общим знакомым привет.

1. Письмо датировано А. Белым.
2. Die kantine — столовая (*нем*).

№ 165

Дорнах, 31 мая 1915 г.
31 мая н.с.[1]

Милая, милая мамочка,

Пишу несколько слов. Страшно тоскую о Тебе; и столькое надо сказать, а времени нет: до отъезда Петровского надо закончить рукопись моей книги: работаю страшно и так утомляюсь, что нет силы писать.[2] А работу надо гнать к отъезду Петровского. У нас все благополучно, насколько может быть благополучие в это страшное время. Работа в *Bau*, лекции д-ра и т.д. Недавно ставили сцены из *«Фауста»*. У Аси очень много способностей к эуритмии. Д[окто]р ее заставляет принимать участие в публичном выступлении: теперь они репетируют стихотворения Гёте; недавно были у Д[окто]ра и

просидели у него весь вечер: он был бесконечно ласков и добр к нам. Я его обо многом спрашивал. Он очень советует теперь быть в Дорнахе и переждать время: не ехать в Россию. Живем мы спокойно, среди цветов и много работаем: часто, часто думаю о Тебе.

Христос с Тобой, милая. Ася целует.

Боря.

P.S. Адрес тот же. На днях отправил открытки. Получила ли? Через день пошлю еще.

1. Письмо датировано А. Белым без обозначения года.

2. В январе — июне 1915 г. А. Белый работал над книгой «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности». Это был полемический ответ на книгу Э.К. Метнера «Размышление о Гете».

№ 166

Дорнах, <май> 1915 г.[1]

Милая мамочка,

Как мы отправились гулять:[2] и напали вот на какой старый замок; осматривали его и долго-долго бродили по окрестностям. Здесь чудные окрестности; горные ручьи, скалы, долины и множество замков. Собираюсь усиленно забродить повсюду, как только кончу мою книгу. Милая, пиши мой адрес по-французски; а то с немецким адресом письма не доходят.

Христос с Тобой. Боря.

Suisse. Dornach (prês de Bâle) Maison Thomann. A monsieur Boris Bougaieff.

1. Открытка с видом старого замка; датируется предположительно.

2. Так в тексте.

№ 167

Дорнах, <май> 1915 г.[1]

Милая, милая мамочка,

Пишу Тебе все еще несколько слов я страшно переутомился над книгой и теперь страдаю бессонницей; надо было гнать книгу к отъезду Петровского. Оттого и молчал; как только соберусь с силами напишу Тебе большое-большое письмо. Милая, милая, как хочу Тебя видеть. Здоровы. Христос с Тобой, милая... Вот *Bau* с одной стороны.

Б.Бугаев.

1.Открытка с видом храма Гетеанума; датируется предположительно.

№ 168

Дорнах, 25 мая 1915 г.
25 мая (нов[ого] стиля)[1]

Милая, милая мамочка,

Скоро Тебе напишу. Прости меня за долгое молчание. Объясню его в письме; я однажды Тебе написал, да не отправил: письмо было написано от бессонницы. Не хотелось отправлять его. Милая, как хочу Тебя видеть. Тоскую по России. Но мы решили теперь быть при Bau. Завтра или послезавтра пишу. Христос с Тобой.

Боря.

P.S. Адрес тот же.[2]

1. Открытка. Датирована А. Белым без обозначения года.
2. На оборотной стороне надпись: «Граница и фронт армии, тут мы живем».

№ 169

Дорнах, 28 июня 1915 г.[1]
28 июня н[ового] ст[иля]

Милая, милая мама,

Целую Тебя много раз. Здоровы. Пиши: давно уже от Тебя нет известий. Кончаю книгу: и сейчас же пишу Тебе. Книгу спешно заканчиваю. Христос с Тобой. Боря.

Ася целует Тебя.

1. Открытка. Датировано А. Белым: «15 г. 28 июня н.ст.»

№ 170

Дорнах, <июнь> 1915 г.[1]

Милая, милая,

Ужасно стыдно: но — падаю от утомления; перо отваливается; так много работаю. Когда кончу (на днях) пишу Тебе большое письмо. Отчего от Тебя нет известий. Целую нежно. Боря. Ася целует Тебя. Здоровы.

1. Открытка. Датируется в связи с другой корреспонденцией.

№ 171

Дорнах, 22 июля 1915 г.[1]

Милая, милая мамочка,

Только теперь могу Тебе писать подробно и много; ведь эти месяцы я был занят огромной работой сидел с утра до ночи за книгами; надо было отвечать Метнеру на его книгу о Гете. Пришлось одновременно изучать книгу Метнера, естественно-научные работы д[окто]ра Штейнера, его огромный комментарий к естественно-научным произведениям Гете и если эти произведения Гете, т.е. пять толстых томов; так что написание книги связалось с кропотливым изучением Гете и комментария к Гете. Книга моя вышла

больше 400 страниц. Рукопись теперь у Доктора. Мария Яковлевна[2] ее читает. У меня в связи с книгою возник ряд вопросов, и мы как-то провели целый вечер у Доктора с Асей, вместе ужинали, пили чай. Я Доктору очень много рассказывал про Россию: он был веселый, шутливый; вообще у него было так легко и свободно, что я потерял всякую меру и просто начал шутливую болтовню, рассказывал ему разные приключения Эллиса: он весело хохотал; потом мы начали уже разговор о моей книге; около трех часов шел наш разговор, и я успел Д[октор]у изложить все спорные пункты моей книги. На днях опять мы будем вероятно проводить вечер с Д[окто]ром. Я так упорно работал 3 последние месяцы, что потерял сон, так много приходилось водить пером, переписывать, писать, отделывать стиль, что рука отказывалась служить, и я впадал в смертельную усталость; теперь книга кончена, я опять сплю, здоров и весело стучу себе в *Ваи*. Ты не можешь себе вообразить, что это будет; подумай, вся эта громадина будет разная, вот уже 16 месяцев, как колотят по дереву и еще на добрые 12 месяцев одной резной работы; но то, что получится, превысит все представления: я твердо знаю, что *Ваи* откроет новую эру в искусстве. Ничего подобного не было; как первый готический собор должен был казаться совершенно непонятным, так и *Ваи*: первое впечатление от внутреннего зала будет прямо головокружительно; огромные деревянные линии архитрава, сама постановка колонн, вся архитектоника резного орнамента будет производить впечатление, будто огромный потолок колонны и стены кружатся: первое впечатление — впечатление головокружения; еще прошлой осенью, когда мы стали пускать публику в известные часы во внутреннюю залу, где на время сняли лески и можно было видеть вчерне архитравы (ту часть купола, которая опирается на колонны и которую мы вырезали), многие из публики были прямо потрясены, а ведь после опять поставили леса и всю зиму проработали под куполом; работают над куполом и теперь (над малым куполом), у нас с Асей большая форма; если б Ты видела Наташу и Асю за работой: как они наловчились и в смысле физической силы и в смысле художественного вкуса; маленькие, слабенькие, а мускулы у них, как сталь; работают громадным молотком и огромными стамесками; каждой поручено по огромной форме, где масса линий и плоскостей; по маленькой гип-

совой модели они должны из огромного деревянного кома вырезать сложнейшие и ответственейшие копии, они обе мастерски справляются; собственно работа — очень сложная, надо угадать мысль Доктора; представить, что он хочет, и в саженных масштабах развить мысль его с маленькой модели, где все лишь в намеке; собственно Доктор хочет, чтобы мы угадывали его мысль, а вся разработка делалась к приведению в исполнение дела личного творчества. Приходится все время сотрудничать с Д[окто]ром. Это и ответственно, и увлекательно — так, что — оторваться трудно: ведь идет дело о разработке совершенно небывалого в Европе стиля. Д[окто]р кроме всего огромный и гениальный художник; ведь все картины все рисунки он пишет сам, сам изваивает статуи, а художники, зодчие, скульпторы разрабатывают его работы, он недавно вылепил три бюста Христа, Люцифера и Аримана:[3] это нечто столь огромное, что когда я вышел в мастерскую, я просто оцепенел, какая сила творчества живет в нем.

Жизнь здесь полная и напряженная, все время *Ваи* занимает центральное место, Асе поручено например разработать рисунок Д[окто]ра для цветного стекла (все одновременно вырезывают стекла); кроме того, она руководит одним архитравом (я у нее под началом работаю); так что она необходимая сотрудница в *Ваи*; без нее ничего не обходится; кроме того, чтобы не унывали и не уставали Д[окто]р постоянно ставит отрывки из Фауста в сопровождении *эуритмии*, *эуритмия* — это искусство, изобретенное Д[окто]ром; передача звука слов в жестах и телодвижениях; получается нечто в роде танца; как Дёнкан[4] танцует *симфонии*, так у нас целая школа *пластики* и *танца* стихотворений. И здесь Наташа и Ася опять так необходимы; у обоих по-моему эуритмический талант; недавно Ася выступала соло в стихотворении Гете со сцены и произвела большое впечатление; она танцевала стихотворение Rosslein, а Наташа *Veilchen* (*фиалка — С.В.*);[5] так что кроме работы еще постоянно репетиции, изучение ролей, Д[окто]р для *Ваи* заранее готовит и соответственных исполнительниц соответствующих танцев; Ася и Наташа попали в будущий так сказать *Ваиский балет*, если можно так выразиться.

Кроме того два раза в неделю лекции; когда Д[окто]р в Дорнахе, то всегда он читает; видишь, некогда даже задуматься; жизнь

бьет ключом; Дорнах — это школа; приходится так сказать *жить в антропософии*; и трудно, ох как трудно, но и полезно; каждый месяц, проведенный здесь, равен году жизни в Москве *по опыту жизни*; на постройке *Bau* мы все прямо учимся; строя *Bau*, точно сами себя строим. И мы знаем; да и Д[окто]р это говорит: что не спроста мы здесь; постройка *Bau* и наша работа здесь отразится на всей нашей жизни; и он рекомендует всем без крайней нужды не уезжать отсюда и на трудности здешней жизни смотреть как на испытания. Ведь Ты должна понимать, что не зря Д[окто]р строит Bau, значение его для верховной науки огромно; следовательно не зря мы собрались здесь, не зря пребываем, а *каждый учится*; быть здесь не всякий сможет; это подлинно антропософская школа; привела нас сюда судьба; и не спроста, мы сейчас связаны войной, и не спроста мы здесь, русские, строим храм *«Мира всего мира»*; в лице нас — кусочек России; мы знаем нашу ответственность, нашу роль, нашу необходимость быть сейчас здесь; а именно теперь без *нужды* не уедем отсюда; если меня вызовут на фронт, мой долг — защищать Россию, и я еду, а без этого зова куда ехать и для чего бросать школу, куда Д[окто]р нарочно собрал нас, где учит на все будущее? Будет наше время — будем мы действовать и в России, сейчас долг наш быть здесь, раз мы сюда попали; здесь мы нужны, как ученики; нужные даже как работники, отчасти набившие себе руку; а кому сейчас нужны мы в России? Разве что мы будем предметом насмешек остряков и праздных болтунов; нет, уж если ехать, то ехать во фронт, санитаром или солдатом: в этом есть правда, а ехать так себе — для нас это значит: ехать чтобы *болтать* или *болтаться*; слуга покорный, побыв три года учеником Д[окто]ра научишься по крайней мере одному: знать цену Твоим *силам* и словам других, если сам Ты еще не готов быть полезным другим, если сам Ты чувствуешь, что Тебе еще надо у Доктора учиться многому, то тем более Ты знаешь, что учиться Тебе кроме Д[окто]ра не у кого и нечему, болтовня, фразы, пережитки себя самого, хаос, путаница в голове и опьянение собственными словами, — вот что Тебя встретит: спасибо покорно! В словесной мельнице, называемой литературным кругом, я потратил лучшие годы; и никто меня ничему не умел научить; и уж если я нашел себе школу, то как ни сурова школа, я добровольно не брошу ее, пока не извлеку в ней для себя «maximum» пользы.

Милая мамочка, прости, что пишу неразборчиво, пишу с вахты, раз в две недели я с Поццо провожу ночи в *Ваи*. Мы наблюдаем за сторожами и делам обходы — дивно с террасы открывается даль; ходишь с фонарем в лабиринте колонн и комнат, обходишь всю местность, забираешься наверх; и с высоты, с Ваи *следишь* за окрестностью; сегодня дивная теплая ночь; от горизонта, где — западный фронт, всю ночь сигналы; в облаках какое-то световое пятно — вдали пишет круги; думаю, это — французский или немецкий аэроплан; кто-то «световой» летает над облаком, так что пятно света из-за облака засветит на облаке и пишет правильные и медленные круги; смотришь туда, и — думаешь, там — залегли сотни в траншеях, и так близко, а Ты вот, в другой стране, как зритель, видишь сигналы, прислушиваешься, не загремит ли пушка, не пролетит ли пятно аэроплана ли, цеппелина (не знаю), — и вместе с тем в спокойнейшей и мирнейшей местности с колокольни часы тихо бьют, где-то лает пес, ни — души, и потом идешь себе *в бюро* пить кофе, где Тебя ждет Поццо. Ты отдашь ему фонарь, и сам садишься писать или читать.

Милая мамочка, заканчиваю письмо уже не на вахте. Живем мы прекрасно; наш домик стоит, окруженный зеленью и цветами; у нас кухня, комната, где мы проводим время и две спальни; из кухни выход на крытую галерею с видом на *Ваи*; тишина, поют птицы, прекрасный воздух; все завидуют нам, как мы уютно и удобно устроились; часто теперь я отправляюсь в горы; за Дорнахом близко уже настоящие большие горы; и очаровательные поездки можно устраивать здесь.

Очень близко (против нас живет Д[окто]р). Мы, сидя на террасе, видим, как он идет в *Ваи*, как возвращается из *Ваи*.

Настроение очень мирное и серьезное. Русские, англичане, французы, норвежцы, немцы — все вместе. Очень серьезно: взгляд на войну, на ее значение здесь у всех вдумчивый; мы *прекрасно понимаем*, что собственно происходит; и очень грустное впечатление производит то, что читаем мы из русских газет о русском о[бще]-стве. В русском «О[бщест]ве» ужасно на многое сейчас смотрят *скошенными глазами*: не видят, не понимают, не знают, что видим, понимаем, знаем мы. Очень грустно, что приходится молчать: все равно Твоего голоса никто не услышит.

Остаюсь нежно любящий Тебя и преданный Борис Бугаев.

P.S. Ася целует Тебя, передает привет и скоро напишет; она редко пишет, потому что страшно устает: ведь она целый день колотит или учится и в свободные промежутки у нее остается лишь час, два на отдых.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Dornach. 22.VII.15.
2. М.Я.Сиверс.
3. Люцифер и Ариман — символы злых темных сил, которые противостоят Христу. Люцифер — искуситель. Ариман — дух лжи.
4. А.Белый имеет в виду знаменитую американскую танцовщицу Айседору Дункан (1876–1927).
5. А.Белый имеет в виду балладу И.Гете «Heidenroslein» (Дикая розочка) и стихотворение «Das Veilchen» (Фиалка).

№ 172

Дорнах, <декабрь> 1915 г.[1]

Мамочка, милая,

Прости меня за грустное, больное письмо, мне за него стыдно; но я измучен: то, что я не вернулся, это же было по очень-очень сложным мотивам, а не от равнодушия к России и Тебе: Твое письмо порадовало меня; и я весь к Тебе протянулся; милая моя мамочка; оба мы с Асей — усталые, больные, грустные; трудно нам, ох, как трудно: подвела история с книгами; я был уверен устроиться; но с войной все отвлечены, ни чего не устроилось: послал письма к Мережковскому, Сологубу и Ремизову — похлопотать за меня у издателей: будучи отрезан от родины, я ничего сам не могу устроить: я рассчитывал на собрание сочинений у «Сирина», т.е. на 2 года спокойной жизни; и «Сирин» кончился;[2] до последнего времени был слух, что устроюсь я с одним издательством, но все — лопнуло; это меня пришибло, разбило: я както стиснул зубы, полтора месяца молчал и все думал — устроюсь: но ничего не устроилось; устроиться можно на протяжении 3–4 месяцев, а мы — без гроша доживаем последние деньги; что делать, не знаю: милая мамочка, помоги временно нам; когда я продам собрание сочинений (а я продам: только бы кончилась война), то я за него получу от 10 до 12 тысяч; только бы эти 2 месяца

извернуться: ужасно очутиться на чужбине, без возможности вернуться, в истощении, когда надо работать; и — без гроша денег; милая, мне стыдно у Тебя просить взаймы: но я же Тебе верну через год, шесть месяцев (как только продам собрание сочинений); помоги, милая, пришли нам 300 рублей, взаймы: на эти деньги мы бы обернулись и прожили около двух месяцев, а за это время друзья за меня похлопочут и наверное устроят; я же не думал, что комбинация, на которую я рассчитывал, пролетит: милая, милая мамочка: помоги — родная, голубка; выручи нас и скорее пришли 300 рублей;[3] помни: мы уже без денег, когда Ты получишь это письмо: я Тебе возвращу (я и пишу новый роман, и продаю собрание сочинений); за романы мне платят хорошо.

Еще раз прости: Христос с Тобой, целую

Боря.

P.S. Если Ты согласна нам временно помочь (дать взаймы, то — вышли деньги по телеграфу, если это возможно). Я Тебе верну.

1. Письмо датируется по содержанию и по сопоставлению с ответным письмом А.Д. Бугаевой.

2. Издательство «Сирин» было ликвидировано в апреле 1915 г.

3. А.Д. Бугаева выслала сыну деньги. В письме от 6 марта 1916 г. она пишет: «Письмо Твое я получила 4-го марта.‹...› Высылаю Тебе 300 р.». (ОР РГБ. Ф.25. Карт. 12. Д.6).

№ 173

Дорнах, 19 апреля 1916 г.

Дорнах. 19 апреля нового стиля 1916 г.[1]

Дорогая мамочка,

Христос Воскресе![2] Поздравляю Тебя с праздником и желаю спокойствия и тишины; очень Тебе благодарен за присланную помощь: действительно спасибо; как-нибудь все-таки мы здесь вывернемся.

Мне очень грустно и трудно, милая мама, Тебе отвечать не потому, что я не думаю о тебе, не люблю Тебя, не радуюсь каждой строчке, получаемой от Тебя, а потому, что Ты до сих пор все *наивно* думаешь, что вернуться по Твоему зову так легко и вполне зависит от нас;

Ты совершенно не представляешь ни нас, ни нашей жизни здесь, ни трудностей возвращения назад *в это именно время.* Очень обо всем этом по отношению к нам рассуждаешь абстрактно; Тебе хочется меня видеть; мне *не менее* хочется Тебя видеть и быть в России; и если я не еду, это не каприз, а ряд серьезных причин меня держит, начиная от внутренних и кончая самыми внешними; о внутренних говорить я не стану; для этого нужно взаимно установить понимание относительно ряда вопросов, о которых мы судим по-разному; установить на расстоянии это невозможно; нужно жить вместе, видеть одними глазами и чувствовать непередаваемый ритм внутренней жизни друг в друге; этого невозможно, как невозможно, например, на расстоянии Тебе *мне* передать настроение в пьесе, которую Ты видела в Худ[ожественном] Театре; что касается внешних причин, то — вот они; я Тебе уже писал и *осенью,* и *зимою,* что для переезда надо каждому иметь по 600 франков, не менее; т.е. 1200 франков; Ты, милая мамочка, чрезвычайно невнимательно читаешь мои письма; Ты присылаешь мне к Рождеству 500 франков (по нын[ешнему] курсу) и думаешь, что на эти деньги мы с Асей к Тебе поедем; на пятьсот франков не проедешь и одному; об этом я писал Тебе т.е. писал, что нужны *1200* франков, а Ты читаешь, что нужны *200* и пишешь в последнем письмо, что вот теперь у нас есть по *200* франков для переезда; не *двести,* а *тысяча двести* нужно; видишь, как невнимательно читаешь Ты и мои письма, и мои соображения самого реального свойства не принимаешь в расчет, руководствуясь лишь эмоцией, желанием меня видеть (да у меня тоже желание точно такое же), но я не могу отдаваться чувствам и безумно скакать в Россию, неизвестно куда, неизвестно на какие условия жизни, а мне надо упорно и много работать в спокойнейших, несуетливых условиях, что бы успеть кончить *до призыва,* или до мира, если таковой будет, первую часть нового моего романа — *во что бы то ни стало;* Ты не представляешь вовсе, что есть теперь переезд: надо хлопотать о выезде из Швейцарии 1) в трех консульствах (русском, французском, английском); ждать в Париже, в Лондоне случая переезда; при переезде через Ла-Манш и в Северном море всегда есть возможность наткнуться на мину и т.д.

Путешествие утомительно, полно задержек, случайностей, может продлиться более 2-х недель и т.д. Надо иметь деньги не толь-

ко на переезд, но и на случайность (вдруг остановка, болезнь и т.д.) Во-вторых: Ты думаешь, что мы налегке, как туристы с двумя чемоданчиками; между тем: мы живем домом; за четыре года пребывания за границей у нас накопился огромный багаж (масса вещей): не бросать же их; а тащить через всю Европу — (Швейцарию, Францию, Англию, Норвегию, Швецию и Россию) огромный багаж по нынешнему тарифу отчаянно дорого; и 1200 франков с багажом не хватит; сундуки разлезаются, надо покупать новые; далее: в путешествие надо обзавестись платьем; так, как мы ходим в швейцарской деревушке, где все нас знают, нельзя ходит в иных странах; опять — расход. Наконец: мы живем в природе, у нас 3 комнаты, кухня, прислуга, терраса, заведенное хозяйство, т.е. все удобства жизни и покоя за 300 фр. в месяц; нигде мы внешним образом не сможем теперь так устроиться; у меня заработка почти нет; но с тем, что имею я только *здесь и могу держаться*; мне нужны спокойные условия труда в моей работе;[3] они у меня здесь есть; а в комнатке гостиницы или даже у Тебя этих условий сосредоточенности, тишины и нашей размеренной жизни не будет: моя работа сорвется; мы два года уже здесь; и сняться нам в Россию столь же хлопотливо и трудно, как трудно Тебе выехать за границу; поехать нам в Россию сейчас огромный и ненужный риск (для моей работы, денег и всей жизни в ближайшем будущем); я поеду тогда, когда нас призовут: тогда консульство *обязано* доставить меня на родину и переезд нам удешевляется вдвое. Во-вторых, я знаю, что еду на службу, т.е. по определенному внутреннему и внешнему долгу и т.д. Если же мир наступит до призыва, то все выгоды и удобства вернуться после войны.

Это — внешние причины.

Кроме них — ряд интимных и внутренних у меня лично, у Аси, наконец у *нас с Асей*: чтобы понять это надо быть с нами, дышать нашим воздухом; а объяснять на расстоянии невозможно.

Поэтому все Твои печалования, сетования, желания быть с нами (и у меня столь же горячее желание быть в России, видеться с Тобою и т.д.) — ужасно абстрактны, не имеют под собой реальной почвы для осуществления; и потому-то мучительно, невозможно, горько, обидно, незаслуженно — читать Твои сетования на наш неприезд...

Показательно: два раза пишу для переезда нужно иметь минимум *1200* франков, а у нас их нет; и два раза Ты не замечаешь этого; если Ты не замечаешь (рассеяна) к реальнейшему факту, то как же Ты можешь вдумчиво понять ряд оснований других? И получая в ответ на объяснения просьбу приехать, испытываешь просто чувство тоски и невозможность отвечать теми же словами и теми же аргументами; и рука месяцами не может подняться на ответ Тебе, хотя мы любим Тебя, чувствуем Тебя, я о Тебе тоскую, и т.д. Если бы вместо взаимных настояний (Твоих — приехать, моих — не приехать), мы писали бы друг другу о тихих внутренних вещах, наша переписка, наше общение на расстоянии было общением, а не *трением мнений*, мне мучительном, потому что я страдаю мигренями, нервными одышками, сердцебиениями и целым рядом вещей, связанных с войною; пойми: мне *очень трудно*, *так как никогда в жизни*, а мне надо работать; иногда я едва держусь; и меня надо пощадить; из России никто мне не пишет, а Твои редкие письма (печали, упреки, рассеянность к реальным мотивам) создает то, что горькое чувство поднимается в душе: не добивайте меня хоть в письмах упреками; я нуждаюсь в моральной поддержке; а Твои письма выбивают меня из рабочей колеи на целые недели. Милая моя мамочка: теперь о деньгах. Огромное, горячее спасибо за присылку; меня она выручает, но ... *я бы с трудом* обошелся без нее; Тебе трудно высылать, но ... я у Тебя не просил; осенью у меня было критическое положение; я тогда просил; получив деньги от Тебя, я удивился и сконфузился; был благодарен, но... хотел вернуть; *ведь я же не просил*; и если не просил, значит в крайнем случае мог обойтись; теперь я надеюсь кое-как продержаться газетой;[4] и в очень трудных случаях я могу занять у одной русской дамы, которая хотя не богата, но которая в мое распоряжение давно еще выписала несколько сот франков; Ты напрасно полагаешь, что все люди руководствуются одною мыслью: как бы им не прожиться, как бы у них не взяли взаймы. Мы ведь тут *антропософы*, братья и сестры; и как мы с Асей в свое время помогали бедным русским, так *русские* не допустят, чтобы мы умерли с голоду; все-таки — *мы семья*; *каждый за всех, и все за одного*; у Тебя превратные представления о людях; вообще здесь люди есть: хотя бы например зубной врач уже 4 месяца занимается моим ртом; он сам предложил мне чинить зубы бес-

платно (у меня были сильные боли); а заплатить когда-нибудь, после войны, когда у меня будут деньги; а это — первый врач в Базеле, первый по мастерству и дороговизне; в виду того, что он член нашего О[бщест]ва, я согласился на его любезность: не думай, что мы живем в волчьей яме среди людей-волков, держащихся за свой кошель; в наш[ем] О[бщест]ве гуманные, добрые, честные и сердечные люди не на словах, а на деле... В этом случае я не знаю еще, где труднее будет: в России, где зарабатывать так трудно, или среди здешнего кружка людей, как никаких, *христиански* нравственного.

И Твои слова: «В долг никто не даст» такая же абстракция как и многие другие слова: я вижу здесь людей жертвующих всем для идеи; мещане, дрожащие за лишнюю отдаваемую копейку везде есть; ведь много их; но есть много людей с совершенно другой психологией. Мамочка: я знаю Тебе трудно; не высылай мне пожалуйста; верь, если бы оказалась горячая нужда, я бы Тебя уведомил. Но присланные Тобою деньги с благодарностью принимаю, потому что и я в свое время, когда получал много, оказывал помощь. Видел на днях бежавшего из немецкого плена русского; много интересного рассказывал он нам; мы ему мгновенно собрали небольшую сумму денег. Очень милый солдат...

Мамочка, родная: умоляю Тебя — оставим темы о нашем приезде; мы очень благоразумны; и *зря* не останемся: приедем когда будет нужно (нам это виднее, чем Тебе); и зря же не бросимся очертя голову по одному Твоему зову, бросив вещи, занятия, удобное помещение, дешевую пищу и спокойную атмосферу в неизвестные трудности. Будем действительно общаться, а не упрекать друг друга, не звать друг друга; звать нас *сейчас же* вернуться все равно, что требовать от человека перелететь через озеро; у нас *крыльев* нет; летать мы не может; и оттого — сидим здесь. Если хочешь, чтобы мы часто общались, будем лучше писать о жизни друг друга; а то: вот огромное письмо; я бы мог Тебе описать красочно все подробности нашего быта, а я истратил энергию письма на все те же разъяснения (в который раз!) на Твои все те же требования; я и так работаю пером очень много; а сил — мало; вот и приходится кончать письмо: устал. Еще раз *Христос* Воскресе! Нежно люблю Тебя и очень-очень-очень тоскую по Тебе, по России, по русской природе.

Возвращение наше не за горами. Через несколько месяцев, я надеюсь, вернемся: ранее, не зови. Без разумных оснований не поедем.

Христос с Тобою, крепко целую и обнимаю

Боря.

Ася целует Тебя: она больна; у нее вырвали зуб.

1. Письмо датировано А. Белым: «19 апреля 1916 г.».
2. Пасха в 1916 г. праздновалась16 апреля.
3. В январе — июне Белый работает над романом «Котик Летаев».
4. А.Белый имеет в виду газету «Биржевые ведомости», где были опубликованы 4 его очерка.

№ 174

Дорнах, 23 июня 1916 г.

Dornach. 23 июня нов[ого] стиля 916 г. (10 июня старого)[1]

Милая, милая, милая, милая мамочка!

Все эти недели я так часто думал о Тебе, так часто хотелось быть с Тобою. Неужели Ты думаешь, что я не тоскую по Тебе; да нет дня, чтобы я Тебя не вспомнил: хочется Тебя видеть, хочется Тебя обнять, хочется рассказать о многом и многом, а все же... *трудно писать*. Подумай, наша жизнь протекает внешне однообразно: тот же круг лиц, круг общений, Тебе незнакомый; те же *«злобы дня»*, о которых в Евангелии сказано *«довлеет дневи злоба дня его»*;[2] стало быть: что волнует сегодня, завтра уже не волнует; следовательно: писать об этом нет смысла; все это было бы интересно до крайности Тебе, если бы Ты с нами жила; и это Тебя интересовать не может, если Тебя нет здесь, чтобы вместе видеть, переживать. Остается все, что связано с д-м, но вот уже полгода д-ра с нами нет; слушаем много интереснейших лекций. Живем так, что у нас есть несколько иностранных друзей и несколько русских (Трапезников, М.В.Волошина, Т.А.Бергенгрюн, урожденная Андреева, с которой Вы с папой в молодости часто встречались; кажется, у Сабашниковых: она помнит Тебя вовсе молоденькой; и — папу; она к нам мила и добра.. Вот и все — разумеется кроме Наташи и Поццо, которые

просто свои, родные); о картинках окружающей нас жизни писал в «Биржевых ведомостях»[3](жаль, что Ты, вероятно, не читала мои фельетоны: *пишу* туда довольно часто). О внутреннем: милая, нет слов сказать; самая душа наша расслоилась и в то время, как на поверхности жизни живешь тихо и скромно, душа подчас переживает величайшие радости, сомнения, бури, трагедии; *«кризис сознания»* всего человечества переживается потаенно в душе, я твердо знаю, что душа как бы заранее разыгрывает *«индивидуально»* все то, что позднее оплотневает событиями *рока*, встающего в жизни (на физическом плане); так: пар, безвидный, сгущается в облако; облако в дождь; дождь собирается на земле в ручьи, а ручьи оплотневают в твердый, ледяной корост. Что общего между твердой ледышкой и вдыхаемым с воздухом паром? Между тем и *лед*, и *пар* — *одно и тоже (в разных состояниях)*; и вот тоже самое с мыслями: оплотневает мысль — зажигающее нас чувство (вода); а оплотневшее *чувство* и *воля* — событие, протекающее во внешней жизни. «Мировая война» есть только результат сгущения *мысли*, ее тончайших изгибов, ее ритмов, трагедий, печалей и радостей; *кризис сознания* человечества начался с радостей; кризис сознания человечества начался давно, в величайших умах, как Ницше, Вл. Соловьев и т.д.; 15 лет я пишу о том, что мы вступили в *«роковую полосу»* сознания и что надо ждать событий; и уже жизнь изменилась; Ницше сказал: «Самые разрушительные события крадутся к нам голубиными шагами». *Голубиные шаги* событий[4] — мысли и переживания затаеннейшие, интимнейшие отдельных личностей; гром и молния бывают всегда вместе; факт, что *гром* отстает от *блеска* молнии, обусловлен тем, что всеет передается воздухом быстрее грома. На физическом плане *громыхает* война, а молнии ее уже были в грозовой атмосфере произведений искусства и мысли в конце XIX столетия. И вот среди *громов войны* (в буквальном смысле: ведь 2 года уже мы слышим гремящие пушки в Эльзасе) я ухожу в глубинные переживания мыслей и чувств и по *музыкальным мелодиям* в душе возникающим стараюсь я разгадать, что оплотняет из этого *«мира сознания»* завтра, как судьба жизни европейского человечества. Только теперь понятен Вл. Соловьев, когда он 16 лет назад писал:

Из-за кругов небес незримых
Дракон явит свое чело:
И тучей бед неотразимых
Грядущий день заволокло...[5]
И писал Ал. Блок 6 лет назад:
Доспех тяжел, *как перед боем*
Твой час настал: теперь — молись.[6]

И писал Мережковский 14 лет назад: «*Но в этом пожаре, от* которого загорится мир» и т.д.[7]

И писал я всего 4 года назад (в 1913 и романе «Петербург»): *Брань великая будет: брань небывалая в мире... Тронутся с мест своих все народы земные...*

И писал еще в «Симфонии» (14 лет назад) «*Ждали Утешителя, а ... надвигался Мститель*»...[8]

Если бы в эти дни, в дни войны, углубились бы в «Три разговора» Вл. Соловьева[9], или если бы перечли мои статьи и «*2-ую Симфонию*» поняли бы, сколько из совершившегося от 1900 до 1916 года, как события были как бы предугаданы поэтами, философами и просто чутками созерцателями «*событий внутренней жизни*»... Война могла поразить лишь так называемого «*трезвого материально живущего в свое брюхо*» человека; если бы от «буржуа» обратились к так называемым «*безумцам*», «*юродивым*», «*людям не от мира сего*», то увидели бы, что все-все-все было предугадано: все предупреждения были даны; люди только не умеют читать душевные переживания, как *знаки, прообразы, символы* нарастающих событий. И вот оттого-то с *высшей точки зрения* ни война, ни идущее за войною не может меня удивить: удивляться, содрогаться, плакать и радоваться будут опять-таки так называемые «трезвые люди с *брюшком* и положением», ибо они никогда дальше своего носа и элементарной выгоды не видят.

А я знаю: события современные есть человеческая Голгофа; когда Христос был распят, завеса в Храме Иерусалимском на двое разодралась: наступил мрак и *видения* посещали людей. Ныне тоже: *сознание человечества* переживало кризис и *надвое* разорвалось (см. мою статью «Кризис сознания» в Арабесках)[10]; следовательно должна была надвое разодраться и жизнь на физич[еском] плане; соврем[енная] война — 2 половинки разодранной Европы; но *кризис сознания* должен завершиться принятием сходящего к нам Христа:

люди должны не внешними средствами лишь бороться с сущими и грядущими бедами, но главным образом утверждать в сознании Дух Христов. Тогда будет ясно им, что внешние беды лишь испытание *твердости души*, что внутри *жизни* мысли есть уже надежды на лучшее будущее, ибо

Открылось! Весть весенняя! Удар молниеносный
Блистающий, разодранный, отторгнутый …
В грядущие, громовые, блистающие весны
Как в радуги прозрачные спускается Христос…[11]

Живем мы среди цветов: розы, розы и розы, белые, красные… Недавно в Асино Рождение знакомые нанесли роз: комната благоухала и утопала в розах… Асенька моя хорошенькая, ясная, веселая: когда наденет все белое, просто прелесть какая!.. У нас за домом развесистое дерево: там лежит сено, которое нам положила наша милая старушка (хозяйка) Thomann. Каждое воскресенье она подносит нам цветы; цветы не переводятся у нас.

В мае 2 недели прожили на отдыхе в *Лугано* с Т.А.Бергенгрюн и … представь себе: Боборыкиным! Боборыкин сильно постарел (ему уже 80 лет),[12] стал мягкий, добрый, отзывчивый и нежный (сильно изменился); он со мной дружил, наговорил мне множество комплиментов; были они с нами чрезвычайно любезны: Софья Александровна[13] (старушка) была у нас с визитом; я часто бывал у старика, а недавно получил от него письмо, в котором он пишет, что мы несмотря на разность поколений, однако *«гармонически можем дружить»*… Ему очень нравятся мои газетные фельетоны… Вспоминали папу, вспоминали Тебя. Они просят Тебе передать привет. Ну Господь с Тобою милая, родная моя: пиши подробно о себе.

Целую нежно Боря.

P.S. Адрес: Suisse. Dornach (pres de Bale) Maison Thomann. Мне.

Ася целует Тебя. Вчера были в гостях у д-ра Гросхайца[14], полгода лечившего безвозмездно мои зубы. Сегодня иду к Бауеру[15], нашему милому «председателю» о[бщест]ва.

1. Письмо датировано А. Белым: Dornah. «23 июня нового стиля 916 г. (10 июня старого)».

2. В древнеславянском тексте Библии эта фраза звучит так «Давлеет дневи злоба его». В Нагорной проповеди Иисус Христос сказал: «Итак не за-

ботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для капждого дня своей заботы. (Матф. 6: 34)

3. В газете «Биржевые ведомости» были опубликованы очерки А. Белого «Гремящая тишина» (15/28 марта 1916) и «Горизонты сознания» (17/30 марта 1916), «У немецкой границы» (29 апреля 1916) и др.

4. А.Белый имеет в ввиду текст из Ницше «Так говорил Заратустра»: «Самые тихие слова — те , что приносят бурю.Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром».

5. А. Белый неточно цитирует стихотворение В.Соловьева «Дракон» (24 июня 1900 г.). Третья строфа в стихотворении звучит так: «И мглою бед неотразимых».

6. У А.Блока третья строфа в стихотворении «Над полем Куликовым» иначе звучит: «Теперь твой час настал. — Молись.»

7. Имеется в виду работа Д.С.Мережковскрго «Лев Толстой и Ф.Достоевский». Отдельное издание вышло в 1902 г.

8. А.Белый приводит цитату из своей «Симфонии» (2-ой драматической), вышедшей в 1902 г. в издательстве «Скорпион».

9. Имеется в виду работа В.С.Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением кратокой повести об антихристе и с приложениями, изданная в 1900 г.» По краткому определению самог В.С.Соловьева «эти "разговоры" о зле, о военной и мирной борьбе с ним...»

10. Арабески и Кризис сознания.

11. Известно, что А.Белый часто переделывал свои стихи. Это стихотворение вошло в его сборник «Звезда» под названием «Чаша времен» и «Чаша». См.: А.Белый. Стихотворения и поэмы. С- Петербург —Москва, 2006. Т. 1. С. 410. Т. 2. С.373.

12. Боборыкин Петр Дмириевич (1836–1921) — известный прозаик.

13. Боборыкина Софья Александровна (1845–1925) —жена П.Д.Боборыкина, переводчица, литератор.

14. Гросхайнц (1876–1955) — врач.

15. Бауэр (1871–1929) — сподвижник Р.Штейнера.

№ 175

Арлесгейм, 25 июня 1916 г. (телеграмма)[1]

Arriwe besoin 300 roubles.[2]
Enwoi wite Bougaieff.

1.Телеграмма на бланке: 25.VII.1916.

2. Пришла нужда 300 рублей. Вышли быстро.

№ 176

Москва, <сентябрь> 1916 г.[1]

Моя милая, милая мамочка,

Ради Бога прости меня. Завтра утром я приеду: если я не съезжу в Дедово сегодня, то я рискую не увидать С.Н.Кампиони, которая на днях уезжает в Вол[ынскую] губернию, рискую не увидать и Сережу,[2] который переезжает в Лавру.[3] Сегодня единственный день, когда могу их увидать. Уезжаю сегодня; пробуду с ними вечер, а завтра чуть свет постараюсь уехать в Москву, чтобы быть дома уже часов в 11 вечером.

Право же мамочка, я должен это сделать: мне так надо повидать Софью Николаевну. Не сердись на меня. *Вчера* нельзя *будет* уехать.[4] Мы с Тобой проведем все время вместе. Христос с Тобой. Целую Тебя Боря.

До завтра.

1. Письмо датируется по содержанию.16 августа (н.ст.) 1916 г. Белый уехал из Дорнаха. В Москву прибыл в конце августа 1916 г.
2. Имеется в виду Троица-Сергиева Лавра.
3. С.М.Соловьев.
4. Так в тексте письма.

№ 177

Петроград, <сентябрь> 1916 г.[1]

Мама, голубушка моя, не беспокойся: я здоров и стремлюсь к Тебе. У меня был билет на день, когда мне было невозможно приехать. Сейчас иду за билетом. Я прожил 5 дней у Мережковских. За это время Р.В.Иванов[2] думал, что я уже в Москве: оттого-то он и вернул письма, адресованные мне: между прочим и Твою открытку. Христос с Тобой, голубушка: скоро увидимся. Боря. Целую всех близких.

Боря.

1. Письмо датируется по содержанию
2. В Петроград А. Белый приехал 3 сентября 1916 г. «Посещение редакции «Биржевые Ведомости», встреча с Виленским, Л.Д. Блок, с Р.В. Ивановым». (Ракурс. Л.80).

№ 178

Петроград, 23 сентября 1916 г.[1]

Милая мамочка, приехал. Не знаю, где Ты: в Демьянове или в Москве. Если в Москве, телеграфируй, куда ехать к Тебе: в Москву или в Демьяново. Адрес мой: Петроград. Отель «Селект». Мне. Христос с Тобой. Через 2–3 дня увидимся. Боря.

1.Открытка. Датируется по почтовому штемпелю:Петроград. 23.8.16.

№ 179

Петроград, 26 сентября 1916 г.[1]

Милая, родная, дорогая мамочка, — целую, целую: в среду, в четверг еду в Демьяново. Сейчас должен в Петрограде попытаться устроиться со своими литературными делами. Радуюсь, что увидимся наконец: очень тоскую по Асе. Любящий нежно Боря.

Телеграфируй мне, куда приезжать: адрес. Петроград. Гостиница «Селект». Мне.

1. Открытка с изображением г. Бергена. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 28.8.16.

№ 180

Москва, май 1917 г.[1]

Милая мамочка, меня освободили на 2 месяца.[2] До 19 июля я свободен. Не могу приехать до … 29-го, потому что жду Иванова-Разумника[3] в Москву. Хочется на воздух. Может быть придется остаться в Москве до заседания Рел[игиозно]-Фил[ософского] О[бщест]ва. Целую Тебя. Будь здорова. Б.Бугаев.

1. Открытка. Датируется по содержанию.
2. А.Белый был освобожден от воинской повинности.
3. Р.В.Иванов-Разумник намеревался приехать в Москву на съезд Партии социалистов-революционеров, который проходил с 25 мая по 4 июня.

Р.В.Иванов-Разумник не смог приехать. «...сегодня 26-ое мая. И мне ясно, что Вы не приехали В Москву. А я с каким-удвоенным ожиданием сидел в Москве, думая, что Вы приедете (признаться, оттого и не поехал в деревню)». (А.Белый и Иванов-Разумник. С.116).

№ 181

Демьяново, май 1917 г.[1]

Милая, милая мамочка,

Как мне грустно, что я проспал: мне так хотелось с Тобой провести время. Милая мамочка, приезжай к Григоровым. Они хотели, чтобы Ты приехала. Если бы Ты приехала послезавтра, в воскресенье, или во вторник на той неделе. В четверг мне надо будет быть в Москве. Если Тебе нельзя во вторник, не приедешь ли Ты в воскресенье на той неделе. Мамочка, если от прачки поступит белье мое, то привези его с собой к Григоровым. Жду Тебя либо во вторник, либо в воскресенье на той неделе. Христос с Тобой.

Боря.

P.S. Я ужасно досадую, что проспал в день Твоего приезда. Мы гуляли до 4-х часов ночи (Н.В.Богоявленский[2] с женой и Mme Лепковская). Mme Лепковская просила очень передать Тебе, что она не поедет в Москву, а я проспал Твой отъезд и не мог передать это. Еще раз Христос с Тобой. Любящий Тебя Боря.

1. Письмо датируется по содержанию и в связи с другими текстами. «Наконец мая уезжаю в Демьяново; встреча с проф. Богоявленским, К.А.Тимирязевым, В.И.Танеевым, Лепковскими, Гнесиной» (Ракурс к дневнику. Л.87 об.)
2. Богоявленский Николай Васильевич (1870–1930) —профессор зоологии.

№ 182

Москва, 30 июня 1917 г.[1]

Милая мамочка, не беспокойся, если я еще с неделю не приеду. Я сейчас в Поваровке.[2] После еду в Москву сдавать литературную работу,[3] а потом уже, или еду в Дедово, или в Демьяново. Так что могу не приехать числа до 7 июля. Целую Тебя. Будь здорова. Боря.

1. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 30.VI.17
2. Недалеко от станции Поварово А. Белый жил в имении Н.А.Григоровой ее мужа Б.П. Григорова.
3. «Июнь <...> за этот месяц пишу брошюру “Революция и культура”. Чтение моей статьи 1) Революция и культура (у Бердяева). (Ракурс к дневнику. Л. 88).

№ 183

Поварово, 2 сентября 1917 г.[1]

Милая мамочка, приеду в Москву к 7-му на один, два дня: я эти недели то слегка простужался, то упорно работал. Ужасно соскучился по Тебе. Отчего Ты у нас не была. Милая мама, напиши мне в Москву к 7-ому, скоро ли Ты приедешь в Москву. Целую Тебя крепко. Остаюсь любящий Тебя Боря.

1. Письмо. Датируется по почтовому штемпелю: Поварово. 2.9.17.

№ 184

Дедово, 9 ноября 1917 г.[1]

Милая мамочка,

Пишу Тебе о том, как хорошо в деревне. Советую Тебе поехать отдохнуть в Клин. Я вероятно пробуду в Дедове числа до 17-20. Если поедешь, непременно напиши.

Целую Тебя. Остаюсь искренне любящий Тебя. Боря.

1. Письмо датировано А. Белым: «9 декабря».

№ 185

Карачев, 21 июня 1919 г.
21 июня 19 года.[1]

Милая мамочка, пишу Тебе наугад. Спасибо за письмо. Я последнее время думаю о Тебе; ужасно болел за то, как вам должно быть

трудно в Москве: уезжай, ради Бога, в Демьяново; отдохни на свежем воздухе. Я буду в Москве вероятно после 15 июля. После первого июля у А.С.Петровского будет для Тебя 5000 рублей. Я потому не звал Тебя в Карачев, что, во-первых, пробраться туда почти немыслимо; это — ужас, а не езда; мы едва добрались в медицинском вагоне; и наверное в Орле на вокзале прожили бы среди толп несколько дней, не будучи в состоянии попасть в вагон, если бы не случай: мы попали в багажный вагон; поезд из Орла в Карачев осаждала тысячная толпа, а с ней ехать опасно (тиф). Далее: с питанием обстоит не так-то легко: надо покупать на базаре: 10 яиц — 40 рублей; творог — 20 рублей фунт; молоко — 35 рублей четверть; обедать же надо в общ[ей] столовой; где хвост и где в 1 час все бывает расхватано; пуд хлеба, если удастся купить, — 800 или 1000 рублей, т.е. далеко не такая идеальная жизнь, как кажется издалека.

Но все же: здесь можно работать, что я и делаю;[2] Тебе было бы скучно; я весь день с утра до вечера читаю, пишу и молчу. Мне ведь людей совсем не надо.

Милая, милая мама, если Тебе возможно на месяц поехать в Демьяново, — поезжай, отдохни... Мне же не удастся остаться здесь, зимой, вероятно, здесь условия невозможны, а главное: денежно пока я связан с Москвой, а при неудобстве сношения, при дороговизне жизни нельзя будет здесь остаться.

Я так провожу день: с утра до 3-х работаю у себя в комнате, в 5 обедаю; в 8 иду гулять с Клавдией Николаевной,[3] в 10 закусываем, или у меня, или у нее; в 11 часов я в постели; в 8 утра встаю; так — изо дня в день. Милая мама, пиши, куда адресовать письма. Господь с Тобою, остаюсь любящий нежно Тебя Б.Бугаев. 21 июня 19 года.

1. Письмо датировано А. Белым: «21 июня 19 года».

2. С мая по июль А. Белый жил у В.Г. Анненковой, где он перерабатывал «Путевые заметки». «Июнь — Читаю главным образом Моммсена (том за томом) и ряд сочинений, путешествий по Африке <...> Весь месяц перерабатываю второй том “ Путевых заметок“ Июль — Карачев < . ..> с юга приближаются деникинцы, едем в Москву» (Ракурс к дневнику. С. 100).

3. Васильева (Бугаева) Клавдия Николаевна (1886–1970) — вторая жена А.Белого.

№ 186

Москва, <ноябрь-декабрь> 1919 г.[1]

Дорогая мамочка, оставляю Тебе хлеба краюшку и 20 картофелин. Остаюсь любящий Тебя нежно Борис Бугаев

P.S. Милая мама, буду крайне благодарен, если Ты мне оставишь панталоны, или принесешь мне: громадная к Тебе просьба: почини как-нибудь те, которые ношу; а то и они разваливаются.[2]

1. Записка датируется приблизительно.
2. Текст написан на визитной карточке: Борис Николаевич Бугаев. Арбат, Никольский, 22, кв. 5.

№ 187

Петроград, <конец августа> 1921 г.[1]

Милая мама,

Да не разрывай же мне сердце! Ну что я могу сделать? Ведь мне решать, где служить в Москве ли, в Петербурге ли — все это связано с тысячами нитей: я устал, как собака, — да, я болен: болен нервным переутомлением; ведь и Блок умер,[2] сначала заболев усталостью и нервами, а потом и ангиной... Что я могу ответить на Твое письмо? Ты меня приглашаешь скорее лететь к Твоему пайку, бросив все, что неукоренимо связывает меня с *Петербургом* (работа, служба, возможность кое-как держаться и не умирать, ряд дел, о которых Ты и не можешь иметь представления) — итак: моя жизнь должна быть жизнью при Твоем пайке, а откуда я в Москве буду зарабатывать деньги? Это Ты надумала? А где я буду жить? Это — Ты надумала? Да еще при нервных расстройствах и сердечных одышках. Скажу, что Твое письмо, — камень в мою болезнь. И пойми, что я молчу, ничего не пишу Тебе оттого, что у меня стиснуты зубы от боли, что я 2 месяца ломал себе голову, как мне устроиться, как себя питать, как жить...

Подожди, потерпи: через 2–3 недели все разрешиться; и мне или придется Тебя выписывать в Петербург, или ехать в Москву к Тво-

ему *пайку* и своему *разложению* и *смерти* от невозможности в Москве работать.

Не сердись на меня, но и пойми, что есть вещи, от которых хочется себе разбить голову об стену, и что сил у меня уже ни моральных, ни физических *жить* нет.

Скоро так или иначе увидимся. Надеюсь, скоро будут деньги. Ведь[3] затеряли мою рукопись, а с ней по крайней мере 2 000 000 рублей, предназначавшихся на прожитие Тебе. Сейчас у меня денег нет. Надеюсь раздобыть. Остаюсь любящий Боря..

1. Письмо датируется по содержанию.
2. А.А. Блок умер 7 августа 1921 г.
3. Текст «у меня пропала» зачеркнут.

№ 188

Москва, ноябрь 1921 г. [1]

Доверяю получить следуемый мне пай за ноябрь месяц матери моей, Александре Дмитриевне Бугаевой, проживающей на Арбате, в Никольском переулке, д.21, кв.5, Дорогомиловский химический завод. Квартира А.И.Анненкова.

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый).

Ноябрь 21 года.

1. Записка — доверенность датирована А. Белым «Ноября 21 года». Число не указано.

№ 189

Москва, ноябрь 1921 г.[1]

Дорогая мама,

Будь завтра утром готова получить паек. Приготовь мешки, переноску и все прочее. Боря.

1. Записка датируется по содержанию.

№ 190

Ковно, 3 ноября 1921 г .
3 ноября 21 года[1]

Милая, милая, милая мамочка,

Вот уже около 2-х недель я в Литве, в Ковно, в ожидании разрешения мне ехать в Германию.[2] Теперь разрешение прибыло, и я скоро еду в Берлин (5-6-7-го). В Ковно я чувствую себя прекрасно; здесь множество русских (есть знакомые из Москвы и Петрограда). Представь себе совсем иную жизнь: освещение, множество продуктов, переполненные кафе, музыка и т.д. Я так хорошо питаюсь, что все говорят, будто я за 10 дней очень пополнел (ем филе, шницель); пища — дешева.

Ко мне литовцы относятся с большим вниманием, приглашают в оперу, драму; недавно меня пригласили на своего рода банкет литовские писатели и говорили приветственные речи; пришлось отвечать; и представь на этом вечере я даже вспомнил старое: много танцевал с литовскими барышнями. Сегодня в Ковно развешаны афиши по-литовски и по-русски о моей лекции (завтра и послезавтра читаю лекцию);[3] познакомился с рядом писателей; все, начиная с начальника города ко мне любезны. Вообще, мне хорошо в Литве. Был уже в немецкой миссии. Немецкий представитель уже осведомлен о моем приезде; он обещал все содействие для беспрепятственного разрешения мне ехать в Берлин; и даже приглашал на чашку чая; вообще: мое имя (Андрей Белый) страшно облегчает мне: все знают меня; знают и немцы.

Мне предлагают из Кёнигсберга прямо лететь на аэроплане в Берлин; и из Ковно можно лететь. Всюду — воздушное пассажирское сообщение. Я уже послал Асе в Швейцарию письмо по воздушной почте, которая функционирует всюду.

Из этого Ты видишь, что мне хорошо и спокойно. Тебе нечего беспокоиться обо мне. Господь с Тобой, поезжай спокойно в Петеребург.

Люблю Тебя нежно. И — не забываю.

Остаюсь крепко любящий Тебя Борис Бугаев.

P.S. Если письма долго не будет приходить от меня, не беспокойся: из Берлина я еще не знаю, как можно писать. А это письмо мне устраивает М.И.Балтрушайтис[4] с литовским курьером.

1. Письмо датируется А. Белым: «3 ноября 1921 года».
2. «Последние дни в Москве — безумие спешки, уезжаю на 2-х проездных визах без немецкой; из Латвии просят удалиться; едва зацепляюсь в Ковно». (Ракурс к дневнику. Л.111).
3. Лекция о стиховедении, которую А.Белый прочитал в Обществе литовских художников.
4. Балтрушайтис Мария Ивановна (1878–1948) — жена поэта Ю.К.Балтрушайтиса, бывшего в то время полномочным представителем Литовской республики в Советской России.

№ 191

Берлин, 29 декабря 1921 г.
Берлин 29-го дек[абря] 21 года.[1]

Милая мама,

только сегодня получил Твое письмо. Прости, что долго не писал; это происходило оттого, что я не знал, где Ты. Милая моя хорошая, я часто о Тебе думаю, и очень занят мыслями о том, как Тебе. Что касается меня, то я устроился хорошо и спокойно в Берлине, в чистой светлой теплой комнате с прекрасным пансионом. Пиши мне; письма доходят. Мой адрес: Deutschland. Berlin. W.Passaues strasse 3 III Stock, — bei d'Albert. Herrn Boris Bugaeff. Моя хозяйка — милая, интеллигентная дама, бывшая жена пианиста д'Альбера.

Поздравляю Тебя с праздником и с наступающим Новым Годом, в который мы, вероятно, увидимся. В Берлине масса русских и из Москвы, и из Петербурга (знакомых); устроили здесь *«Дом Искусства»*[2] и *«Вольно-философскую Ассоциацию»*.[3] Дела много. Теперь думаю много работать: писать.

Видел д-ра Штейнера и Асю. Представь: первый человек, которого я встретил в Берлине, была Ася; она с доктором проехала из Швейцарии через Берлин в Христианию; и — обратно: давать эвритмические представления; мы провели с ней 4 дня; и на возвратном пути она осталась 4 дня в Берлине.

В общем — не скажу, чтобы Ася порадовала меня; она превратилась в какую-то монашенку, нежелающую ничего знать, кроме своих духовных исканий.

Я, вероятно, в Швейцарию не поеду: трудно проехать; и — дорого: 1000 марок немецких, т.е. почти 900 000 русских рублей — не более 50 франков, а то и менее. И далее: русских в Швейцарию не пускают; перезимую в Берлине, летом, вероятно, поеду куда-нибудь в горы (в Германию же), а осенью, может быть, — в Россию, если позволят обстоятельства. Ну, милая моя, Христос с Тобою. Соне[4] привет, Кларе Гитмановне[5], Марье Гитман[овне][6] и ... привет тоже. Скажи, что мы часто видимся с Соломоном Гитмановичем[7]. Елене Юльевна Фехнер[8] (мой большой друг) — привет тоже. Остаюсь нежно любящий Тебя Твой Боря.

Христос с Тобой.

P.S. Передай Софье Гитмановне записку.

1. Письмо датировано А. Белым: «Берлин 29-го дек. 21 года».

2. В декабре 1921 г. в кафе «Ландграф» состоялось первое заседание «Дома искусств» в Берлине.14-го декабря А.Белый прочитал лекцию на тему «Культура современной России».

3. Отделение «Вольфилы» в Берлине существовало с 1921 по 1923 год.

4. Каплун Софья Гитмановна — деятельная участница «Вольфилы».

5. Каплун Клара Гитмановна — сестра С.Г. Каплун.

6. Каплун Марья Гитмановна — Ее муж Е.Я.Белицкий возглавлял издательство «Эпоха». Сестра С.Г.Каплун.

7. Каплун Соломон Гитманович (псевд. Сумский С.; 1891–1940) — журналист, литературный критик, до революции был издателем газеты «Киевская Мысль», эмигрировал и руководил в Берлине издательством «Эпоха», открытым в 1922 г. как отделение петроградского издательства «Эпоха». Издавал горьковский журнал «Беседа» (Берлин,1923–1925).

8. Фехнер Елена Юльевна (1900–1985) близкая знакомая А.Балого. Автор воспоминаний об.А.Белом. См.: «Зов многолюбимый...» Андрей Белый и Е.Ю.Фехнер. //Литературное обозрение. Публикация А.В.Лаврова. 1989. № 9. С.105–112.

№ 192

Берлин, январь 1922 г.[1]

Милая мама,

Поздравляю Тебя с праздником Рождества Христова. И — с Новым Годом. Мне в Берлине удивительно хорошо в смысле всяких удобств: великолепная пища, комната, уход, покой; но тяжело внутренне — духовный Свет с Россией. Нет дня, чтобы не вспоминал Тебя. Хорошо ли Тебе? Довольна ли Ты жизнью. Пиши мне. Не знаю Твоего адреса пишу Соне.[2] Здесь, в Берлине — все, как прежде: театры, кафе, туалеты, внешний комфорт; только — подорожало; проживаю в месяц до 6000 марок; редактирую журнал,[3] читаю лекции, пишу. Здесь более 100 000 русских. Масса знакомых. Встретил Марию Ник. К. — хотела телефонировать мне. Видел Асю, Штейнера. Ася приезжала опять сюда 23 января с Доктором. София Ник[олаевну] Кампиони в Дорнахе. Мне приготовляют визу в Баварию граф Калькрейт. Может быть, с весной буду в Мюнхене: пиши подробно, как Ты. Люби Соню, Разумника Васильевича[4] и Елену Юльевну:[5] они — мои хорошие, близкие друзья. Думаю о Тебе: может быть, зимой 22 года увидимся. Не тоскуй обо мне. Мне хорошо во внешней жизни: только душа болит, — Ася оставила меня. Трудно пережить это. Ну да я — железный: все переживу. Милая, хорошая, — пишу по адресу так (в таком порядке). *Германия. Берлин.* Deutschland. Herrn Boris Bugaeff Passaues strasse 3, — bei d'Albert. Berlin. W. (живу у жены пианиста д'Альбер). Христос с Тобой.

Боря.

1. Письмо датируется по содержанию.
2. Речь идет о журнале «Эпопея». «Переселяюсь в угол Passauer Strasse к профессорше д'Альбер (жене знаменитого пьяниста). Тем не менее впрягаюсь в организацию журнала «Эпопея», коего числюсь редактором». (Ракурс. Л.111 об.).
3. «Час от часу не легче; ссора с Асей; отход от антропософии ‹...›под ударами судьбы — почва зашаталась под ногами; нет воли что-либо с собой сделать; переоценка ценностей 10 лет (и людей, и идей, и себя): начинаю угрюмо убегать от всех (и русских и антропософов) и угрюмо отсиживать в пивных: так приучаюсь к вину». (Ракурс, Л.11 об.).

№ 193

Берлин, 6 марта 1922 г.
6 марта Берлин 22 года.[1]

Моя милая, милая, тысяча раз милая мама,

Спасибо Тебе за хорошее, меня поддерживающее письмо. Нет дня, чтобы я Тебя не вспоминал. Я спокоен за Тебя; я уверен, что Тебе весной будет недурно в Петрограде. Прошлою весну я наслаждался Невой, Летним садом. Теперь прошло самое трудное время. Милая моя, — в моей душе прошло самое трудное; мне было очень нехорошо зимою (в декабре-январе-феврале). Теперь март, и — всюду чувствуется весна. Идут дожди, продают цветы. Внешне я очень хорошо устроился; хозяйка, очень культурная дама, профессор пения, M-me d'Alber (жена вторая и бывшая) известного пианиста д'Альбер за мной хорошо ухаживает. И вообще, — я вполне в чистоте, в комфорте, в удобстве. Все трудное, что пришлось пережить — душевного порядка. И нет, чтобы Ася меня бросила (мы же в прекрасных отношениях), а то, что *антропософия* ее совершенно фанатизирует. Ей некогда думать о себе и обо мне, как ей некогда думать ни о чем, кроме своей *службы* делу Доктора, — говорю *службы*, потому что *охота пуще неволи*...

Что ее толкает так калечить свою душу и жизнь (свою и мою) — не знаю, или вернее знаю, но ... не одобряю.

Конечно, мне грустно ехать к жене и очутиться без жены одному в Берлине. До сих пор она была 3 раза наездом из Швейцарии (ведь она все время разъезжает с эвритмией по городам, танцует то здесь, то там: то в Норвегии, то в Праге, то в Лейпциге, то в Штутгарте. Так же с турне приезжает она и в Берлин. Сегодня или завтра она приезжает в 4-ый раз уже. И обещала на этот раз остаться, пожить со мной недели две-три, сейчас иду на лекцию Штейнера; здесь, в Берлине, антропософские курсы; буду отсиживать с 9 до 3 и все вечера. Но хочу пропустить все лекции через свое сознание.

Я очень занят: пишу книгу, буду продолжать писать роман,[2] редактирую худ[ожественный] журнал;[3] мы открыли отделение *«Вольфилы»*, *«Дом Искусства»*. Здесь масса русских, масса приглашений (так: вчера на капустник *«Художественного театра»*, дававшего представление); в Берлине 105 тысяч русских, русские газеты,

рестораны, клубы, лекции. Улица рядом со мною Tauen Tzin Strasse по вечерам покрыта русским говором.

Думаю скоро переехать на дачу под Берлин, а то, как в Москве и Петербурге, мешают работать.

Милая, хорошая — из этого описания внешней жизни в Берлине Ты видишь, что мне хорошо.[4]

Мамочка, вчера, после того, как написал было эти слова, слышал лекцию Штейнера: что за удивительная![5] Я был совсем потрясен! После лекции до 12-30 ночи сидели с Асей в ресторане «*Reingold*»: оркестр играл цыганские песни и вспоминалась Россия.

Сейчас дивное, весеннее утро: 8 часов; сижу с открытым окном и дописываю письмо, врывается солнце; и на душе — может быть, в первый раз после всей зимы, — тоже солнечно. Как хотелось бы солнечно Тебе улыбнуться. Милая, хорошая, Господь с Тобою. Скоро еще напишу.

Остаюсь глубоко любящий Тебя Боря.

Общим знакомым привет. Соне, Кларе Гитмановне, Фехнер, Разумнику Васильевичу[6] и «*Вольфиле*».

1. Датируется А. Белым: «6 марта Берлин 22 года».
2. « ...подготовляю к изданию переработанный текст “Петербурга“: заново вглубляюсь в поэзию Блока.»
3. Имеется в виду журнал «Эпопея».
4. В действительности все было иначе. Было очень плохо. «Ужасная встреча Нового года: никогда не забуду! С января окончательно стабилизируется никчемная жизнь. Тем не менее: пишу вторую главу «Воспоминаний о Блоке» и ввод[ную] статью к «Эпопее» <...> «Приезд Аси: час от часу не легче. Отчаянье мрачней». (Ракурс. Л.112). См.: письмо А.Белого Иванову-Разумнику 12 марта «Ася со мной более, чем холодна, — вот что произошло: я зашел в кафе машинально выпил (что не помню, и в каком количестве не помню) и вдруг, мгновенно, без чувства опьянения, сразу лишился сознания очнулся я почти через сутки, оказывается меня подобрали на лестнице нашего дома, лежащим головою вниз, и без чувств внесли и уложили на кровать.» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. С.239).
5. А.Белый присутствовал на лекциях антропософского высшего учебного курса с 5 по 12 марта.
6. С.Н.Каплун, К.Г.Каплун, Е.Ю.Фехнер, И.В.Иванов-Разумник.

№ 194

Берлин, март 1922 г.[1]

Милая, милая мамочка, получила ли Ты мое письмо, написанное недавно. Пишу наспех эти несколько слов: на днях напишу подробно. Жизнь в Берлине — ужасная суета; иногда по неделям не можешь прикоснуться к письменному столу: так люди рвут на части; и при всем желании сосредоточиться, — нельзя. И вот я решил переехать. Недели через 2 уезжаю из Берлина в Вюнсдорф (час езды, в деревню), чтобы обосноваться там; и только наезжать в Берлин по делам. Буду там жить с хорошими знакомыми; и много писать.

Дорогая, хорошая моя мамочка: обстоятельства так складываются, что еще долго не буду в России. Я думал эту зиму поработать, а меня 4 с половиной месяца рвали на части: «*Дом искусств*», «*Вольфила*», устраивается «Дом ученых» и т.д. Везде приходиться невольно бывать (ведь здесь, в Берлине — 300.000 русских: русские кафе, газеты, журналы, писатели; совсем — Москва или Петербург. Сейчас гостит здесь уже с месяц Ася; и мы каждый день видимся с ней; всюду бываем вместе; она — очень нравится всем: в ней что-то совсем очаровательное: сочетание мягкости, ласковости с духовной строгостью и чистотой.

Мама, хорошая моя, — не огорчайся нашей долгой разлукой; я — мыслью с Тобой. Постоянно думаю о Тебе. Мне очень радостно, что Ты дружишь с Соней:[2] она — мой друг. Мне очень хотелось бы, чтобы Ты поняла, какой прекрасный человек Разумник Васильевич:[3] бывай в «*Вольфиле*». Играешь ли Ты? Пиши чаще: письма доходят. Пока еще я не имею моего нового адреса. Пиши пока по адресу такому: Berlin. AlteYakob Strasse (bei Linden Strasse). 129. Kunstverlag «Herikm». Herrn A.Wischniak (с передачей мне: можно по-русски).

Ну Христос с Тобой. Обнимаю Тебя крепко и нежно.

Боря.

1. Письмо датируется по содержанию и в связи с письмами Р.В. Иванову — Разумнику за этот период.
2. С.Г.Каплун.
3. Р.В.Иванов-Разумник.

№ 195

Свинемюнде (близ Штеттина), июль 1922 г.[1]

Милая мамочка,

Прости родная, что долго не писал: было безумно много дел; и страшно страдала душа: я с Асей все покончил; мы совершенно разошлись; и это было очень, очень больно. Теперь поправляюсь: доктор направил меня к морю, в Свинемюнде (застарелый бронхит и желудок); в общем — пустяки; купаюсь, катаюсь на лодке, лежу на песке; и — ничего не делаю; дал себе месячный отдых; здесь — чудно, весело; весь день у моря: ухожу в 11 часов, возвращаюсь в 8; 9 часов сижу у моря. Проведу здесь июль и август: надо запасаться силами и залечить русскую усталость: в России таки я схватил бронхит и он принял хронические формы (я 3 года кашлял, и это была запущенная форма бронхита); сказали, что у моря все пройдет; загорел как араб; каждый день пекусь перед купанием на солнце. Посылаю дрянную карточку.[2] Послал Тебе *Ара*.[3] Напиши, получила ли Ты; и — получила ли посылку из Риги? Адрес в Свинемюнде: Deutschland. Swinemunde. LootsenStrasse 27 bei Koch. Мне. Или на Цоссен[4] (Zossen bei Berlin. Stubenrauchstr. 68. bei Lai) оттуда перешлют сюда. Ну, Христос с Тобой. Целую Тебя крепко. Твой Боря.

P.S. Милая, милая мама: жизнь в Свинемюнде веселая; с 5 часов до глубокой ночи весь пляж танцует; здесь в Европе обычай новый: 5-часовой чай с танцами. В ряде кафе очищена посредине площадка; кругом — столики, за которыми сидит публика, а на площадках танцуют — то публика (от детей до стариков), то танцовщицы. И вот — до 5-ти все купаются и бродят на пляже, а с 5 до глубокой ночи веселятся. Удивительно беззаботная жизнь; воздух — чудный, кругом сосновые леса; море и сосны... Я приехал работать и 7 дней бродил, ничего не делая. Лишь сегодня приступаю к работе. А как хорошо кататься в лодочке. Мы в Свинемюнде с Амалией Моисеевной Каплун, с женой брата Бориса Гитмановича[5]. Б[орис]Г[итманович] уже уехал в Россию. Я его в Берлине часто видел. Приехал Зайцев[6], Ходасевич[7]; в Берлине — масса русских. Раза два встретил Марию Николаевну, она развелась с мужем.

Милая, милая мама, если будешь писать, то пиши на книгоиздательство «Эпоха». Berlin W.Martin Luter Strasse 13 III Dr. Salomo Kaplun. Мне. Или на Цоссен (Zossen bei Berlin. Stubenrauchstr. 68. bei Lai. Мне) И из «Zossen», и из Берлина письма перешлют, потому что я не знаю, много ли пробуду в Свинемюнде.

Ну Христос с Тобой, дорогая.

Твой Боря.

1. Письмо датируется по содержанию и в связи с другими текстами.
2. Имеетсяы в виду фотокарточка.
3. АРА — американская администрация помощи. Эта организация оказывала помощь голодающим Поволжья в 1921 г.
4. По свидетельствам современников танцевальная «лихорадка» не обошла стороной и самого А.Белого. «Не в том дело, что танцевал он плохо, а том, что танцевал он страшно.В однообразную толчею фокстротов вносил он свои вариации — искаженный отсвет неизменного своеобразия, которое он проявлял во всем, за что бы он ни брался. Танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже и непристойную... То был не просто танец пьяного человека то было, конечно, символическое попрание лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому... (В.Ф.Ходасевич. Некрополь. Воспоминания. Paris. 1976. С. 89).
5. Каплун Борис Гитманович (1894–1938) — брат С.Г.Каплуна.
6. Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — писатель, драматург, переводчик, в эмиграции с 1922 г.
7. Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — поэт, переводчик, историк литературы.

Письма Аси Тургеневой А.Д. Бугаевой

№ 1

[Варшава] 30 ноября 1910 г.

Милая Александра Дмитриевна,

Едем хорошо, тихо. Много спим. Кашляет меньше. Целую вас крепко.

Ася.

<Далее рукой А.Белого>

Милая мама, радостно, счастливо, хорошо, едем в Вену. Целую крепко. С Асей безумно хорошо [быть].

№ 2

Кайруан 22 февраля 1911 г.

Милая Александра Дмитриевна,

очень интересен Кэйруан, но не такой уютный, как Радес и мы рады вернуться домой на ковер перед печкой. Тут с пустыни дует песок. Кэйруан окружен огромными равнинами — напоминают Россию. Целую вас крепко.Ася

Привет Екатерине Дмитриевне.

<Далее рукой А.Белого>

Милая мама!

Вид довольно точно передает Кэйруан. Целую. Получила ли две открытки из Кэйруана? Боря.

№ 3

Радес [февраль] 1910 г.

Милая Александра Дмитриевна!

Как тут хорошо: мы вчера переселились в тот новый дом — дом арабский довольно неудобный но зато несколько лучше наших европейских. 3 этажа но только в двух по комнате. Остальное закоулки и переходики. Кафельные цветные полы и лестницы, выбеленные стены и странные окна.

Вчера ночью мы долго гуляли по нашей плоской крыше. Луна была в тучах, но было светлей чем у нас в самые лунные ночи. Наш дом на краю деревни. Слева подымаются в гору белые плоские дома и мечети. Прямо перед нами немного вдали море сейчас много лодочек и вдали виден Cap-Bon. Под нами и окружают нас поля с кактусами и оливами. Дальше перспективы гор.

Мы устроились хорошо. В верхней комнате два рабочих стола, 2 стула, диван с ковром и огромная и красно-золотой финиковой веткой — это наша гордость. В низу прошел Боря, воображает себя то плантатором и тогда у него широкополая шляпа, трубка и револьвер, то арабом — тогда он надевает феску и красные туфли. Сейчас перед зеркалом устраивает себе чалму.

Не знаю сколько мы тут проживем, но нам так нравится, что думаем месяца 2. Потом Боря мечтает попасть немного вглубь Африки. Милая Александра Дмитриевна. Целую вас. Ася. Тут хорошо. Привет Екатерине Дмитриевне.

<*Далее рукой А.Белого*>

Милая мамочка!

Целую Тебя нежно: отчего нет писем? Только одно письмо от Тебя. Писал же много. Получила ли все открытки, письмо из Монреаля, письмо из Туниса? Мы теперь устроились прелестно, странно: кругом — арабы; и дом наш арабский; все ослепительно бело сверкает; и вон-вон на белом фоне четыреугольника дома мохнатая тянет ветви финиковая пальма; здесь цветут белые, желтые, красные цветы. У меня феска, арабские туфли. Пишу — а вдали (в 20 минутах ходьбы) изумрудно-голубое море Средиземное море; высовываюсь вниз — арабы в благородных, прекрасных плащах. Арабы мне нравятся; Ася от них в восторге.

Здесь проживем; отсюда будем делать поездки вглубь Африки: думаем проехать в Кэруан — священный город Тунисии; и на юг Алжирии — в Бискру, куда рукавом уже подходит Сахара и где видны необозримые пространства песков. У нас 3-х этажный дом с изразцовыми полами, плоской крышей, причудливыми переходиками; Тунис близок по железной дороге. Дом стоит 50 франков в месяц; но дом мы меблировали взятой напрокат мебелью. Немного неудобно: зато — странно, причудливо, очаровательно. Ну, целую милая, милая: пиши немедленно, а то забеспокоюсь. Любящий Тебя Боря.

P.S.Адрес. Afrique. Tunicie. Maxulla Rades (pres de Tunis). A Madame Rebeyrol, buraliste de Rades. Pour M. Boris Bougaieff. Тетю Катю целую. С Асей мне хорошо, светло, радостно.

P.S.S. Курим меньше; к 12 часам уже в постели; встаем от 9 до 10. Видишь какой правильный образ жизни ведем.

Тунис — великолепен: мы много толкались на арабских базарах (сукках), среди маленьких, сверху крытых улиц, были во дворце тунисского бея (ихнего короля), видели арабский суд, были в арабской деревушке Эль-Арион; гуляли в Бельведере — прекрасном парке. А вот план нашего дома.

а) — плоская крыша
в) — наш дом
с) — площадь
d) — поле
e) — мечеть
f) — море

Милая, милая — пишу еще здесь: Ты мне пиши подробно, что в Москве: ничего не знаю, мало кто пишет: русских газет не читаем, да и вообще никаких. Еще раз целую: пиши же.

№ 4

Порт-Саид 14 марта 1911 г.

Милая Александра Дмитриевна,

только что высадились в Порт-Саиде. Завтра с утра в Каир, где будем в 12 дня. Ехали великолепно на немецком торговом пароходе 5 дней единственными пассажирами. Чувствовали себя как дома [у Рингвала] капитана. В Каире пробудем не больше месяца. Целую вас крепко. Ася.

<Далее рукой А.Белого>

Целую крепко. Хорошо ехали. Пиши. Адрес: Africa. Egypte. Kaire. Poste restante. Целую.

Боря.

№ 5

Москва 19 [июля 1912 г.]

Милая Александра Дмитриевна,

Очень жалею, что не могла придти с утра, бегала по магазинам, потом до 12 укладывыалась. Боря тоже вернулся поздно. Пишу с вокзала. Спешу. Напишу от Марг[ариты Кирил[ловны]. Привет Екатерине Дмитриевне. Целую Вас. Ася.

<Далее рукой А.Белого >

Милая мама!

Вчера было столько хлопот, что не было времени зайти. Напишем от Маргариты Кирилловны. Христос с Тобой, родная: привет, привет! Остаюсь нежно любящий Боря. Тете Кате привет.

№ 6

Милая Александра Дмитриевна,

Вчера — не знаю как это произошло — Боря сбрил усы. Мы это решили в одну минуту и тут же он обрился. Я его совсем не узнаю, он помолодел, потолстел, поздоровел и вид какой-то очень решительный. Когда он в шапке, ему никак не дашь больше 22 лет. Я

только что узнала, что он не послал вам своей фотографии. Если хотите, напишите нам, я тотчас ее вышлю, но она менее удачна, чем мои. Я снималась, как вы просили в профиль, но это совсем не вышло.

Штейнер великолепен. Я хоть ни слова не понимала на его лекциях, вынесла впечатление которого не производил на меня ни один лектор. А при свидании он очень хорошо посматривал на нас.

Теперь мы засели за немецкие словари и грамматики, Боря пишет роман а я гравирую. Спешим отделаться, чтобы быть свободными к Мюнхену. Целую вас очень, милая Александра Дмитриевна. Екатерине Дмитриевне мой привет. Ася.

№ 7

Дагерлох <Ноябрь> 1912 г.

Милая Александра Дмитриевна,

Как давно собираюсь написать вам. Но и в Мюнхене и в Базеле попали в такой быстрый водоворот, что и спать, и есть, и гулять некогда было. Теперь мы спрятались недели на 3 работать и отдыхать. И так запрятались, что ни Европы, и городов, и железных дорог, ни Москвы, ни знакомых, никого нет.

Под самыми окнами озеро с туманными очертаниями гор, а за ними скалы вперемешку с лужайками, на которых всех цветов и оттенков деревья. От бело-золотого до черно-красного. И погода, кажется, впервые за все лето собирается быть теплой.

Грустно не возвращаться в Москву к близким, но, когда подумаешь какая тяжесть под Москвой, видишь, что лучше, по крайней мере, зиму не ехать в Россию. Особенно теперь, когда работа у доктора только начата. А вы, не соберетесь ли к нам как-нибудь, Александра Дмитриевна, пожить в Берлине и посмотреть Доктора? Я уверена, что он на вас произведет огромное впечатление. Я лично ничего прекрасней его не видела.

Боря торопит гулять в горы. Милая Александра Дмитриевна, целую вас очень. Мой привет Екатерине Дмитриевне. Ася.

Адрес: Vitzenau. Poste- Restant. Подробнее. Schweit. Vitznau. Poste restante.

<Далее рукой А.Белого>

Милая, дорогая, целую.

Целую тетю Катю. Мадам Недович мы просили Тебя целовать. Она Тебе расскажет про Базель.

№ 8

Дагерлох ноябрь 1912 г.

Милая Александра Дмитриевна,

сегодня получили вашу открытку и дня 3 тому назад ваше такое милое письмо. Штутгарт ведь за 3-4 часа от нас и мы ездим туда раз в 3 дня. У Бори сегодня болит голова и он боится писать, чтобы не разболелась. Он целует вас и просит передать, что на днях напишет. Теперь о шубах. Мы 22 ноября нового стиля едем на 5 дней в Мюнхен и только там решится — едем ли мы оттуда в Берлин или обратно в Штутгарт. Уже становится холодно и поэтому их непременно нужно в Мюнхен иначе мы не сможем их выписать раньше, чем через месяц. Поэтому, пожалуйста, тотчас по получении этого письма перешлите наши теплые вещи, чтобы она их послала нам. Я прилагаю так же записку к Наташе, где говорю, как послать вещи. Посылаю ее вам, потому что почему-то ей часто не доходят, а это важно. Если вам это не трудно, то нам нужно было бы: 1) Борина шуба, 2) шапка 3) моя шуба 4) моя шапка с горностаем, 5) горжетка, 6) муфта, 7) бархатное платье. Ну, вот кажется все. Милая Александра Дмитриевна, мне очень стыдно утруждать Вас.

Право, как хорошо было бы, если бы вы зимой проехали к нам. Кажется, после здешнего Рождества (т.е. на 13 дней раньше нашего), мы месяца на 3-4 усаживаемся в Берлине. Мы с Борей немного побаиваемся Берлина: говорят там очень тяжело жить. Но жить в одном городе с Доктором уже имеет огромное значение. Мне бы очень хотелось, чтобы вы на него посмотрели.

Еще есть у меня к вам просьба. Могу я на ваше имя послать Наташе часть последних лекций Доктора кот[орые] мы по запис-

кам одной дамы переводим. Когда на конверте стоит — Ее Превосходительство — почта относится гораздо внимательнее и было бы жаль, если это потерялось.

Ну, пора кончать. Целую вас очень. Милая Александра Дмитриевна.

Екатерине Дмитриевне наш привет.

<*Далее рукой А.Белого*>

Милая мамочка, целую очень. Нежно люблю. Пишу на днях. Сейчас болит голова. Боря. Тетю Катю целую.

№ 9

Дорнах [1914 г.]

Милая Александра Дмитриевна,

Как давно вам не писала, а так часто собиралась. Да и написала вам два письма, но кончить не успела, они и затерялись. Сейчас только что кончился теософский, т.е. антропософский съезд. Так как мы уже не теософы. Доктор много лет уже боролся с теориями, кот[орые] распространяет индусская теософия, надеясь их переубедить, но кончилось только тем, что у Безантистов открылись какие-то некрасивые дела и Безант отставила доктора от его должности руководителя немецкой секции и за доктором вышло около 3000 тысяч человек. Все очень довольны. На съезд съехалось много друзей и знакомых, так что кроме лекций и собраний у нас все время занято разговорами, то с тем то с другим.

А Доктор с каждой лекцией открывается нам новой силой, новой стороной. Мы прослушали около 60 лекций и не перестаем поражаться все новому и новому что он открывает нам. Но от города, немцев, шестиэтажных коробок мы начинаем уставать и тянет месяца на два, три, отдохнуть в деревню. Если не будет войны и Доктор отпустит нас, мы думаем в апреле проехать к моим.

Милая Александра Дмитриевна, если вас не испугают собаки, не слишком удобные комнаты, и вообще отсутствие всякого комфорта — мы будем очень рады, если вы приедете пожить с нами.

Целую вас очень. Ася. Передайте мой привет Екатерине Дмитриевне. Клеопатра Петровна ваше письмо получила.

<*Далее рукой А.Белого*>

Милая мамочка, целую Тебя, на днях пишу: страшно устали от лекций; целую тетю Катю, привет М.А.Эртель; нежно любящий Тебя Боря.

№ 10

Дорнах март 1914 г.

Милая Александра Дмитриевна,

я очень обрадовалась, когда узнала, что наконец вы собрались к нам. Одного мне страшно. что вы останетесь недовольны вашей поездкой.

В Дорнахе прекрасно, но никаких удобств. Когда солнце, то тепло, все зеленеет, прекрасные прогулки, но бывает что туман, холода и такая слякоть, что нельзя выйти. Но в апреле я думаю уже все установится. Дорнах, Арлесгейм, Харцеланд — полудеревушки — полудачные места разбросанные на холмах и покрытые вишневыми деревьями. К началу апреля все это будет цвести. Yohnnisvaй стоит на холме, откуда далекий вид на равнину и на перспективу гор. За ним цепь холмов поднимается выше и на самой вершине недалеко 3 развалины старинных замков. Я думаю все это вам понравится.

Беспокоит меня только как вы будете есть ведь мы все вегетарианствуем и приличных ресторанов в Дорнахе нет. Я постараюсь вам снять, если удастся хорошую, большую комнату недалеко от нас — может быть можно будет и с пансионом.

К несчастью в Дорнах мы переезжаем только 1-го апреля, до тех пор приходится ютится в Базеле. Милая Александра Дмитриевна- самое хорошее было бы, если бы вы приехали к нам теперь в Базель. Оттуда на неделю в Вену и оттуда в Дорнах. Я не думаю, что вы устанете , ведь вы будете с нами и беспокойств вам не будет. Клеопатра Петровна в эти 4 месяца проколесила всю Европу: от Мюнхена до севера Норвегии, потом в Берлин, Мюнхен, Кельн, Италию, опять Берлин и т.д. и не устала.

Ждем с нетерпением вашей телеграммы. Екатерине Дмитриевне мой большой привет. Целую вас и жду. Ася.

Если вы решите ехать прямо в Вену, то удобнее всего на границу. Спишитесь тогда с нами заранее, чтобы нам встретить вас, снять комнату в нашем отеле и приготовить билет на цикл. Цикл начинается 8-го апреля вечером (нового стиля) следовательно в Вене надо быть 7-го апр[еля].

№ 11

Дорнах 13 ноября нов[ого] ст[иля]1914 г.

Милая Александра Дмитриевна,

много раз хотелось написать вам, но руки опускаются, когда знаешь, что письмо так долго идет да еще вдобавок проходит через чужие руки. Мы здесь живем очень тихо, работаем в “Ваи” — впрочем с наступлением холодов не так усердно. Боря месяца полтора сидел дома и писал. Теперь он опять соскучился по работе в “Вай” и ходит стучать часа на 3, 4 каждый день.

Вы бы прямо не узнали “Ваи” так он вырос и похорошел с вашего отъезда. Купола и пристройки покрыты голубовато-зеленой черепицей, которая отражает малейшие оттенки неба и кажется, что они живые. Итальянские рабочие называют “ colara del monda”.

Когда вы были тут — помните? — мы делали капители. Теперь колонны, капители, архитравы — все стоит на своем месте и впечатление производит громадное. Во время швейцарской мобилизации в Арлесгейме было много солдат, все он приходили осматривать “Ваи” и были в восторге от его красоты. Внешние стены тоже почти готовы. Над каждым окном мы вырезали по огромной и очень красивой форме. Они, как венком, окружают главное здание. Теперь нам настлали пол под самым куполом и мы уже там отделываем архитравы.

Скоро художники, которые работают в своих ателье внизу и подготовляют рисунки, придут к нам и будут расписывать купол. Рядом с Ваи строится и почти готов дом — верный сфинкс, в котором будет устроено отопление для Ваи.

К несчастью многие из лучших работников взяты на войну и благодаря этому все идет медленней. Доктор постоянно с нами,

постоянно слышим его лекции и это большая помощь и радость для нас.

Первое время войны Боря много волновался и нервничал, но теперь он гораздо спокойней и бодрей. Квартира у нас теплая, на солнце и удобная, часто обедаем дома, т.е. гораздо вкусней и сытней, чем в кантине, каждый день на воздухе, ложимся и встаем довольно правильно. Как видите, условия жизни нормальные и Боре хорошо. Целую вас, милая Александра Дмитриевна. Екатерине Дмитриевне мой большой привет.

Ася.

№ 12

1 апреля 1915 г. Дорнах.

Милая Александра Дмитриевна,

Желаю вам светлого праздника Пасхи. Помните, что Доктор так часто говорил — что наша грусть об ушедших правильна, но она не должна мешать им. Наоборот наши мысли о них должны быть им помощью и мы можем им оказывать поддержку. Я не могу вам много написать об этих лекциях, но, если бы вы спросили Григорова, он бы вам многое рассказал и для вас это было бы большим утешением.

У нас к Пасхе готовится ряд празднеств, в которых будем участвовать и мы с Наташей, но конечно в такое время ничего слишком веселого быть не может, будет музыка, хоры, чтенье стихов и эвритмия. Доктор прочтет несколько лекций.

Боря много занимается дома — в “Bau” больше не работает. Я продолжаю, но понемногу. Целую Вас, милая Александра Дмитриевна, и желаю всего хорошего. Помните Доктора. Тогда легче.

Ася.

Письма Аси Тургеневой Андрею Белому

№ 1

<1918 г. Дорнах>

Боренька, только что получила твое письмо от 22 февраля через год молчания. Милый, что сказать: будем жить и смотреть, что приносит жизнь. Пишу на людях и ждут пока кончу записку. Целую Ася.

№ 2

Милый Боря,

хотелось бы подробней знать о твоей и о вашей жизни. Ты меня несколько раз упрекал, что я не зову тебя. Знай, что, если ты подлинно из себя решил приехать, я сколько возможно буду помогать тебе в этом. Но ни в коем случае не хочу моими желаниями или не желаниями влиять на твое решенье. Как бы сложилась жизнь и наши отношения не знаю и не предрешаю.

Помни трудности, какие у тебя были здесь, думаю, что тебе будет не легче, а трудней, но знаю в каких условиях ты находишься брать на себя ответственность как-либо влиять на твои поступки.

Целую. Напишу подробней, если буду знать, что можно через переписываться.

Ася.

№ 3

Боря, милый, пишу кратко без надежды, что это письмо до тебя дойдет. Много горечи в твоих последних письмах. Отчасти не справедливо. Мы использовали все случаи, чтобы переслать вам книги Д[окто]ра. И испробовали много путей, чтобы писать вам. Если не доходит вини свободы нашего времени.

Я не хочу, чтобы мое желание или нежелание играло роль в твоем решении ехать сюда или нет. Если ты решил приехать я сделаю возможное, чтобы достать тебе разрешение на въезд — что очень трудно — для Поццо Наташа хлопотала 6 месяцев а приехал он из Польши. И заработок.

Будущее всегда неожиданно и вперед я не гадаю. Если я не хочу прошлого, это не значит, что во мне не живо то подлинное, что было в нем. Но на эти темы в открытой записке писать не полагается. Целую, милый, и думаю о тебе. Целую друзей. Ася.

Письмо Андрея Белого Асе Тургеневой

Дорогая Ася, < 1919 г. >

неожиданно известили меня о возможности переслать Тебе письмо; пишу два письма; деловое по-немецки на случай, если письмо по-русски не дойдет по цензурным условиям.

Дитя, я уже ответил Тебе кратко на письмо, в котором Ты меня знакомила с Твоим душевным миром и где высказала свои опасения о нашей будущей жизни; в виду того, что вероятно Ты не получила письма, — кратко говорю еще раз: кратко, серьезно, ответственно: — Ты мне близка всякой; принимаю Тебя всякой — И прошу довольно! Теперь, когда еще неизвестно, увидимся ли в этой жизни, — не время заниматься критикой друг друга; я ждал от Тебя 6 месяцев писем, и — получил 1) воспоминания Твои об "ужасах" нашей совместной жизни 2) уведомление, что Ты не стесняешь моей свободы (как будто я этого не знал!) 3) уведомление о Твоих отношениях с В.Д.П. Мне было очень грустно, что наша жизнь, которая по условиям времени может быть и не возобновится (все под Богом ходим!), отложилась в Тебе только так, как она отложилась. Заявляю со своей стороны, что я не намерен со своей, что я не намерен также стеснять Твоей свободы. И — перестанем говорить в письмах на эти темы, прошу Тебя! А то взаимные уверения друг друга о не стеснении друг друга могут укоренить во мне впечатление, что если бы и была мне возможность приехать к Тебе, то ... так как я не хочу стеснять Твоей свободы, то лучше мне к Тебе не ехать; ведь вот вывод из одного письма Твоего мне; допускаю и верю, что это не так.

1) Не приезжай. Жизнь в Москве ужасна: отопления нет; 1 сажень дров стоит 1200 р. и т.д. Дома с паровым отоплением стоят с лопнувшими трубами; эту зиму прожили так: у меня температура держалась от 7–8% до 2%, 1%, у мамы уже полтора месяца — 2% вода мерзнет в доме; пропитание мне стоит 80–90 рублей в день и т.д. Коробка спичек 3 рубля. Фунт черного хлеба 35 рублей; лепеш-

ка на ужин 60 р[ублей] и т.д. Все в таком темпе. Бросаю Москву и бегу в провинцию. 2) Есть слабая возможность пробраться в Италию мне в августе-сентябре на 4 месяца от "Дворца искусств" в сопровождении группы русских художников; только таким образом и можно наладить мою поездку; трудности в том, что разрешение на проезд я еще могу достать от русских, но от западноевропейских властей почти нельзя добиться; тоже и с переводом денег требуют "николаевские деньги", а их не могу достать; кроме того: здесь мой бюджет таков: комната, отопление, освещение рублей 400; корм: рублей 90 в день, т.е. 90 х 30=2700, а официально получаю жалованье 1400 в месяц + 400 лекторских + случайный заработок; мама голодает и холодает, получая 200 р[ублей] в месяц пенсии (а у нас дворник получает не менее 500 р[ублей], имея главный доход на стороне); прежний 1р.=1 копейке по некоторым статьям бюджета. Помогаю маме, уделяя рублей 600–700 в месяц. Чтобы приехать от себя к Тебе, надо иметь несколько десятков тысяч (при почти невозможности проехать): поэтому стараюсь получить командировку, которую мне обещал заведующий "Дворцом искусств", где я член литер[атурной] коллегии. Состою на службе в Моск[овском] "Пролет=культе", как лектор, консультант- специалист и член лит[ературной] коллегии, выбран председателем Вольно-Филос[офской] Академии в Петербурге; но эта последняя никак не может осуществиться в следствии технических трудностей. Осенью служил в Театральном отделе, заведуя научно-теоретической фракцией, но ушел (там ужасный кавардак); одно время возникал Литературный Отдел при Комиссариате; коллегия писателей наметила меня заведующим отделом; но отдел не состоялся из-за разногласия между группой писателей с Луначарским и Горьким.

Литература угасла: нет бумаги. Мы все писатели, служим; в эпоху, когда получил Твое письмо в декабре был переутомлен службой: по 4 заседания в день; потом — ночная работа на дому; и все-таки: до Рождества принимал живое участие в нашем О[бщест]ве, где кипела жизнь; теперь — все перекосилось, ибо в комнате О[бщества] мороз (собираться негде), а сообщения затруднены (члены же живут в разных кварталах; и все — служат). Трифон заведует Под=отделом в отделе Охраны=памятников Старины, Петровский завед[ует] Под=отделом Рум[янцевского] музея. Маргарита в

инициативной группе "Дворца Искусств" и в Театр[альном] отделе и т.д. Б.П.Григоров в "Кооперации".

Осенью прочел 3 лекции в О[бществе]; кроме того читал курс "Стиховедения" в Пролет=культе; теперь читаю "Теорию худ[ожественного] слова" (4 часа в неделю), заседаю, правлю рукописи и готовлю инструкторов для народа. Любопытно: моя ритмика в ведена в Университет для "Магистерского экзамена" и она оказалась нужна именно для "пролетарских поэтов". Имею живой контакт с писателями рабочими, для которых "стиховедение" настолько необходимо, насколько вчера оно казалось роскошью для "интеллигентов". В моей студии необыкновенно талантливые ученики. Пишу 14-ю часть эпопеи "Я" ("Записки чудака"), но работа часто обрывается, ибо вот темп жизни: завтра читаю "Записки чудака", послезавтра 4-х часовая лекция в Пролет=Культе, в четверг я официальный оппонент Луначарскому во "Дворце искусств", в пятницу заседание "Литер[атурной] коллегии", в субботу выступаю публично на диспуте от "Дворца искусств", в воскресенье читаю в Пушкинской студии. Так течет жизнь; возвращаюсь в холодную нетопленую комнату и подчас ложусь спать, не снимая верхнего платья, накрывшись всем, что есть. Бывает: сиро, голодно, холодно; впереди — голод и холод.

И вот — не ропщу, но лежачего не бьют: а подчеркивать с Твоей стороны трудности нашей былой жизни значит: бить лежачего... — Но не буду.

Что же мне еще написать, Ася? Не знаю: писать внуренно — нет возможности: Ты получишь через 4–5 месяцев, когда и я буду уже в другом, и Ты. Теперь ответ на письмо получаешь (если получаешь) через год. И лучше всего: не отвечать на письма; отвечать на мгновенное настроение письма при условии, что адресат получит ответ через год, значит плодить химеры. Прости, если пложу химеру, сетуя на Твое декабрьское письмо (полученное на Рождество). Господь с Тобой; люблю Тебя по-прежнему. Наташе привет: пиши на адрес Петровского, или Москва, Румянцевский музей, или Москва, Моховая, д. 3, кв. 10. Привет всем друзьям.

P. S. Здесь голод на книги "Духовное знание", почти все разошлись, а перепечатывать нет бумаги; моя книга о докторе уже разошлась более году.

Ф.53, Оп.1, Д. 281.

Указатель имен

Содержание

Письма Андрея Белого к матери 1899–1922

«Люблю Тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери (1899–
Л 93 1922); [сост., предисл., подгот. текстов и коммент. С.Д. Воронина ; прилож. ; оформл. О.В. Калашниковой.] — М. : Река Времен, 2013. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-85319-070-2

Впервые по архивным источникам публикуется полный свод писем Андрея Белого к матери А.Д. Бугаевой, с которой он переписывался много лет.

Переписка дополняет солидный свод писем, опубликованных ранее, и послужит более глубокому пониманию поэта, писателя, философа Андрея Белого (1880–1934).

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 84(2Рос)

Литературно-художественное издание

«Люблю Тебя нежно...»

Письма Андрея Белого к матери

1899–1922

Составитель: **Воронин** Сергей Дмитриевич

Редактор *С.Д. Воронин*

Художественный редактор *Т.Л. Белкина*

Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 15.05.2013. Формат 60x90/16.

Тираж 500 экз. Заказ 3126

Издательство «Река Времен»

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-85319-070-2

